С. С. Волков

Лексика русских челобитных XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1974

2

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
и ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

С. С. Волков

ЛЕКСИКА РУССКИХ ЧЕЛОБИТНЫХ XVII века

ФОРМУЛЯР, ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТИКЕТНЫЕ И СТИЛЕВЫЕ СРЕДСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1974

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии рассматриваются своеобразие формы и стилистические особенности русских челобитных XVII в. Впервые к историко-стилистическому анализу привлечено 1200 челобитных представителей разных социальных групп русского общества того времени. Исследование позволяет выделить лексико-фразеологические средства, относящиеся к повседневной обиходно-бытовой речи русских людей XVII в., явившейся базой литературного русского языка.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов—филологов и историков, для лиц, занимающихся источниковедением, историей русского права и дипломатикой, а также для всех любителей русского языка.

Научный редактор проф. *Н. А. Мещерский*

Рецензенты: проф. *Е. М. Иссерлин*, проф. *А. С. Герд*

В $\frac{70101-092}{076(02)-74}$ 239—74

ВВЕДЕНИЕ

Деловая письменность XVII в. как источник изучения русского языка эпохи. Некоторые принципы лексического анализа актовых памятников

Изучение языка деловой письменности XVII в. самым непосредственным образом связано с исследованием процессов формирования языка русской нации и его высшей формы — национального литературного языка в начальный период их истории. Наиболее существенные черты истории XVII в. свидетельствуют о нем как о начале «нового периода русской истории, продолжающего свое непрерывное развитие в XVIII в.», хотя социально-экономическое развитие этого столетия «лишь подготовляло некоторые условия для капиталистического производства и приводило к зарождению капиталистических отношений в рамках еще прочного и не исчерпавшего своих возможностей феодального строя».[1]

Именно в XVII в. начинают складываться и все более укрепляются экономические и политико-социальные предпосылки для формирования русской нации.[2]

Начавшийся процесс формирования русской нации отчетливо дает себя знать также в области литературы. «Новую русскую литературу составляет литература русской нации с начала ее формирования, примерно с XVII в., до Великой Октябрьской социалистической революции... Примерно с середины XVII в. в русской литературе возникает ряд существенно новых явлений; это и давало основание некоторым прежним историкам литературы, например акад. В. М. Истрину, начинать "новую литературу" не с XVIII в. — Петровского времени, как это традиционно повелось, а со второй половины XVII в.».[3]

Не менее ярко обнаруживаются процессы сложения нации и в русском языке рассматриваемого периода. Языковая интеграция нации, создание общенациональной разговорно-обиходной речи и на ее основе национального литературного языка не только обусловлены экономическим развитием, но и в свою очередь воздействуют на него, поскольку «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устра-

---

[1] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955, с. 27.

[2] Мавродин В. В. Экономические предпосылки складывания русской нации. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.

[3] Благой Д. Д. Роль русской художественной литературы в формировании русской нации. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958, с. 232—233.

нении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе».[4]

Сложение общерусского языкового единства — наддиалектной устно-разговорной речи началось с середины XIV в. и шло параллельно с объединением вокруг Москвы феодальных княжеств, сложением Русского государства, завершившимся к началу XVI в. Однако это было языковое единство более низкого порядка (язык великорусской народности), чем национальная языковая общность. Оно существовало, по-видимому, на равных правах с диалектами — основной формой повседневного устного общения и почти не проявлялось в литературно-художественной речи: литературным продолжал оставаться книжно-славянский язык русского извода, который к тому же испытал новое воздействие южнославянской языковой стихии.

С конца XVI в. намечаются процессы, ведущие к преобразованию языка великорусской народности в язык национальный. «Отличие национального периода в развитии языка от его донационального состояния заключается прежде всего в серьезном изменении общественных функций языка в эпоху развития нации, в результате чего возникают полифункциональность литературной разновидности языка, стандартизированность ее норм и новая высокоразвитая стилистическая система, изменяется положение местных и социальных диалектов. Эти изменения влекут за собой и перемены в самой структуре языка».[5] На формирование общенациональной устной речи воздействуют и сложившиеся вокруг государственного центра — Москвы среднерусские переходные говоры, и московское «просторечие» — обиходный язык городских сословий. Новой концентрации диалектов, их подчинению общенародной речи содействуют и характерные для XVII в. перемещения и смешения больших групп населения разных территорий страны во время крупных крестьянских восстаний (Хлопка, Болотникова, Разина), в ополчениях периода «смутного времени» и борьбы с иностранной интервенцией, при заселении южных окраин, при колонизации и освоении земель на Урале, в Зауралье и Сибири, в результате массовых ссылок участников городских восстаний и т. д.

Изучение русского языка XVII в. весьма актуально, поскольку именно в эту пору интенсивно развивается живая стихия общенародной речи, которая сыграла определяющую роль в становлении русского национального литературного языка.

Первоочередными задачами в раскрытии процесса формирования национального русского языка и его литературной формы являются выделение и описание элементов общенациональной устно-разговорной речи, особенностей территориальных и социальных диалектов эпохи, анализ их взаимосвязи с разными ви-

[4] Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

[5] Филин Ф. П. Нация и язык. — В. І. Ленін і розвиток національних мов. Тези доповідей наукової конференції. Київ, 1970, с. 4.

дами письменной речи (художественной литературой, деловой письменностью, частной перепиской).

Важную роль в формировании русского национального языка в его устной и письменной формах сыграл московский деловой язык XVII в. Он сложился в XV—XVI вв. на основе языка великорусской народности, традиций деловой письменности Киевской Руси (в ее северо-восточной, ростово-суздальской и, может быть, северо-западной, новгородской трансформации) и элементов книжно-славянских. В своей истории письменно-деловой язык не остался неизменным: «Его формы, — писал Б. А. Ларин, — в XI—XIV вв. одни, уже несколько иные в XV—XVI вв., существенно изменяется состав и строй этого языка в XVII в., когда можно говорить о "приказном" языке в собственном смысле слова».[6]

Значение деловой письменности как источника для истории русского языка, в том числе истории литературного языка и исторической лексикологии, неоднократно подчеркивалось исследователями, начиная с М. В. Ломоносова. Однако в наши дни высокая оценка данных актовой литературы сосуществует с суждениями, которые выражают большую или меньшую долю скептицизма.[7] Нет единого мнения не только о том, в какой степени деловая письменность отражает живую народную речь своей эпохи, — дискуссионными остаются вопросы о месте деловой речи в языке русской нации начального периода ее формирования, об отношении актового языка XVII в. к литературному языку. Ощущается необходимость, с одной стороны, определения степени формализованности и традиционности приказно-деловой речи, раскрытия ее взаимоотношений с литературно-книжным языком, языком демократической литературы XVII в. и записей фольклора, с другой стороны, выделения элементов живой народной речи (общенародных, территориально и социально ограниченных), употреблявшихся в деловой письменности, и, таким путем, воссоздания народно-обиходной речи этого времени, хотя бы в какой-то ее части.

Интерес к проблеме формирования устной и письменной форм национального языка активизировал с начала 50-х годов XX в. изучение лексики деловой письменности Московского государства XVI—XVII вв. За прошедшее двадцатилетие обследованы разнообразные актовые памятники,[8] созданные как в центре, так и на периферии (московские, архангельские, астраханские, воронежские, двинские и др.). Опубликовано много работ, в одних из которых рассматриваются только лексика

[6] Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря. М.—Л., 1936, с. 14.

[7] Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 95; Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 32 и др.

[8] Актом, в соответствии с установившейся традицией в историческом источниковедении и языкознании, называем всякий текст юридического, административно- или хозяйственно-делового содержания, опирающийся на нормы общего и частного права, административную и хозяйственную практику.

и фразеология или словообразование определенной категории слов, в других же лексико-фразеологические наблюдения даются наряду с фонетико-грамматическим описанием памятника (акта или группы актов).[9] В практике описания словарного состава деловой письменности сложились определенные принципы отбора актового материала для изучения, приемы анализа его словаря, иначе говоря, своеобразные стандарты лексикологического исследования.

Ознакомление с этими исследованиями показывает, что основными принципами отбора актовых текстов для анализа является либо принцип территориальный (акты воронежские, ростовские, новгородские и др.), либо принцип единства издания (дела Тайного приказа, акты «слова и дела» и др.). Ведущий прием анализа — выделение и описание лексико-тематических групп.[10] К словам в выделенных лексико-тематических группах дается реально-исторический и лексикологический комментарий: выясняется история слова, определяется его семантика, проводится этимологический анализ, устанавливается архаичность или новизна слова, диалектный (на основе данных региональных словарей XIX—XX вв.) или заимствованный характер, показывается стилистическая принадлежность слова (тоже чаще с опорой на словари XVIII—XX вв.).

Нет сомнений, что работы эти полезны, они содействуют накоплению сведений о лексике деловой письменности XVI—XVII вв., что весьма важно, так как мы не имеем еще исторического словаря, который достаточно полно охватывал бы лексический фонд русской письменности XV — первой половины XVIII в. Но исследования эти лишь частично продвигают нас в решении основных задач, указанных выше, и не раскрывают системных связей лексики в деловой письменности в целом или в отдельных ее разновидностях. Ограниченностью наших знаний о языке деловой письменности, об обиходно-разговорной речи эпохи объясняется стремление расширить круг источников: привлечь для анализа неопубликованные актовые материалы, использовать ряд новых видов актов (таможенные, писцовые, записные кабальные и другие книги, акты политических процессов и т. д.), а также целенаправленный подбор и публикация новых материалов,[11] интерес к классификации актовой письменности и частной переписки, попытки выделить те разновидности,

---

9 Сведения об этих исследованиях приведены в справочниках: Славянское языкознание. Библиографический указатель. Ч. 1—2. М., 1963; Славянское языкознание. Библиографический указатель. М., 1969; Славянское языкознание. Указатель литературы. М., 1973.

10 Ср.: Глушкова К. Д. О принципах лексического анализа (на материале Илимской таможенной книги). — Труды Иркутского ун-та, т. 36. Сер. языкознание, вып. 2. Иркутск, 1965, с. 91.

11 См. серию интересных и ценных публикаций деловых и бытовых памятников XVII — начала XVIII в., осуществленных в Институте русского языка АН СССР под руководством С. И. Коткова.

которые наиболее полно представляют особенности обиходно-разговорой речи эпохи.[12]

Бесспорно, что московский приказно-деловой язык в XVII в. является одним из стилей литературного языка, оказавшим сильное воздействие на язык художественной литературы и другие стили литературно-письменной речи.[13]

В XVII в. деловая письменность предстает перед нами как развитая и сложная система деловых документов, разнообразных по форме и целевому назначению. Одни из актов имеют давнюю традицию, другие сложились относительно недавно, на протяжении XVI—XVII вв. Полифункциональность приказно-деловой речи, ее способность обслуживать самые разнообразные потребности общества — от сферы законодательства и межгосударственных отношений до частно-деловых и хозяйственно-бытовых отношений (включая сюда, по-видимому, также семейную и дружескую переписку) — ведут к различиям не только в содержании, но и в языке разных видов актов. Очевидно, именно эта многофункциональность определила использование формы деловых документов и элементов их языка для создания в XVII в. ряда литературно-художественных произведений (Повесть об Азовском осадном сидении, Калязинская челобитная, Повесть о Ерше Ершовиче и др.).

Классификацией актов и изучением их формальной стороны занимаются историки, это область дипломатики и источниковедения. Однако и лингвисты, особенно лексикологи, не могут не учитывать социального характера того или иного документа, его функций, степени распространенности, давности бытования (традиционности), особенностей формуляра и характерных стилеобразующих средств. Целенаправленное и результативное изучение лексики деловой письменности требует предварительной лингвистической классификации актов, объединения их в группы, единые по языковым и по формальным особенностям.

Сложность классификации актов заключается и в том, что в деловой письменности XVII в. одна и та же разновидность документа могла использоваться в разных целях (многофункциональность акта), один акт мог включать элементы другого, одно и то же лицо могло выступать в области общегосударственных и частных отношений.

Существует ряд классификаций актов, предложенных исто-

---

[12] См.: Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964; Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI—XVII вв. и историческая диалектология. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.

[13] См. суждения Б. А. Ларина (Проект древнерусского словаря, с. 14), Л. П. Якубинского (Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального языка (XV—XVII вв.). — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. XV, фак. яз. и литер., вып. 4. Л., 1956, с. 5—6), В. В. Виноградова (Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.— «Вопросы языкознания», 1969, № 6, с. 25).

риками-юристами и источниковедами XIX — начала XX в. (С. Саларев, Д. М. Мейчик, С. А. Шумаков, А. С. Лаппо-Данилевский)[14] и советского периода (С. Н. Валк, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин).[15] Лингвисты либо принимают одну из классификаций, предложенных историками,[16] либо пытаются создать классификацию актов на основе языковых и иных данных.[17]

При лингвистической классификации текстов деловой письменности необходимо исходить из социальной значимости того или иного документа, т. е. учитывать общественное положение и значение того органа (или лица), от имени которого оформляется данный акт, а также кому он адресован, а затем принимать во внимание информативность (сферу использования) и форму данного акта или группы актовых памятников, поскольку эти факторы определяют особенности их языка.

С этой точки зрения деловая письменность XVII в. может быть разделена на две группы: официально-деловую (общегосударственную, правительственно-административную) и частную (частно-деловую и эпистолярную).

Официально-деловые акты касаются как интересов всего общества, так и взаимоотношений отдельных социальных групп внутри общества, отношения верховной власти и правящих группировок к различным социальным слоям и их отдельным членам, межгосударственных отношений, управления и т. д.

Частно-деловая письменность касается отношений между отдельными членами общества: феодалом-землевладельцем и его приказчиками и крестьянами, предпринимателем и приказчиками, работодателем и работниками, между лицами, относящимися к одной социальной группировке, членами семьи. Сюда же следует отнести разного рода личные бытовые, хозяйственные или производственные записи.[18]

---

[14] Саларев С. Описание разного рода российских грамот. — «Вестник Европы», 1819, № 4—5; Мейчик Д. М. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 4. М., 1917; Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. М., 1917; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

[15] Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937; Зимин А. А. Программа курса «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи». М., 1950; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. М., 1951.

[16] Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, с. 19.

[17] Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности, с. 159—160.

[18] Подробнее этот вопрос рассмотрен в статьях: Волков С. С. 1) Лексика русской деловой письменности XVII в. в свете ленинских положений о формировании русской нации. — Вестник Ленингр. ун-та, 1970, № 20, с. 110—120; 2) Принципы отбора деловых памятников Московского государства XVI—XVII вв. для лингвистического исследования. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972, с. 103—107.

Социальная значимость акта, его адресат и адресант, место создания (приказ, воеводское управление, земская изба и др.) обусловливают различную степень литературной обработанности языка этого документа.

Тщательностью языковой отделки отличаются судебники XVI в., Соборное уложение,[19] грамоты-указы, дипломатические письма, сказки — обвинительные речи — и другие документы правительственных учреждений (приказов), воеводских палат (изб). Эти документы создавались тщательно обученными, опытными подьячими под наблюдением дьяков.

Говоря о степени литературной обработанности акта, мы имеем в виду не только его формуляр, но и нормированность правовой и административной терминологии и фразеологии, целенаправленность отбора лексико-грамматических средств.

Различна степень «литературности» языка частно-деловой письменности: с одной стороны, купчих, вкладных, духовных грамот, с другой — челобитных, документов частно-управленческой переписки, хозяйственно-бытовых записей и, наконец, собственно писем (эпистол). Акты этого рода писались либо площадными подьячими (писцами-профессионалами и нотариусами Московской Руси), либо сельскими, мирскими, церковными дьячками, мелкими «приказными людьми» (приказчиками, старостами, целовальниками, сидельцами и т. д.) или же лично авторами текста, записи, которые часто не обладали должными навыками делового письма. Содержание этого рода деловых памятников было обусловлено самыми разнообразными житейскими, бытовыми ситуациями, не помещавшимися в рамки приказно-деловой языковой формы, которая очень часто была не в состоянии обеспечить нормализованной фиксации этих ситуаций, поэтому естественным оказывалось включение обиходно-бытовых как общенародных, так и территориально или социально ограниченных лексических средств.

Для того чтобы установить степень литературно-языковой обработки каждой из выделенных групп деловых памятников, определить свойственные им лексические нормы и широту отклонений от этих норм в результате воздействия живой народно-разговорной речи, представляется необходимым раздельный анализ словарного состава официально-деловых и частно-деловых актов, отдельных их функциональных групп и разновидностей. Сведенные затем воедино подобные частные исследования дадут нам объективную картину системы словаря деловой письменности в целом, соотношение этой лексической системы со словарем других стилей литературного языка и фольклора.

Следует решительно возражать против рассмотрения лексики деловых памятников «единым потоком»[20] без вычленения

[19] Якубинский Л. П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального языка (XV—XVII вв.), с. 3—4.

[20] См., например: Назаров И. Н. О некоторых особенностях языка деловых документов XVI в. — Вопросы теории и методики изучения русского языка, вып. 4. Казань, 1965 и др.

формулярных элементов, стилевых трафаретов и других стилеобразующих средств разных видов актов, так как это ведет к совмещению лексических элементов разных временных планов, к искажению исторической перспективы. Анализ лексики, составляющей формуляр документа, лексико-фразеологических стилеобразующих средств, и лексики, которая раскрывает содержание акта (внутриформулярной части), необходимо проводить обособленно.

Вместе с тем нельзя уклоняться и от детального описания формулярных словосочетаний, стилистических трафаретов и других стилевых и художественно-выразительных средств данной разновидности актов. Исследование этой части деловых памятников раскроет процесс сложения и развития формуляра отдельных актов, степень формализованности и отработанности акта,[21] свойственные ему выразительные средства.[22] Необходимость работы в этом направлении подчеркивал еще А. А. Шахматов, давший образец анализа формуляра в «Исследованиях о двинских грамотах XV в.» (Спб., 1903, с. 21—31).

В целях выделения лексических элементов территориальных и социальных диалектов XVII в. и отграничения их от противостоящих им общенародных средств словаря наиболее плодотворным представляется сопоставительное изучение группы актов, принадлежащих к одной и той же разновидности, но созданных в центре и провинциях Московского государства или написанных представителями (от имени представителей) различных социальных групп общества того времени. Такое изучение актов безусловно обеспечит бо́льшую точность и объективность выделения диалектизмов и социально-профессиональных слов, уточнит показания областных и других словарей конца XVIII—XX вв.[23]

Лексикологическое исследование памятников эпохи перехода от языка народности к национальному языку должно отразить изменения в лексической системе, т. е. отмирание и появление определенных слов, в связи с этим охарактеризовать изменения в продуктивности словообразовательных типов, перегруппировку значений в семантической структуре слова, сдвиги в лексико-семантических сериях слов и т. д.

Большой интерес представляет изучение лексико-фразеологической синонимии как в отдельных разновидностях актов, так и в пределах функциональной группы и деловой письменности XVII в. в целом. Анализ синонимических серий слов и фразе-

---

[21] См.: Дерягин В. Я. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важских порядных XVII в.). — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971.

[22] См.: Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII в. — Труды ОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955; Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в., с. 23—24 и др.

[23] Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. — «Вопросы языкознания», 1969, № 6, с. 34.

ологизмов позволит объективно выделить элементы общенародные, единые для разных стилей письменного языка и устной народной речи, слова книжные, сугубо приказные и противостоящие им элементы общерусской обиходно-бытовой речи, диалектизмы, лексику социально-профессиональную. Между тем наблюдения над синонимией в памятниках деловой письменности XVII в. единичны и носят случайный характер.

Охват в одном исследовании деловых памятников, относящихся к разным историческим периодам в жизни русского народа и его языка, без выделения отдельных синхронных состояний не дает возможности определить специфику развития и бытования словаря в определенный исторический период, поэтому безусловным принципом лексикологического исследования должна быть группировка актов по их принадлежности к одной и той же исторической эпохе.

Челобитные XVII в. как объект лексикологического изучения

Среди многочисленных и разнообразных по своей социальной значимости, по сфере использования и по своим формальным особенностям деловых документов XVII в. привлекает внимание одна из разновидностей — челобитные. Так назывались в XVI—XVII вв. всякого рода прошения, заявления, жалобы на имя царя, членов его семьи, патриарха, феодала. Это наиболее распространенная и массовая в XVII в. разновидность актовых материалов. Огромное количество челобитных XVII в., написанных представителями (или от имени представителей) всех социальных групп русского общества того времени, сохранилось до наших дней в документации правительственных учреждений того времени (приказов, воеводских изб и т. д.) и в частных собраниях. Большое число челобитных вошло в сборники актов, изданных в XIX, начале XX в. и в советское время.

Как показывают памятники письменности XIV—XVII вв., слово *челобитная* 'акт, письменное прошение, жалоба, исковое заявление' появляется в московской деловой письменности в последней четверти XVI в., заменяя употреблявшийся до этого термин *жалобница,* имевший более узкое значение 'акт, содержащий жалобу'. При образовании существительного *челобитная* была использована сложившаяся к середине XVI в. продуктивная словообразовательная модель: обозначение актов субстантивированными именами прилагательными женского рода (*бѣглая, бессудная, данная, купчая* и др.).[24]

Челобитная в XVII в. — многофункциональный документ. Термин *челобитная* являлся в XVII в. родовым наименованием определенной группы актов (прошений, официальных заявлений, жалоб, доносов по «государеву слову и делу» и др.). Вместе с

[24] Подробнее см. в статье: Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. 1. Л., 1972.

тем слово *челобитная* использовалось и как видовое название прошения или жалобы (собственно челобитная) и как эквивалент видовых двучленных наименований разновидностей челобитных: *исковая челобитная (иск)* 'судебное заявление', *явочная челобитная (явка)* 'официальное уведомление властей о чем-либо', *изветная челобитная (извет)* 'донос по государеву слову или делу', *повинная челобитная* 'признание своей вины и просьба о смягчении наказания', *мировая челобитная (мировая)* 'заявление о достижении соглашения спорящих сторон до суда', *отсрочная челобитная* 'просьба о переносе срока судебного разбирательства', *ставочная челобитная (ставка)* 'заявление о явке на суд и об отсутствии противной стороны'. Такая многозначность термина *челобитная* в официально-деловой речи, в повседневной частно-деловой и бытовой практике опиралась как на единство структуры и формальных (формулярных) особенностей всех разновидностей челобитных, так и на то, что любое обращение низшего к высшему (царю как лицу, облеченному высшей властью, феодалу-вотчиннику или помещику, духовному владыке, хозяину-купцу и т. д.), будь то просьба, заявление, жалоба или донос, оформлялось как униженное прошение.

Челобитные занимают промежуточное положение между актами официально-делового (государственного, правительственного) и частно-делового характера. Официально-деловой характер челобитных обусловлен прежде всего тем, что по законам того времени всякое обращение в правительственные органы адресовалось на имя царя-самодержца; известную роль играло и то, что «челобитные на имя царя составлялись в земских избах, где сосредоточивалось управление „посадской общиной", т. е. в органах, стоящих на грани правительственных и частных учреждений».[25]

Челобитные относятся к официально-деловой письменности, так как они либо представляют собой документ судебной (юридической) практики (и с к о в а я челобитная, и з в е т н а я челобитная, п о в и н н а я челобитная, с т а в о ч н а я челобитная, о т с р о ч н а я челобитная, м и р о в а я челобитная), либо являются документами, на основе которых верховная власть принимает определенное решение и издает соответствующий официальный акт (указ, наказ), выдает жалованную, льготную или какую-нибудь другую грамоту, дает указание «подписать» данную челобитную, т. е. сделать на ней имеющую силу указа помету о принятом по челобитной решении[26] (с о б с т в е н н о ч е л о б и т н ы е — разнообразные прошения и жалобы) или же официально регистрирует чье-либо заявление о чрезвычайном событии (побеге, чьей-либо неожиданной смерти, недостойном поведении, угрозе убийством или пожаром и т. п.), тем самым

---

[25] Т и х о м и р о в М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962, с. 210.

[26] После приписки о решении такая челобитная называлась *подписной челобитной.*

снимая с заявителя вину за возможные последствия происшедшего или предупреждая возможность преступления (явочная челобитная).[27] Написанные по инициативе отдельного лица или группы лиц (коллективные челобитные — жалобы на произвол администраторов-воевод, начальных и приказных людей всякого рода), челобитные после их вручения становились официальным документом, включались в документацию по судебным и административным делам наряду с актами, созданными в правительственных и административных органах (такими, например, как отписки воевод, сказки, распросные или допросные речи, ставки, доезды, обыски и т. п.). Челобитные с большей или меньшей полнотой пересказывались в отписках воевод и других административных лиц, в царских указах, появившихся в связи с тем или иным челобитьем, наказах, приказных памятях, докладах, приговорах и других актах официально-делового (правительственного) характера.

Вместе с тем челобитные являются и частно-деловыми актами, так как они в подавляющем своем большинстве связаны с интересами определенного лица, касаются взаимоотношений между отдельными членами общества: это исковые челобитные, просьбы о суде, пересуде, перенесении судебного дела в другой орган, о предоставлении льгот, откупов, о приеме на службу или освобождении от нее, о пожалованиях за службу, о разрешении обмена поместьями и т. д. Все указанные выше разновидности челобитных — обычные документы частно-управленческой переписки между феодалом-землевладельцем (царем, вотчинником или помещиком, представителями белого и черного духовенства), предпринимателем-промышленником или купцом и их «людьми» (крестьянами, ремесленниками, работниками, старостами, приказчиками, лавочными сидельцами и др.).

Социальные функции челобитных (жалоба, прошение, заявление) обусловили массовое использование этого рода актов представителями и угнетаемых и господствующих группировок русского общества XVII в. как средства защиты своих интересов. Если говорить о содержании челобитных, то, по-видимому, нет такой стороны русской жизни XVII в., которой бы не касался этот документ. Просили о приеме на службу, об освобождении от нее по старости или увечью, о служебном перемеще-

---

[27] Составители издания «Памятники русского права» видят специфику явочных челобитных в том, что «жалобщики вручали челобитные непосредственно соответствующему представителю органов власти» (вып. 5. М., 1959, с. 161: разрядка наша. — *С. В.*). Особенность явочных челобитных, однако, прежде всего в том, что это либо заявления о необычайном происшествии или чьем-либо недостойном поведении, которые могут повредить заявителю, либо сообщение о возможности совершения преступления (угроза здоровью или имуществу заявителя). Явочные челобитные могли передаваться через третьих лиц. Главным элементом в них была просьба «записать челобитье», т. е. официально зарегистрировать факт обращения с челобитьем как доказательство невиновности заявителя или в целях предупреждения возможного покушения на здоровье или имущество обращающегося с жалобой.

нии, о поверстании поместьем, о добавке к вотчине или поместью, о передаче поместья сыну или другому родственнику, о выделении вдовьей части поместья на прокормление. Просили о назначении, прибавке или выплате денежного, хлебного и другого жалованья, о подмоге для подъема на службу, о выдаче на приданое «дочеришкам», о пожаловании праздничными сукнами, теплыми кафтанами, ризами, эпитрахилями и т. д. Умоляли о выдаче выходных денег «турскому», литовскому или польскому «полонянику», о даче «кормцу» и на «одежонку и лаптишки», о выплате денег на похороны «помершего с голоду» выходца из осады или умершего от ран стрелецкого десятника, «чтоб их собаки на улице не съели». Били челом об уменьшении или отсрочке уплаты оброка, о ссуде семенами, о лесе на постройку, о неправильной разверстке тягла и повинностей, об отпуске «повидаться» с дочерью или «своей работишкою покормиться» в отхожих промыслах. Жаловались на притеснения и незаконные поборы, грабежи и издевательства воевод, приказных людей, приказчиков, старост, на злоупотребления таможенных, житенных и других голов и связанные с этим недоборы в государеву казну, просили защиты от приказного крючкотворства и волокиты, добивались «государевой обороны» в местнических спорах и оскорблении чести. Писали челобитные с просьбой о суде по кражам и грабежам, избиениям и бесчестьям, земельным и имущественным делам, нарушениям договоров, невыплате долгов, захвате поместий, возвращении беглых крестьян. Обращались с просьбой о предоставлении откупов, о займе, чтобы расплатиться с «работными людишками». Доносили о преступных словах или действиях против особы государя или «государской чести», о колдунах и ворожеях, о магических «зельях, кореньях или письмах». Всего, о чем говорится в челобитных, перечислить невозможно. При этом та часть челобитных, в которой излагается повод, мотив, в связи с которым жалобщик, заявитель, проситель или доносчик обращается с челобитьем (казусная или мотивирующая часть), обычно богата бытовыми, реальными деталями. Не случайно историки относят челобитные к числу существенных и интересных исторических источников,[28] важных еще и в том отношении, что по челобитным часто можно восстановить содержание и характер того или иного утраченного документа.[29] Лингвистическую содержательность челобитных, разнообразие их лексического фонда отмечают языковеды.[30] Правда, не все раз-

---

[28] Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 211; Шерман И. Л. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, с. 101 и сл.; Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа). — Чтения ОИДР, кн. 4. М., 1915, с. VIII и сл.

[29] Шилов А. А. Поступные записи (К истории крестьянского вопроса в XVII в.).—В кн.: Сб. статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916, с. 308—309.

[30] Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 10; Хабургаев Г. А. Локальная письмен-

новидности челобитных одинаково богаты в отношении содержания, наполнены бытовыми деталями, фактами, раскрывающими социальные условия, жизнь и быт русских людей XVII в. Многие челобитные-прошения о мелких пожалованиях (выплате жалования, уменьшении размера или полной отмене уплаты печатных или четвертных пошлин за выдачу грамот и т. д.) или о предоставлении откупа совпадают «иногда вплоть до отдельных, кажущихся оригинальными выражений. Несомненно, что челобитные не всегда были плодом непосредственного творчества челобитчика, а писались нередко особыми специалистами по известному шаблону».[31] Казусная часть таких челобитных представляет своеобразно типизированные поводы обращения с данной просьбой и состоит из набора своеобразных штампов, клише. Например:

Царю... [титул и имя] бьют челом холопи твои разореные Казенного двора подьячие Девятко Русиновъ да Терешка Львов. После, государь, Московского разоренья твоего царского жалованя нам не давывано. А ныне мы, бѣдные, сидячи у твоего царского дѣла на Казенном дворѣ помираем голодною смертью.

Милостивый царь... [полный титул и имя], пожалуй нас, холопей своих, для своего царского многолѣтного здравья своим царским жалованьем к Свѣтлому Воскресенью, как тебѣ, государю, Богъ извѣстит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

СПП, 1, с. 7—8, 1613 г. Ср. также ЧО, № 75, втор. пол. XVII в.[32]

В противоположность этим челобитным-прошениям о мелких пожалованиях челобитные-жалобы, явки, иски и другие в своей казусной части подробно передают обстоятельства дела, вызвавшего необходимость обращения к властям, феодалу-вотчиннику или помещику, содержат ряд бытовых подробностей. Ср., например, челобитную-явку Н. Леонтьева о «безвестных плутах»:

В нынешнем, гсдрь, во 183-ем году октября въ 26 де(нь), какъ стали благовестить къ заутрене, и я, холоп твои, пошел къ заутрене и стал на улицу воротишка отворят. И ворота не отворяются. И я обощол на улицу другимъ двором и осмотрю (!), воротишка связаны болшие и малые вмѣсто веревкою пенковою, и у колоколца веревка оторвана, и передъ малыми вороты у самои подворотни положены голики вѣничные. И я собрал стороннихъ людеи, и они то вѣдели, и я имъ заявил... (МДБП, 2, № 84, с. 87, 1671 г.). См. также челобитную-жалобу (СиД, № 158, 1652 г.), большую по объему челобитную-прошение (СиД, № 161) и мн. др.

Таким образом, челобитные являются одним из интереснейших объектов для лексикологического анализа. Широкий охват русской действительности XVII в., богатство бытовыми подробностями обеспечивают разнообразие лексического фонда чело-

---

ность XVI—XVII вв. и историческая диалектология. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 109—110; и др. — Ср. оценку, которую дает Н. П. Панкратова крестьянским письмам, являющимся не чем иным, как челобитными крестьян своим помещикам (Из истории частной переписки на Руси. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 140).

[31] Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 4, с. IV—V. Ср. также: Качалкин А. Н. Бытовая лексика говоров Дона XVII в. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. 248. Л., 1963, с. 288.

[32] Список сокращений источников см. в конце работы.

битных. Изучение лексики челобитных XVII в., адресантами которых были представители различных социальных групп, жившие в центре и на периферии страны, представит ценный материал для суждений о словаре русского языка XVII в.

Челобитные неоднократно привлекались в качестве источника для изучения лексики деловой письменности различных областей Московского государства XVII в.: воронежской (Т. Я. Жарких, Н. К. Соколова),[33] московской (Н. Е. Садыхлы),[34] рязанской (Е. Н. Борисова),[35] донской (А. Н. Качалкин),[36] шадринской (Е. Н. Полякова),[37] беломорской (И. А. Елизаровский),[38] южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. (С. И. Котков).[39] Использовался лексический материал челобитных и в работах сопоставительного характера (И. С. Козырев),[40] а также в исследованиях, посвященных фразеологии,[41] словообразованию[42] и другим аспектам языка памятников XVII в. Однако в упомянутых работах лексика и фразеология челобитных выступают в одном ряду с лексикой и фразеологией других актовых памятников эпохи (разного рода грамот, указов, воеводских наказов, отписок, приказных памятей, судебных актов и многих других), а также частных писем. Особенности челобитных как актов особого рода отмечались вскользь, при общей характеристике используемых актовых материалов.[43] Совершенно не ставился вопрос о соотношении в челобитных лексико-фразеологических

---

[33] Жарких Т. Я. Язык воронежских грамот XVII в. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1953; Соколова Н. К. Обиходно-бытовая лексика в языке воронежских грамот XVII в. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1956.

[34] Садыхлы Н. Е. Лексика московских челобитных XVII века (лексико-семантические процессы). Автореф. канд. дис. Баку, 1973.

[35] Борисова Е. Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. Автореф. канд. дис. Балашов, 1956.

[36] Качалкин А. Н. Бытовая лексика говоров Дона XVII в. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. 248.

[37] Полякова Е. Н. Шадринская рукопись 1687—1688 гг. как памятник делового языка. Автореф. канд. дис. Пермь, 1968.

[38] Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.

[39] Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. М., 1970.

[40] Козырев И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970.

[41] Шулежкова С. Г. Устойчивые словосочетания в языке официально-деловых документов уральских крепостей XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1967; Самойлова Н. Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII — начала XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1969; и др.

[42] Воронцова В. Л. Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке (способы суффиксального словообразования). Автореф. канд. дис. М., 1953; Лобанов С. И. Из истории имен существительных с агентивным суффиксом *-щик* (XIV—XVII вв.). Автореф. канд. дис. М., 1950, и др.

[43] См., например: Борисова Е. Н. Указ. соч., с. 22—23 (краткая характеристика явочных челобитных, примеры «почти однотипных зачинов и концовок»); с. 25—26 (перечисление некоторых сложных терминов и устойчивых оборотов, встречающихся в челобитных).

элементов, которые носят устойчивый характер, повторяются из акта в акт, и переменной лексики и фразеологии, о степени использования традиционно книжной лексики и лексики территориальных говоров и социальных диалектов эпохи. Рассмотрение же словарного состава челобитных в этих аспектах представляется весьма целесообразным и перспективным.

Цели, задачи и источники работы

Общей целью нашего исследования является изучение словарного состава русских челобитных XVII в. как одной из разновидностей деловой письменности и как источника для изучения лексики разговорно-бытовой речи эпохи.

Задачи настоящей книги — проанализировать челобитные XVII в. как особую разновидность актовой письменности эпохи:

1. Описать структуру (построение) челобитных, поскольку характерные особенности этого вида актов проявляются и в его структуре — соотношении и расположении отдельных частей.

2. Выделить и исследовать формуляр челобитных, устойчивые формулы разного типа, с помощью которых оформляются рассматриваемые акты. Проследить варьирование формулярных средств и раскрыть причины, обусловливающие эти варианты. Насколько позволяет имеющийся у нас материал, показать источники отдельных формул, входящих в состав формуляра.

3. Рассмотреть стилеобразующие средства челобитных, их связь с традициями высокой книжности, приказно-делового языка и обиходно-бытовой речью.

Материалом для анализа лексики челобитных XVII в. послужили челобитные, опубликованные в сборниках актовых материалов, которые были изданы в XIX и начале XX в., а также в советское время.

Основными источниками, из которых были использованы челобитные официально-делового характера, являются: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 1—3[44] (45 челобитных); Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1—3 (42 челобитных); Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах (38 челобитных); Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 5 и 10 (33 челобитных); Донские дела, кн. 1 и 2 (179 челобитных); Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, т. I—III (61 челобитная); Кунгурские акты XVII в. (72 челобитных); Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVII столетии, собранные В. И. Багалеем (12 челобитных); Московская дело-

[44] Библиографические сведения приводятся в списке сокращений источников и материалов.

вая и бытовая письменность XVII в. (157 челобитных); Н. Новомбергский. Слово и дело государевы. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.), т. 1 (57 челобитных); Памятники русского права, вып. 5 (12 челобитных); Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) (63 челобитных); Русско-белорусские связи. Сборник документов 1570—1667 гг. (78 челобитных).

Кроме этого, был использован ряд челобитных, опубликованных в Сборнике Московского архива Министерства юстиции, т. 6 (21 челобитная), приложении к исследованию М. Дьяконова «Очерки по истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв.» (2 челобитных), в публикации «Акты о быте помещиков и крестьян» (2 челобитных).

Челобитные частно-делового характера были взяты из следующих источников: Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. 1 и 2 (119 челобитных); Грамотки XVII — начала XVIII в. (19 челобитных); Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. (52 челобитных); Акты о быте помещиков и крестьян (9 челобитных); Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова) (5 челобитных); Ю. Арсеньев. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиной (89 челобитных).

Таким образом, в работе было использовано 1167 челобитных, в том числе 874 официально-деловых и 293 частно-деловых челобитных. Одни из них (502 официально-деловых и 293 частно-деловых челобитных) были расписаны полностью,[45] другие просматривались и подвергались частичной выборке.

Принципы публикации текстов в использованных изданиях различны, однако все издания выполнены на должном научном уровне и вполне могут быть использованы для лексико-фразеологического анализа. Особо следует отметить сборники деловых и эпистолярных памятников XVII — начала XVIII в., изданные в 1964—1969 гг. коллективом сектора лингвистического источниковедения и исследования языка памятников Института русского языка АН СССР под руководством С. И. Коткова,[46] текстологическая сторона издания этих памятников почти безупречна. Издания эти были особо важны для нас, поскольку в них опубликована значительная группа крестьянских челобитных разным вотчинникам и помещикам (76 актов), а также большое количество челобитных москвичей, главным образом посадских людей (157). Это первые после опубликованных Л. М. Сухотиным столпцов Печатного приказа (Чтения ОИДР,

[45] Все статистические подсчеты в главе о формуляре челобитных проведены на основе этих полностью расписанных актов, при анализе лексики и стилистических особенностей привлекаются все 1167 челобитных.

[46] См. указанные выше «Источники народно-разговорного языка XVII— начала XVIII в.», «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия», «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.» и «Грамотки XVII — начала XVIII в.».

М., 1915, кн. 4) издания, содержащие такое большое количество крестьянских челобитных вотчинникам и помещикам.

Рассмотренные челобитные охватывают всю территорию Московского государства XVII в.: Москву и Подмосковье, Галич, Нижний Новгород, Алатырь, Курмыш и их уезды, Кунгур и его уезд, территорию Сибири, Поволжье до Астрахани включительно, Воронеж, Орел, Курск и их уезды, Новгород, Псков и их уезды, Смоленск и Белоруссию и др. Они относятся к 1603—1699 гг., следующим образом распределяясь по десятилетиям:

	Официально-деловые	Частно-деловые	Всего
1603—1609 гг.	24	—	24
1610—1619 гг.	72	—	72
1620—1629 гг.	19	—	19
1630—1639 гг.	43	2	45
1640—1649 гг.	75	—	75
1650—1659 гг.	50	64	114
1660—1669 гг.	45	53	98
1670—1679 гг.	63	37	100
1680—1689 гг.	59	16	75
1690—1699 гг.	52	6	58
втор. пол. XVII в.	—	60	60
XVII — нач. XVIII в.	—	55	55
Итого:	502	293	795

Некоторое количество крестьянских челобитных (по нашим подсчетам не более 10) относится к началу XVIII в., они были использованы нами, поскольку входят в единый комплекс челобитных крестьян семейству Самариных и ничем не отличаются от подобных же актов, относящихся к XVII в.

Для сравнения были привлечены жалобницы и челобитные XVI в., опубликованные в использованных изданиях, а также в Делах Тайного приказа (РИБ, т. 21, 22, 23 и 28), Актах Лодомской церкви Архангельской епархии (РИБ, т. 25), Актах юридических, или собрании форм старинного делопроизводства (Спб., 1883) и других изданиях. Однако жалобницы и челобитные XVI в. представлены в очень небольшом количестве, поскольку Челобитная изба (Челобитенный приказ), в делах которого они могли быть сосредоточены, сгорела в 1571 г.[47] Кроме того, челобитные, по которым состоялось решение, выдавались жалобщикам, в ходе выполнения решений они включались в дела различных административно-судебных органов и терялись в столпцах текущей документации. Специальных изданий челобитных (жалобниц) XVI в. нет, только некоторые из них собраны в 3-м томе Актов, относящихся до юридического быта древней России (№ 367-I—VI).

Подавляющее большинство использованных для анализа челобитных (874) являются официально-деловыми, адресованными

[47] Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия.—Известия АН СССР, отд. истор. и филос., т. 7, 1950, № 5, с. 447.

русским царям, начиная с Федора Борисовича, и царицам. Кроме этого, представлены челобитные на имя Лжедмитрия II, генерала Делагарди, гетмана Яна Сапеги, бояр-правителей эпохи междуцарствия, русских патриархов и архиепископов. Значительную группу составляют частно-деловые челобитные крестьян, посадских людей и мелких вотчинников и помещиков феодалам-землевладельцам Б. И. Морозову, Н. И. и Я. Н. Одоевским, А. Н. и П. Я. Самариным, Ф. М. Челищеву, Ф. И. Шереметьеву, Н. И. Киреевскому и другим (293).

Адресантами анализируемых челобитных являются представители различных социальных групп русского общества XVII в.: бояре, дворяне, дети боярские, дьяки, подьячие, священники и монахи разных рангов, купцы и предприниматели и т. д. Более половины челобитных написаны от имени мелких служилых людей (стрельцов, солдат, пушкарей, воротников, рейтар, казаков и т. п.), посадских людей (ремесленников), крестьян.

Среди рассмотренных челобитных представлены как собственно челобитные (прошения, жалобы), так и все другие разновидности этого вида актов:

Разновидности челобитных	Официально-деловые	Частно-деловые	Всего
Собственно челобитные	260	236	496
Изветные	17	2	19
Исковые	132	49	181
Мировые	13	—	13
Отсрочные	5	—	5
Повинные	25	1	26
Ставочные	3	—	3
Явочные	47	5	52
Итого:	502	293	795

Поскольку не все разновидности челобитных (ставочные, отсрочные, изветные) были представлены в достаточном количестве среди полностью расписанных, производилась дополнительная выборка материала из указанных выше источников.

При цитировании древнерусских памятников в целях облегчения набора нами сделаны следующие упрощения и замены: титла и другие надстрочные знаки не используются, сокращенные написания сохраняются, надстрочные буквы вносятся в строку и специально не выделяются; если за надстрочной буквой, стоящей в конце слова, должно следовать окончание слова, то оно восстанавливается (кроме ъ и ь), но ставится в круглых скобках. Буквы зело и земля заменяются буквой *з*; ѥ — буквой *е*; ѫ, ѭ, ѧ, ѩ — буквами *у, ю, я*; буквы ѿ, ξ, Ψ, Θ — сочетаниями *от, кс, пс*, буквой *ф*; для трех написаний *у, оу*, ȣ сохраняется одно — *у*; для *и*, *і* употребляется один знак — *и*; *о* и ѡ обозначены буквой *о*. Еры и ери во всех положениях, как и ѣ, сохраняются. Буквенное обозначение чисел заменяется арабскими цифрами. Все примечания в цитатах даются в квадратных скобках. Тексты передаются в орфографии источников, пунктуация вводится в соответствии с современными нормами.

Глава I

СТРУКТУРА И ФОРМУЛЯР ЧЕЛОБИТНЫХ

Анализ стилевых средств и словарного состава челобитных представляется необходимым начать с рассмотрения структуры (построения) челобитных и описания их формуляра. Формуляром мы называем ту определенную языковую оболочку (набор устойчивых и обязательных словосочетаний — предложений и формул), в которую облекалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель (например, челобитную от отписки воеводы, доклада, грамоты, указа). Описание структуры акта и его формуляра дает возможность выделить их постоянные, повторяющиеся из документа в документ части, определить набор специфических языковых средств — устойчивых предложений, штампов, клише, которые использовались при написании каждой такой части. Приемы построения и формуляр отражают традицию, сложившиеся способы оформления данной разновидности актов, степень их «литературной» обработанности, следует также учитывать, что лексика традиционных элементов у актов, употреблявшихся на протяжении нескольких веков, может быть лишь отчасти связана с живым повседневным языком рассматриваемой эпохи. Небезынтересным является также вопрос, в какой степени допустима вариация структуры и формуляра челобитных, можно ли говорить о территориальных или социальных модификациях в структуре или формуляре челобитных в XVII в.[1]

[1] В последние годы появился ряд работ, в которых описывается формуляр различных документов, деловых и частных писем: Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969; Дерягин В. А. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важских порядных XVII в.). — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971; Гайнуллина Н. И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого». (К проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху.) Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1973; Садыхлы Н. Е. «Бьет челом холоп твой...» — «Русская речь», 1972, № 4.

В отличие от большинства разновидностей деловых документов челобитные не только предназначались для сообщения определенной информации (изложения причин и мотивов челобитья, содержания просьбы; повода и обстоятельств, вызвавших необходимость обращения с жалобой и т. д.), но и ставили своей целью воздействовать на чувства того лица, к которому обращались с просьбой, жалобой, исковым заявлением. Эмоциональная задача челобитной — стремление вызвать жалость, сочувствие, пробудить желание оказать необходимую челобитчику помощь, удовлетворить его претензии и нужды — должна была найти выражение и в самой форме и структуре (композиции) этого акта, и в отборе и использовании лексико-фразеологических средств.

Рассматривая челобитные XVII в., мы не ставим своей целью раскрыть процесс сложения их структуры и формуляра, поскольку, как уже отмечалось, в распоряжении современной науки имеется совершенно недостаточное для этого количество соответствующих актов (жалобниц-челобитных), относящихся к XV—XVI вв., не говоря уже о более ранней эпохе развития московской деловой письменности и письменности восточнославянских феодальных княжеств XIII—XIV вв., для которой подобные акты вообще не выявлены.[2] Сопоставительные данные о структуре и формуляре жалобниц-челобитных XVI в., о происхождении тех или иных формулярных средств приводятся в той мере, в какой это позволяет имеющийся в нашем распоряжении материал.

Структура челобитных

В структуре челобитных выделяются три основные части:

А. Заголовок (формула адресата — адресанта) — начальный протокол документа. Он содержит указание на адресат (1), челобитье (2) и данные об адресанте (3).

Б. Основная часть заключает в себе содержание челобитной. В ней выделяются два раздела: а) казусная часть, где излагаются обстоятельства дела, мотивы и основания обращения с просьбой, заявлением, жалобой или иском; б) изложение просьбы, указание на те действия, которые были бы желательны для челобитчика в связи с его жалобой, заявлением или исковыми претензиями, а также на возможные последствия неудовлетворения просьбы, жалобы, искового заявления.

В. Концовка — конечный протокол документа.

---

[2] Д. М. Мейчик считал, что письменных челобитных до XV в. не было: всякий, кто *бил челом,* тот сказывал, т. е. говорил, произносил свою жалобу перед судом (Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV в. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, с. 27). Но ср. замечание об индивидуальных и коллективных челобитиях (жалобах, заявлениях), представленных, к сожалению, в отрывках среди новгородских берестяных грамот и относящихся к рубежу XIV—XV в., в кн.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 22—23.

В заручных, т. е. подписанных челобитчиком или челобитчиками, челобитных далее следовали подписи. Однако, как уже говорилось, подавляющее большинство челобитных не имеет подписей, рукоприкладства обычны только у коллективных челобитных. В челобитных никогда не указывается, кто составлял и писал текст (сам адресант или кто-либо другой по его поручению), как это обычно в купчих, духовных и других актах.

Приведем примеры челобитных, написанных от имени представителей разных сословных групп русского общества XVII в., выделяя указанные выше элементы их структуры.

Официально-деловые челобитные

А. (1) Црю гсдрю и великому кнзю Михаилу Федоровичю всеа Руси (2) бьет челом (3) холоп твои Ивашка княз Ондрѣевъ снъ Голицын.

Б. (а) В ннѣшнем, гсдрь, во РЛГ м году бежали здеся на Москвѣ дяди моег(о) кнзя Ивана Василевича люди Тараска да Олешка Поздяковы дети Цынбалниковы да поворы Захарка Кондратевъ да Илюшка Иванов да портные мастеры Петрушка Клементьев да Офонка Панкратевъ. А сносу, гсдрь, взяли у дяди моег(о) кнзя Ивана Василевича и у людей платя и всякои рухлѣди взяли на сто на восмьдесят на пят рублев с полтиною. а тѣ, гсдрь, люди пошли на Низ с послами.

(б) Млтвыи гсдрь црь и великии княз Михаило Федорович всеа Русии, пожалуи меня, холопа своег(о), вели, гсдрь, мнѣ дат свою гсдрву грамоту на Коломну и в Переславль Резанскои к воеводам и вели, гсдрь, тех беглых людеи дядиных кнзя Ивана Василевича у посолских людеи взят и отдат дядиным людем.

В. Црь гсдрь, смилуися.

МДБП, 2, № 4, 45, 1625,[3] Москва.

(1) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии (2) бьютъ челомъ (3) холопи твои пушечные ученики Давыда Кондратьева да Микифора Баранова ученикъ Стенка, Кузминъ да Федка Васильевъ, Микитка Павловъ.

(а) Служимъ мы, холопи твои, тебѣ, государю, у твоего государева пушечного дѣла лѣт по десети и болши и вылили мы, холопи твои, тебѣ, государю; съ мастеромъ своимъ съ Давыдомъ Кондратьевымъ четыре пушки верховые да пищаль проломную грановитую, ядро шеснатцетъ гривенокъ, и мелкой нарядъ мы, холопи твои, съ мастеромъ своимъ дѣлали жъ, а я, холопъ твой Микитка, вылилъ съ мастеромъ своимъ съ Микифоромъ Барановымъ, дѣлалъ тожъ, и мы, холопи твои, твоему государеву пушечному дѣлу понаучены.

(б) Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй насъ, холопей своихъ противъ нашихъ товарищей, вели, государь, намъ дать пищальное дѣло на опыт, каковы пищали ты, государь, укажешъ.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

АЮБ, 3, № 369-3, 474—475, 1641. Москва.

[3] После цитат из памятников следует сокращенное обозначение источника, указание на том (выпуск, часть, раздел) или фонд, номер акта в издании (при наличии нумерации), страница и дата. При ссылках см. или ср. указывается лишь сокращенное обозначение источника, номер акта (при отсутствии нумерации — страница издания, где акт опубликован) и дата. В пословицах, изданных П. Симони, первая цифра — страница издания, вторая — номер пословицы.

Частно-деловые челобитные

А. (1) Гсдрю Федору Максимовичю (2) бьет челом (3) сирота твои алаторскои твоеи вотчины селца Милованова Сенка Филиповъ.

Б. (а) бил челом тебѣ на меня Ивашка, что будто есть ево денги на мне, а онь жа мне зделал убыток болшои; как ты, гсдрь, изволил, писал ко мне, что ево женить, и я было изготовился, купил харчю к свадбѣ. А онь, Ивашка, пошол к Томиле от меня тот ден, и мне убытку много учинил. А ноне он жа бьет челом на мѣня, а мне стало убытку рубля с полтара.

б) смилуи (!), гсдрь, пожалуи, не вели напрасно доправит на мне, хотя бы ево и не десет алтын было, а мне взят негде. А на мне приказнои члвкъ править по твоему указу, а мне пит есть нечево, скитаюся по миру, старость изняла.

В. Смилуися, пожалуи.

ИНРЯ, Ч, № 36, 242, посл. четв. XVII в. Алатырский уезд.

(1) Гсдрю отцу архимандриту, Антонию, еже о Хрстѣ з братиею, (2) бьет челом (3) сирота вашъ Игнашка Матвѣев.

(а) Милости у тебя, гсдря, прошу. Вчерашнего числа волею бжию сестры моеи не стало, а похаранит, гсдрь, нечимъ.

(б) Умилостивися, гсдрь, отць архимандрит Антонии, еже о Хрстѣ з братиею, прикажи, гсдрь, выдат на домовища да на савон холста.

Гсдрь, смилуися, пожалуи.

Гр., № 453, 280, XVII в. Москва, Донской монастырь.

Приведенные примеры показывают, что официально- и частно-деловые челобитные едины по своей структуре. Социальное задание акта — воздействовать на чувства адресата, убеждать его в необходимости совершить желаемое для челобитчика действие — осуществляется и подчеркивается членением документа на три части, каждая из которых начинается с упоминания адресата: сначала в дательном падеже, а затем дважды как обращение к нему. Таким образом, в челобитной выступают три своеобразных эмоционально-экспрессивных центра, создающих структурное и смысловое единство и законченность всего документа в целом:

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом...

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас...

Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ПРП, 5, 228—229, 1641.

Государю Федору Ивановичю биетъ челомъ...

Умилосердися, государь Федоръ Ивановичъ, пожалуй меня...

Государь, смилуйся, пожалуй.

ЧШ, № 1, 46, 1639.

Эмоционально-экспрессивной завершенностью и элементами художественности челобитные отличаются от всех других видов актов, для которых характерна документальность, стремление к строгой информативности — передаче определенного набора сведений, данных, законодательных установлений и т. д. Приведем в качестве примера две разновидности актов XVII в.: царский указ и отписку (донесение) воеводы:

Отъ царя и великого князя Феодора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, въ Муромъ столнику нашему и воеводѣ князю Михайлу Федоровичю Шейдякову.

По нашему великого государя указу муромецъ Степанъ Григорьевъ сынъ Борисовъ за его службы и для старости и увѣчья отъ нашие государевы полковые службы отставленъ, а въ его мѣсто нашу государеву полковую службу съ помѣстья его велѣно служить сыну его Ивану.

И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бъ муромца Степана Борисова на нашу государеву службу въ полки бояръ нашихъ и воеводъ нынѣ и впредь высылать не велѣлъ; а прочетъ сю нашу великого государя грамоту и списавъ съ неѣ списокъ, подлинную сее нашу великого государя грамоту отдалъ ему, Степану, а списокъ за своею рукою оставилъ въ Муромѣ въ приказной избѣ впредь для иных нашихъ воеводъ и приказныхъ людей.

Писанъ на Москвѣ, лѣта 7190 февраля въ 3 день.

Указ 1682 г. — АЮБ, 1, № 55-36, 333, 1682.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Микитка Наумов челом бьют.

В нынешнем, государь, во 161-м году ноября в 21 день писал ко мне, холопу твоему Гришке, с Корочи Федор Полибин, а в отписке, государь, ево написано: по твоему государеву указу велено на Короче короченцы всяких чинов людьми поставить гостиный двор, где пригоже, для приезду торговых русских людей и литовских купцов.

И он де, Федор, на Короче гостиный двор короченцы всяких чинов людьми зделал. И на дворе, государь, построено: изба с сеньми, да против сеней онбар с перерубом дву сажен, да у ворот изба таможенная, да ворота створчетыя, а двор де, государь, огорожен дубовыми плостины.

Отписка яблоновского воеводы 1652 г. — ВУР, 3, № 137, 244.

Стандартность структуры и формуляра того или иного делового документа представляет собой средство, которое подготавливает реципиента для восприятия определенного характера информации и облегчает ее восприятие. В отличие от грамот-указов, воеводских отписок и других видов как официально-, так и частно-деловых актов, челобитные самим расположением частей обеспечивают не только возможности передачи той или иной информации и восприятия ее, но и своеобразно «настраивают» адресата эмоционально. Если рассматривать лишь деловые памятники, то по своей эмоциональной экспрессивности, выраженной структурными средствами, челобитные близки к сказкам, которые объявлялись в XVII в. государственным преступникам перед казнью (см., например, сказку царского указа бывшему стольнику А. Безобразову и его сообщникам — АЮБ, 3, № 344, 1690), и публичным правительственным заявлениям-указам (ср. указ, объявленный московским служилым людям о посылке их на подавление восстания Разина — РД, II, ч. 1, № 2, 1670 и др.).

Трехчленная структура жалобниц-челобитных складывалась на протяжении XVI в. В жалобницах начала этого века выделяются две части: начальный протокол (формула адресата — адресанта) и казусно-просительная часть, концовка (формула конечного протокола) отсутствует. Например:

Бьетъ челомъ государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии Иванецъ Яганов.

Наперед сего служилъ есмь, государь, отцу твоему...

Государь, князь великий, умилосердись, обыщи, о чемъ есмя, государь, загибли, служачи тобѣ, государю...

АИ, 1, № 136, 197—198, 1533—1536.

В 60-е годы XVI в. жалобницы-челобитные сохраняют двучленное строение, хотя и приобретают формуляр, близкий к тому, который мы обнаружили в XVII в. Например:

Царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Васюкъ Борисовъ сынъ Петлина.

Жалоба мнѣ, государь, на Некраса на Семенова сына Федорова на Бронникова: заложилъ есми, государь, у того Некраса свою отчину...

Православный царь государь, покажи милость, сыщи своимъ царскимъ обыскомъ, чтобъ язъ, холопъ твой, въконецъ не загибъ и вотчинки не осталъ.

АЮБ, 1, № 52-7, 224—225, 1561.

Просительная часть жалобницы могла быть свернута и в таком сокращенном виде выступала в форме, близкой к заключительной формуле челобитных XVII в.:

Царю государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бьетъ челомъ Ивановъ человѣкъ Васильевичя Шереметева болшого Селчюкъ.

Жалоба мнѣ, государь, на князя Ондрѣя на княжъ Петрова сына Ноздроватого: дѣялося, государь, въ четвергъ послѣ Петрова дни, тому годъ будетъ, приѣхалъ есми, государь... сѣна косити...

Государь царь князь велики, смилуйся.

АЮБ, 1, № 52-8, 230, 1567.

Однако с конца 60-х годов XVI в. обычным становится трехчленное построение жалобниц-челобитных:

Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бьетъ челомъ холоп твой Замятница Сабуровъ.

Велѣлъ ты, государь, мнѣ, холопу своему, быти на своей царьской службѣ въ плавныхъ въ товарыщахъ съ бояриномъ Петромъ Семеновичемъ Серебренымъ, и я, холопъ твой, на твою царьскую службу готовъ, толко, государь, быти мнѣ менши боярина князя Петра Семеновича Серебренова не вмѣсно.

Милостивый государь царь и великий князь Иванъ Васильевичь всеа Русии, покажи милость, пожалуй меня, холопа своего, не вели у насъ нашего отчества отнять и вели, государь, мнѣ на боярина на князя Петра Семеновича дать судъ и вели, государь, въ нашемъ отчествѣ счесть.

Царь государь, смилуйся.

АЮБ, 3, № 367-1, 467—468, 1569. Ср. там же № 367-2, -3, -4, -5, 1574—1584; ДТП, 2, № XII-6, 1585; РБС, № 20, 23, 24, 1588 и др.

Трехчленная структура челобитных (с центральной частью, которая делится на два раздела: казусный и просительный) обычна для челобитных XVII в. Это — стандарт строения челобитных (729 из 795, т. е. около 92%).

Вместе с тем в 66 челобитных центральную часть акта составляет только изложение просьбы (*Б*, б), казусный раздел, содержащий описание обстоятельств, повода и мотивирующий обращение с просьбой (*Б*, а), отсутствует. Все эти документы относятся к собственно челобитным — всякого рода прошениям,

они представлены как среди официально-деловых, так и в частно-деловых челобитных. В таких актах сразу же за заголовком (начальным протоколом) следует обращение к царю или феодалу, купцу-предпринимателю, духовному владыке и изложение просьбы, после чего идет обычная концовка (заключительная формула). Изложение мотивов просьбы может включаться в состав просительной части, а может и вообще отсутствовать, например:

Гсдрне црце вѣликои княгинѣ Евдакѣе Лукьяновнѣ биет челом раба твоя Катка Соколова	Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бьют челом сироты твои витепские мещаня Осипко Козлов да Данилко Ермолаев.
пожалуи, гсдрня, меня, рабу свою, вѣли мнѣ выдат своего гсдрьскаво годовова жалываня. *сторговала, гсдрня, кѣлишко в вашем гсдрьском бгомоле в Олѣксеевском монастыре.*	Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович... [титул], пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, нас *из Витепска отпустить вверх Двиною рекою в струге с солью в Смоленск, а соли 100 бочек.*
гсдрня црца вѣликая княгиня Евдакѣя Лукьяновна, смилуися, пожалуи.	Царь государь, смилуйся, пожалуй.
МДБП, 2, № 37, 62, 1641.	РБС, № 419, 449, 1661.

Ср. в частно-деловых:

Государю Борису Ивановичю бьет челом сирота твой государев, вотчины твоей государевы села Лыскова Харламко Евстифеев.	Государю князю Якову Никитичю биетъ челомъ сирота твой государевъ, Галицкие вотчины села Покровского деревни Карпова Филипко Никоновъ.
Умилосердися, государь Борис Иванович, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, пожаловать меня, *ис села Лыскова отпустить к Москве работишкою своею покормитца.*	Умилосердися, государь князь Яковъ Никитичъ, пощади и помилуй для своего многолѣтнова зъдравия и аггелъ своих хранитель, не помори, государь, голодною смертию с робятишки, вели, государь, дать своево государева хлѣба въ Покровской, въ займы ржи четверть да овса, государь, двѣ чети на симяна, *чтобъ мнѣ за тобою,* государемъ, *прожить было въ мочь, и въ конецъ не погинуть, и голодомъ с робятишки не помереть.*
Г(осударь), смилуйся, пожалуй.	Государь, смилуйся.
АХБМ, 2, № 300, 38, 1652.	ЧО, № 52, 91, втор. пол. XVII в.

Челобитные, у которых отсутствует казусная (мотивирующая просьбу) часть, это прошения о всякого рода пожалованиях (о выдаче «кормцу на родины»—МДБП, 2, № 16, 1634; о вознаграждении сукнами «за пешноя дѣиство» — МДБП, 2, № 25, 1635 и т. п.), о предоставлении откупов (МДБП, 2, № 40, 42, 43, 1642; АХБМ, 2, № 398, 1660 и др., но ср. МДБП, 2, № 108, 1678, где мотивирующая часть представлена), о выдаче ежегодного жалования (МДБП, 2, № 25 и 37, 1637 и 1641 и др.), о разреше-

нии креститься и «жить в крестьянах» (АЮБ, 3, № 369-4, 1643), об отпуске на побывку домой (АЮБ, 3, № 369-1, 1640), о выдаче проезжих грамот для торговли за рубежом (РБС, № 418, 419, 420, 421, 422, 1661 и др., ср. РБС, № 423, 1661, где мотивирующая часть имеется) и др. Аналогичный характер носят и частноделовые челобитные этого типа: просьбы о семенах на посев (АХБМ, 2, № 355-18 и 355-21, 1657; ИНРЯ, С, № 43, 45 и 48, кон. XVII — нач. XVIII в.; ЧО, № 50 и 52, втор. пол. XVII в. и др.), об отпуске на заработки (АХБМ, 1, № 216 и 217, 1652; АХБМ, 2, № 261 и 268, 1652 и др.), об уменьшении оброка или отсрочке оброчных платежей (ИНРЯ, С, № 70 и 78, кон. XVII — нач. XVIII в. и др.), о разрешении пользоваться лесными угодьями (АХБМ, 2, № 419, 1660) и под.

Во всех случаях, когда в челобитной отсутствует мотивирующая часть, обнаруживается не нарушение установленной, строго определенной структуры челобитной в связи с неопытностью ее создателя (автора или писца), а сознательное устранение одной из частей как излишней, поскольку мотив обращения с просьбой вполне ясен из изложения самой просьбы. Существовала, по-видимому, особая группа челобитных (об откупе, предоставлении отпуска, разрешении отправиться на заработки и т. п.), для которых была свойственна именно подобная структура. Так, например, крестьянские челобитные с просьбой отпустить на заработки, на свидание с дочерью, обратиться с просьбой (челобитьем) к помещику и аналогичные служили одновременно и документом для проезда, а также своеобразным видом на жительство. «Крестьяне подавали свои „челобитные" об отпуске в Москву местным приказчикам. Приказчики ставили свою визу об отпуске и прикладывали печать, превращая тем самым челобитную в отпускную или „проезжую память"... Трафаретность формуляра документов и всей описанной процедуры доказывает обычность и, следовательно, массовость ее».[4] Объем лингвистической информации (особенно лексико-фразеологической) в челобитных этого структурного подтипа крайне ограничен, акты эти формализованы до предела, приближаясь к купчим, поручным записям и другим подобным документам. Вместе с тем среди челобитных о предоставлении откупов, где обычно центральная часть состояла только из просьбы (казусный раздел отсутствовал), возможны случаи, когда в челобитной строго соблюдается ее обычная структура:

Црю... Феодору Алексѣевичю... бьет челом холоп твои кадашевецъ Якушко Петровъ.

В прошлыхъ, г҃сдрь, годех был рузскои кружичнои двор на откупу за кодашевцомъ за Зотамъ Аргуновымъ. И тому кружечному двору откупнои срокъ доходит.

---

[4] Гейман В. И. Хозяин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчинные села Мурашкино и Лысково Нижегородского уезда. — В кн.: Хозяйство крупного боярина-крепостника XVII в. Ч. 2. М.—Л., 1936, с. 32—33.

Млсрдыи гсдрь..., пожалуи меня, холопа своего, вели, гсдрь, тот руской кружичнои двор отдат мнѣ... на три годы...

Црь гсдрь, смилуся, пожалуи.

МДБП, 2, № 108, 101—102, 1678.

В ряде случаев нарушение традиционной структуры челобитных свидетельствует об отсутствии у их авторов (или писцов) достаточного навыка в письменном оформлении челобитий. Особенно часта такая нечеткость структуры, нерасчлененность текста, повторы, дописки в крестьянских (частно-деловых) челобитных, которые составляли сельские церковные дьячки, мелкие приказные люди (старосты и т. д.), деревенские грамотеи, не искушенные в тонкостях приказных норм оформления актов. Например:

А. Гсдрю Петру Ондреевичу бѣтъ чаломъ и пачимся сироты ваше кре(с)тьяне села Елѣц Степан Назаров, Алексеи Трифонов.

Б. (а) милости у тебѣ гсдрь просимъ.

(б) помилуи, гсдрь Петерь Онъдереевичъ, не даи вконецъ разарица, *которои,* гсдрь, *наши по силы нивишки были, и ты у насъ оттымают, истена,* гсдрь, *понять, не но што стало, взать негди, истино,* гсдрь, *пропали,* помилуи, гсдрь, не даи намъ по чужои сторонои скитатци, чтобы у нас не отнимали, сиротъ своихъ по клачинки, *толко по (о)дно(и), ни каровы, никокои скотины нет,* помилуи, гсдрь Петръ Анд(р)еевичъ, зостав вешно бга молить, извол допросит у Павла Муратова про наши прожитьки кокии.

В. Смилуиси, гсдрь, и помилуи.

ИНРЯ, С, № 79, 213, кон. XVII — нач. XVIII в.

Здесь в ту часть челобитной, которая предназначена для изложения просьбы, включаются элементы мотивировки просьбы — описание имущественного положения крестьян (выделено курсивом).

Рассматривая структуру челобитных, отметим еще случаи, когда текст акта отражает его написание «по рассказу» — под диктовку челобитчика. Это проявляется в том, что отдельные элементы, относящиеся к казусной части челобитной, дописываются уже после того, как текст структурно полностью завершен. Автор прослушал (или прочитал) готовую уже челобитную и внес дополнения, которые либо вписывались между строк, либо приписывались внизу, после заключительной формулы. Например:

Милосердый государь... [титул и имя], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ своего царского жалованья дати, какъ тебѣ, государю, богъ известит [вписано между строк: а окладъ, государь, мнѣ денежной 25 рублев], чтоб я, будучи у твоих государевых дѣл, з голоду не умер и вконец не погиб (СПП, 1, 18, 1613 — челобитная подьячего М. Патрикеева); см. там же челобитные М. Коромана — с. 1, С. Трынкова — с. 13—14, переводчика Ю. Якушевского — с. 23 и др.;

...Пожалуйте, государи, меня въ той же Шелонской пятинѣ въ Дубровенскомъ погостѣ и въ Павскомъ Ильѣна [поместьем] съ пустошми Иванова сына Евсюкова Карасова, *а Илья,* государи, *померъ, а жены и дѣтей у него не осталось, а то,* государи, *его помѣстейцо стоитъ въ порозжихъ земляхъ* (АЮБ, 1, № 90, 584, 1613);

Умилостивись, государь Борис Иванович, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мне нанять в свое место из охоты тво(ев)о же государева крестьянина. *А у меня,* государь, *мать человек древна, а брат без ноги, а иной мал, кормить-поить некому* (АХБМ, 2, № 428, 121, 1660); см. также № 283-2, 1652 и др.

Случаи приписок дополнительных данных, записей между строк нередки (они отмечены нами в 49 челобитных из 795 рассмотренных) и характерны преимущественно для собственно челобитных (прошений).

С лингвистической точки зрения эти челобитные наиболее интересны, поскольку в результате отсутствия у их авторов (писцов) четких навыков приказного делопроизводства в них более широко используются обиходно-бытовая речь и элементы местных говоров.

Анализ структуры челобитных показывает, таким образом, что их строение обусловлено стремлением к предельной эмоционально-экспрессивной выразительности, ставит своей целью усилить воздействие на адресата, а тем самым добиться удовлетворения своей просьбы, жалобы, заявления.

Структура всех разновидностей челобитных XVII в. (собственно челобитных-прошений, исковых, изветных и др.) была единой. Вместе с тем в челобитных-прошениях можно выделить особый структурный подтип, отличающийся отсутствием мотивирующего просьбу (казусного) раздела.

Единую структуру имеют и челобитные официально-деловые (на имя царя, патриарха и других светских и духовных властителей), которые писались опытными писцами: площадными подьячими, подьячими приказов, воеводских изб и т. д., иногда оформлялись предварительно начерно, а затем правились опытным писцом,[5] и частно-деловые челобитные крестьян своим вотчинникам и помещикам. Отступления от шаблона, встречающиеся преимущественно в крестьянских челобитных, объясняются тем, что сельские, мирские или церковные дьячки, деревенские грамотеи обладали недостаточными навыками делового письма. Таким образом, индивидуальное начало в структуре челобитной — результат не особых приемов использования шаблона, характерных для той или иной местности, того или иного писца, а неопытности, отсутствия необходимой выучки.

При отборе челобитных для лингвистического (в частности, лексико-фразеологического) анализа особый интерес представляют акты, в которых допущены нарушения структурного соотношения частей, нерасчлененность мотивирующей и просительной частей, имеются вставки, приписки.

---

[5] См., например, черную челобитную В. Кикина на имя патриарха Иоакима с примечанием: «А будет што лишьня или што непристоиное от неразумя моего в сеи в чорнаи челобитнаи моеи написана, и то пожаловат отставит. А я, убогаи, лутчи тог(о) написат(ь) не умел, и списат(ь) у меня некому, потаму што заповедана, и писат(ь) мне никому ничег(о) не велена» (ПНРЯ, II, № 13, 135, втор. пол. XVII в.).

Формуляр челобитных

В соответствии со структурой челобитных в их формуляре выделяются устойчивые сочетания (формулы) [6] начального протокола (заголовок, вводная формула акта), основной части (казусно-мотивировочная и просительная) и конечного протокола (концовка, заключительная формула акта). Несмотря на то, что в официально-деловых челобитных и в челобитных частно-деловых формулярные элементы довольно близки, строятся по единому принципу, они различаются и лексически, и наличием или отсутствием дополнительных формул. Поэтому при описании формул, которые входят в состав формуляра челобитных, мы будем рассматривать параллельно материал официально-деловых и частно-деловых челобитных.

А. Начальный протокол

Начальный протокол челобитных представляет собой полное двусоставное глагольное распространенное предложение. Порядок слов обратный, предложение начинается с косвенного дополнения. В вводной формуле челобитных выделяются три элемента: 1) адресат — косвенное дополнение в дательном падеже (дательный адресата), 2) челобитье — сказуемое предложения, 3) адресант (челобитчик) — подлежащее предложения. Каждый из этих элементов дополняется относящимися к нему словами и словосочетаниями (согласованными и несогласованными определениями, приложениями). Приведем некоторые типичные примеры начального протокола официально-деловых (а) и частно-деловых челобитных (б).

а) (1) Царю государю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии (2) бьет челом (3) сирота твоя государева смольнянин торговой человек Куземка Иванов сын Красильник (РБС, № 35, 57, 1603); Црю гсдрю и великому кнзю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бьет челом холопъ твои садовник Захарко Семенов да сирота твои Болших Лужниковъ теглец Сенка Федоров снъ Дюпин (МДБП, 2, № 53, 69, 1656);

б) (1) Государю Федору Ивановичю [Шереметьеву] (2) бьетъ челомъ (3) сирота твой, Покровской крестьянинъ, Агапитко Яковлевъ (ЧШ, № 1, 46, 1639); Гсдрем нашим Илье Обрамовичю да Василью Обрамовичю [Безобразовым] бьют челом и плачутца сироты твои старостишко Петрушка Трофимов да Калинко Яковлев (Гр., № 234, 126, 1658).

Такой состав начального протокола характерен как для собственно челобитных (прошений), так и для других разновидно-

[6] Устойчивым словосочетанием мы называем здесь отдельные словосочетания или целые предложения, отличающиеся постоянством синтаксической структуры, воспроизводимой в данном виде актов по традиции, и известной устойчивостью лексического состава.

стей челобитных (исковых, меновных, мировых, отсрочных, повинных и ставочных), только в изветных и явочных челобитных рядом с сочетанием *бить челом* выступают глаголы *извещать* 'доносить, сообщать (об антигосударевом преступлении)' и *являть* 'ставить в известность, заявлять': Ц(арю)... М(ихаилу) Ф(едоровичю)... *бьетъ челомъ и извѣщаетъ* х(олоп) твой боровский козачишка Познячко Семеновъ (СиД, №2, 2, 1616) и мн. др.; Царю ... Алексѣю Михайловичю... *бьетъ челомъ и являетъ* холоп твои Илюшка Безобразовъ (ПНРЯ, №10, 132, 1669) и мн. др.

Остановимся на отдельных элементах начального протокола челобитных.

Формула адресата

Формула адресата включает в себя собственное имя того лица, к которому обращается челобитчик (имя у духовных особ; имя и отчество, крайне редко — имя, отчество и фамилию у светских лиц), а также его титулы. В официально-деловых челобитных на имя царя и цариц в состав формулы адресата входили имя и отчество царя (царицы) и их сокращенный (для внутригосударственного употребления) титул. Не рассматривая подробно состав царского титула,[7] отметим, что в него входят элементы, разные по времени возникновения, отражающие различные этапы развития верховной государственной власти на Руси: *великий князь, царь, государь всея Руси, великий государь, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержец*. Порядок расположения элементов и состав титула предоставляют возможности для датировки челобитных.

а) До середины 80-х годов XVI в. царский титул начинается со слова *государь*: *Государю царю* и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии... (АЮБ, 3, №267-1—6, 1559—1584) и др.

б) С середины 80-х годов, с воцарением Федора Иоанновича, порядок слов в начале царского титула меняется: *Царю государю*... Феодору Ивановичю всеа Русии... (РБС, № 16, 21, 1588) и мн. др. Такой порядок начальных элементов сохраняется и в XVII в.: *Царю государю* и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси... (АИ, 2, №184, 214, 1609), см. там же № 121, 1608 и мн. др.[8] Возможно, что изменение порядка слов в начале царского титула было обусловлено стремлением более четко разграничить начальный протокол челобитных и вошедших именно в это время (80-е годы XVI в.) в широкое употребление воеводских отписок (донесений): *Государю царю* и великому князю

[7] О развитии семантики входящих в состав титула слов см.: Волков С. С. Семантические неологизмы в общественно-политической и социально-экономической лексике судебных актов начала XVII в. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1960, № 2, с. 110—112.

[8] Ср. ошибочное утверждение, что эта новая форма обращения становится обязательной лишь с 1613 г.: Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. — Известия АН СССР, отд. истор. и филос., т. 7, 1950, № 5, с. 452.

Ивану Васильевичю всеа Русий холопи твои Иванец Долматов да Ушачко Курцов [почепские воеводы] челом бьют (РБС, №5, 11, 1580). Эта вводная формула используется в отписках на всем протяжении XVII в. Может быть, здесь сказалось также стремление разграничить начальный протокол челобитных официально-деловых и частно-деловых, которые начинаются с титула *государь* 'хозяин, владелец, господин'. Таким образом, различались два значения слова *государь*: 'верховный владыка, монарх' *(царь государь)* и 'хозяин, владелец, господин'.[9]

Старый порядок расположения начальных элементов царского титула встречается изредка в начале XVII в. и даже в более позднее время. Это челобитные, написанные, видимо, лицами не искушенными в тонкостях приказного делопроизводства того времени: ратными людьми кайгородцами и усольцами (АИ, 2, №204, 1609), монахом Песочного монастыря в Вологодском уезде (АИ, 3, №66, 1615), часовых дел мастером-иноземцем (АИ, 3, №244, 1645), крестьянами (СиД, №56, 1633), муромским служилым человеком (АЮБ, 3, № 369-8, 1652).

в) После воссоединения Украины с Россией в титуле русских царей и цариц *всеа Русии* заменяется *всеа Великия и Малыя России самодержец:* Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, *всеа Великия и Малыя Росии самодержцу,* бьет челом... (РБС, №287, 310, 1654) и др., ср. то же в титуле патриарха — МДБП, 2, №52, 1655. Но уже в 1655 г. эта часть титула видоизменяется — *всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержец:* Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, *всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу,* бьет челом... (РБС, № 337, 359, 1655), см. также МДБП, 2, №53, 1659 и мн. др. В таком составе эта часть титула царей, членов их семьи и патриархов сохраняется до конца XVII в.[10]

г) С середины 80-х годов XVII в. начальные элементы царского титула снова изменяются, вместо *царю государю* появляется *великому государю царю: Царемъ государемъ...* Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю... бьютъ челомъ... (АЮБ, 3, №396-14, 484, 1685), но: *Великимъ государемъ царемъ...* Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ... Софиѣ Алексѣевнѣ... (КА, № 30, 60, 1685).

Появление эпитета *великий* в титуле царей и совпадающее с этим изменение порядка слов было обусловлено, по-видимому, укреплением самодержавия и усилением самодержавной власти. Напомним, что патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоро-

---

[9] Ср. также заключительные формулы челобитных: *Царь государь,* смилуйся, пожалуй (официально-деловые челобитные) и *Государь* Борис Иванович [Морозов], смилуйся, пожалуй (частно-деловые челобитные).

[10] То же самое наблюдаем и во всех других разновидностях актов: указах (От царя и великого князя Алексея Михайловича, *всеа Великия и Малыя Росии самодержца,* в Полоцк...—РБС, № 254, 311, 1654, но: От царя... Алексея Михайловича, *всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца,* в Витебск... — РБС, № 326, 349, 1655 и мн. др.), жалованных грамотах, воеводских отписках и т. д.

вича, добавляет к своему титулу *государь* эпитет *великий* (см. приводимые ниже титулы духовных властителей). «Носил этот титул и патриарх Никон, который приобрел огромную власть и значение также в делах государственных... Самовластная политика московского патриарха вызвала скрытое недовольство царя Алексея Михайловича и его окружения и в конце концов привела к падению Никона».[11] Вражда между царем и патриархом, когда царь боролся за подчинение церкви светской верховной власти, а патриарх добивался независимости церкви и отстаивал идею преимущества «священства» над «царством», проявилась также в том, что эпитет *великий* появляется и у слова *государь* сначала при обычном обращении к царю (не в его титуле): Да в том же, государь, во 163 году июля в 3 день пожаловал ты, *великий государь,* нас, сирот своих, велел нам... (РБС, № 384, 410, 1659) и мн. др. В состав титула царя *великий государь* входит позднее. Возможно, это связано также и со стремлением усилить титул правительницы государства царевны Софьи, поскольку титул цариц и царевен в адресате челобитных и других актов был постоянным с начала XVII в.: *Государыни царицѣ* и великий княгинѣ Марьи Григорьевнѣ всеа Русии... (АЮБ, 3, № 386, 472, 1605); *Гсдрне благовѣрной црце* и великои кнеине Евдокѣе Лук(ья)новне бьет челом... (МДБП, 2, № 31, 60, 1638) и др.

Итак, по расположению элементов царского титула и по его составу мы можем датировать официально-деловые челобитные следующим образом: а) написанные до середины 80-х годов XVI в., б) в период с 1584—1585 гг. по 1654 г., в) в 1655—1685 гг. и г) с 1585 г. до конца XVII в.

Приведем примеры титулов в формуле адресата челобитных на имя духовных властителей разного ранга: Црю... Михаилу Федоровичю..., и *великому гсдрю свтѣишему патриарху* Филарету Никитичю *московскому и всеа Русии* бьет челом холоп вашъ Андрюшка Бермацкои (МДБП, 2, № 12, 50, 1633); *Великому государю святѣишему* Никону, *патриарху Московскому и всея Великия и Малыя Росии,* бьет челом Васька Шорин (МДБП, 2, № 52, 68, 1655); *Великому гсдну светеишему киръ*[12] Иоакиму, *московскому и всеа России и всех верных стран патриарху,* бьютъ челомъ... (ПНРЯ, № 15, 136, 1686); *Великому господину преосвященному* Корнилию, *митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ,* бьетъ челомъ... (АЮБ, 3, № 370-5, 492, 1693); *Государю преосвященному* Симону, *архиепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому,* бьетъ челомъ... (АЮБ, 3, № 370-3, 491, 1683) и др.

---

[11] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 354—355; см. также заявление Ю. Ромадановского 10 июля 1658 г. в Успенском соборе о «гневе» царя на патриарха за присвоение титула «великий государь» (там же, с. 356—357).

[12] Обращает внимание в титуле патриарха в 70—90-е годы тавтологический повтор: *господин — кир* (греч. kyrios 'господин').

В анализируемых материалах представлены также челобитные на имя светских официальных лиц. Их в наших материалах 12 (из 478 челобитных на имя светских владык), все они относятся к «смутному времени» (1608—1613 гг.), так как по обычаю Московской Руси XVI—XVII вв. все прошения, жалобы и заявления официального характера адресовались лично царю (прошения на имя членов его семьи носят уже частно-деловой характер).

В числе этих челобитных есть акты, адресованные гетману Сапеге, шведскому полковнику Делагарди, новгородским воеводам, боярам-правителям эпохи междуцарствия. Титул Я. Сапеги весьма сложен, он представляет собой кальку его польского титулования; приводим обобщенный вид этого титула: (Великому) государю (велеможному) пану Петру (Яну) Павловичу Сапѣгѣ, каштеляновичю Киевскому, старостѣ (старостичю) Любетцкому, Усвятцкому и Коропецкому (и ближнему государеву цареву и великого князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русии приятелю и земскому правителю) бьют челом... (см.: АИ, 2, № 19, 1608; № 248, 1609; № 352, 1608—1609; АИ, 3, № 128, 1608—1609 и др.).

Встречается в челобитных и русифицированный вариант его титула: Великого государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Руси самодержца, етману Яну Петру Павловичу Сопѣгѣ, каштеляновичю Киевскому, старостичю Любятцкому, Усвятцкому и Кирипецкому старостѣ бьютъ челомъ... (АИ, 2, № 137, 158, 1609). Такую же конструкцию [с родительным отношения] встречаем и в других челобитных светским лицам: Государеву царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси боярину Михаилу Борисовичю [Шеину] да князю Петру Ивановичю [Горчакову] на дияку Никону Олексѣявичю бьютъ челомъ... (АИ, 2, № 188, 217, 1609); Королевского величества и Ноугородцкого государьства боярину болшому и ратному воеводѣ Якову Пунтосовичю Делагардѣ и боярину и воеводѣ князю Ивану Никитичю болшому Одоевскому бьетъ челомъ... (АЮБ, I, № 90, 584, 1613); Великие Росѣйские державы Московского государства бояромъ и воеводамъ и всей землѣ бьетъ челом Углецкого уѣзда Покровского монастыря вотчины села Спасского деревни Савинские крестьянинъ Мелешка Федотовъ (АЮ, № 36, 89, 1613), также ПРП, 5, 140, 1611 и др.

Как видно из приведенных примеров, во всех случаях обращения к светским властям челобитчики указывают в вводной формуле отношение адресата к верховной государственной власти, от имени и по поручению которой действует данный светский правитель (правители).

В челобитных частно-деловых титул адресата состоит из одного слова *государь* 'владелец, хозяин', к которому могут присоединяться почетные или наследственные титулы данного лица (*боярин, князь* и др.), но это было не обязательно: *Государю* Борису Ивановичю бьет челом холоп твой Андрюшка Марков

сын Торбо (АХБМ, 1, № 142, 185, 1652), см. также примеры, приведенные в начале раздела.

Таким образом, формула адресата в заголовке челобитной носит традиционный характер, переменным элементом в ней является лишь имя собственное лица, которому направляется данный акт. Никаких локальных вариантов этой формулы в челобитных XVII в. не обнаружено. Не могло здесь быть и индивидуальных вариантов, поскольку отклонения в написании титула преследовались законом (оскорбление чести).

Челобитье

Челобитье — сказуемое в предложении, составляющем начальный протокол челобитной. Оно представляет собой фразеологизм *бить челом* 'обращаться с низким поклоном, с почтением' с глаголом в форме 3-го лица единственного или множественного числа настоящего времени. Челобитье употребляется во всех разновидностях челобитных — официально-деловых и частно-деловых. Из всех рассмотренных актов только в одном (частно-деловом) было отмечено отсутствие челобитья: Государю Федору Ивановичу, государю Федору Алексѣевичу. Милости у васъ, государей, [просят] сироты ваши Костромские вашей вотчины сельца Кондратова работники Микешка да Ивашка (КЧ, № 5, 44; посл. четв. XVII в.).

Устойчивое словосочетание *бить челом,* появляющееся в письменности на рубеже XIII—XIV вв. в значении 'кланяться земно', используется затем в деловой письменности XIV—XVII вв. в значениях 'обращаться почтительно, кланяясь земно', 'просить', 'жаловаться, предъявлять иск', 'сообщать' как в формулярных формулах (челобитных, воеводских отписок, посланий), так и в свободном употреблении. В разговорно-бытовой речи XVII в. *бить челом* выступает также в значениях 'приветствовать' (см. реализацию этого значения в начальной формуле частных писем), 'благодарить', 'преподносить в дар', 'кланяться, приветствуя при прощании' (см. концовки эпистол-грамоток).[13] Естественно, что фразеологизм *бить челом* в этих разговорно-бытовых значениях мог употребляться и в актовой письменности. Фразеологизация сочетания *бить челом* и развитие у него широкой системы значений, экспрессивно-эмоциональных по своему характеру и тесно связанных с исходным 'земно кланяться', идет параллельно с утратой словом *чело* уже, по-видимому, в XV — начале XVI в. значения 'голова', 'лоб'. Слово *чело* заменяется в обиходной речи существительным *лоб* (см. в «Материалах» И. И. Срезневского: *чело* только 'голова', 'лоб' в памятниках XII—XV вв.; *лоб* лишь 'череп', 'голова', 'верх, купол (церкви)' — в письменности XI—XVI вв.). В XVII в. в деловой письменности и разговорной речи *чело* употребляется преимущественно в составе фразеологизма *бить (добить, ударить) челом.* В картотеке Обиходного словаря Московской Руси XV—XVII в. (ЛГУ) и в наших материалах мы имеем лишь один пример использования слова *чело* в значении 'лоб': *Чело* свербит, кланяться нѣкому (Посл. Сим., 155, 2596), но ср.: lobe, the forehead, *лоб* (Р. Джемс, 84, 1618—1619); Как справился Андрей и брякнул чернова о камень *лбом,* так белоризцем радость велия и веселие (Авв. Ж., 280; см. также с. 224 и 279);

---

[13] Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 144—149 и сл.

И крестьянин... взял березавой ослоп и ударил татя в *лоп* (РДС, 111); Украли у меня [попа И. Иосипова]... лошедь мерина бура винахода, противъ пятые, грива направо, во *лбѣ бѣлизна* (КА, № 5, 11, 1668); Выше *лба* уши не ростутъ (Посл. Сим., 86, 431; см. также 85, 386; 89, 539; 104, 990; 128, 1764) и мн. др.

Рассмотрим употребление челобитья (фразеологизма *бить челом*) в начальном протоколе.

В челобитных — прошениях и жалобах официально-делового характера — челобитье выступает обычно без какого-нибудь иного, исключая дательный адресата, дополнения: Царю... Василью Ивановичю всеа Русии *бьетъ челомъ* холопъ твой Занко Ляпуновъ... (АИ, 2, № 286, 347, 1610); Гсдрне црце... Евдакѣе Лукьяновнѣ *биет челом* раба твоя Катка Соколова (МДБП, 2, № 37, 62, 1641); Государю преосвященному Маркелу, архиепископу Вологодцкому и Великопермьскому, *бьетъ челомъ* сирота твой... крестьянинъ... Ивашко Афонасьевъ сынъ (АЮБ, 3, № 370-1, 490, 1653) и мн. др.

То же самое обнаруживаем и в отсрочных: Црю... Михаилу Федоровичю всеа Руси *бьет челом* холоп твои Илейко Безобразов (МДБП, 2, № 5, 46, 1625), см. также РБС, № 436, 1662 и др.; повинных: Царю... Дмитрею Ивановичю всеа Русии *бьютъ челомъ* холопи твои Ярославля болшого... и Ярославского уѣзда князи и дворяня и дѣти боярские, и посадцкие и уѣздные всякие люди (АИ, 2, № 101, 133, 1608), см. также СиД, № 122, 1648 и др.; ставочных: Царю... Алексѣю Михайловичю всеа Русии *бьетъ челомъ* холопъ твой володимерецъ Ивашко Наумовъ сынъ Братцовъ (АЮБ, 3, № 369-6, 476, 1648), см. также МДБП, 2, № 98, 1675 и др.; меновных: Великимъ государемъ... Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю... *бьютъ челомъ* холопи ваши Васка Даниловъ сынъ Креневъ да Васка Андреяновъ сынъ Суворовъ (АЮБ, 1, № 98, 611, 1692), см. также АЮБ, 3, № 369-17, 1697 и др.; мировых: Царю... Алексѣю Михаиловичю... *бьютъ челомъ* сироты твои кунгурецъ Афонка Кочергинъ да Кунгурского жъ уѣзду оброчной черемисинъ Мурзанай Тенекаевъ вмѣсто пасынка своего Семейка Ярасланова (КА, № 12-2, 27, 1675), см. также МДБП, 2, № 67, 1668 и др.; а также поступных челобитных: Царемъ государемъ... Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю... *бьетъ челомъ* холопъ вашъ отставной бѣлозерецъ Данилко Тимофѣевъ сынъ Юрловъ (АЮБ, 3, № 369-10, 480, 1682—1683).

Без дополнения употребляется челобитье и в подавляющем большинстве частно-деловых челобитных: прошениях и жалобах, отсрочных (отсрочка уплаты оброка, а не перенесение сроков рассмотрения судебного дела) и повинных: Государю Борису Ивановичю *бьет челом* сирота твой государев, вотчины твоей государевы села Лыскова крестьянин, Онтропко Левонтьев (АХБМ, 1, № 75, 140, 1650); Гсдрю игумену Арсению, еже о Хрстѣ з братиею, *бьет челомъ* сирота вашь, села Яганава староста, Бориска (М)атвѣевъ (Гр., № 478, 294, 1667); Государю

князю Никите Ивановичю *биетъ челомъ* сирота твой государевъ, Галицкие вотчины села Покровскаго деревни Базиева, Мишка Григорьевъ (ЧО, № 1, 64, 1673) и мн. др.

Только в двух официально-деловых челобитных (прошении и жалобе) *бить челом* употреблено с дополнением в предложном падеже с предлогом *о*: Царю... Алексѣю Михайловичю... *бьютъ челомъ* твои великого государя искони вѣчные вотчины Псковского государства земские старосты и всѣ старые и новые, что прежъ были, иванегородцы посадцкие людишка *о* твоемъ великого государя милостивомъ къ намъ, бѣднымъ сиротамъ твоимъ, *призрѣнии* (ДАИ, 5, № 1-5, 8, 1665), см. также: ...*бьют челом* города Шклова мещане... *о церкви* новосозданной Воскресения Христова, что в городе... (РБС, № 290, 316, 1654). Устойчивое словосочетание *бить челом* выступает здесь в значении 'обращаться с почтительной, униженной просьбой о чем-нибудь', обычном, как уже говорилось, в деловой письменности XVII в.

Использование *бить челом* в конструкции с предлогом *о* и существительным в предложном падеже отмечено также в одной частно-деловой челобитной-прошении: Гсдрю Федору Максимавичю *бьет челом* сирата твои Лунка Фидосеяв *а скудасти и а бѣднсти* (ИНРЯ, Ч, № 35, 241, посл. четв. XVII в.). Однако здесь *бить челом* выступает уже в значении 'жаловаться, сетовать на что-л.'; значение это является, по-видимому, разговорной трансформацией обычного для деловой и бытовой речи значения фразеологизма *бить челом* (на кого-н.) 'жаловаться на кого-н., предъявлять иск кому-н.'

Интересно употребление в одной из частно-деловых челобитных устойчивого словосочетания *бить челом* в конструкции с винительным падежом существительного с предлогом *за* (за что): Государю Георгию Ивановичу и... государю Алексѣю Ивановичу *бьют челом* послѣдния сироты ваши, Кондратовския и Слегинския и Починошныя вотчины, всѣ поголовно *за* вашу, государи, премногую *милость* и *за жалованье* (КЧ, № 1, 41, 1684). Глагольный фразеологизм *бить челом* используется здесь в значении 'благодарить за что-н.', не отмеченном ни в одном историческом словаре русского языка.[14]

Памятники русской письменности и картотека ДРС показывают, что значение это (в конструкции с предлогами *за* и *на*) впервые фиксируется лишь в конце XVI в. в записях русской речи иностранцами, частной переписке, диалогах разговорников и других подобных текстах, отражающих разговорно-бытовую речь эпохи, например: Ja tebye za to diella cholom bion, sette menie sedyella — Я тебе *за* то *дѣло чолом бью,* што ты мнѣ сдѣлалъ— Слов. моск., 64, 1586; да что ты о своем здорове ко мнѣ писал и пожаловал, рыбы с члвком своим прислал, и я *на* своем *приятстве и любви* много *челом бью,* а присылаеш много напрасно (Гр., № 12, 18, 1663); Да жаловал гсдрь Федор Тихоновичь, ко мнѣ, убгому о своем многолѣтном здорове

---

[14] К разговорной речи (среднему стилю, широко употребительному в деловой речи) XVI—XVII вв. относит это значение Б. А. Ларин (Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948, с. 64).

писал, и я *за млсть* ево, гсдря, мног *челом бью* (Гр., № 4, 13, 1665[15]); Пожалуй садися. *Челомъ бью* [в переводе: Ich bedanke mich], я не усталъ (Лудольф, 47, 1696); *Челом бью за любовъ* (там же, 53). Ср. Копенг. разг. XVII в., с. 29, 35, 39 и др.

В этом же значении употреблялся в разговорно-бытовой речи XVII в. глагол *кланяться:* Головок, пожалуи, ко мъне пришъли, а я *за милость* твою *буду кланятъца* (Гр., № 28, 28, втор. пол. XVII в.). Таким образом, налицо тесная семантическая связь глагола *кланяться* и фразеологизма *бить челом* и параллельное развитие у них значения 'благодарить'. Отметим, что лексикографические труды XVIII—XIX вв. также не фиксируют это разговорно-бытовое значение фразеологизма *бить челом* (САР, Словарь П. С., СЦСРЯ, РЯС), но его отмечает В. И. Даль: *бить кому челом... на* чем, 'благодарить' (1, 89), но ср.: Пришел сосед. — «Приятель дорогой, здорово! — *Челом* вам *бьем за* ласковое *слово»* (Крылов. Откупщик и сапожник — БАС, 1, 463, с пометой *устар.*).

В частно-деловых крестьянских челобитных — прошениях, жалобах, повинных довольно часто (42 случая из 238) встречается употребление *бить челом* в сочетании с глаголом *плакаться* без дополнения или с дополнением (предлог *о* и. существительное в предложном падеже): Государю Барису Ивановичю *бьют челом и плачутца* сироты твои государевы, подмосковные твоей боярской вотчины села Павловскова дер. Захарковы крестьянишка, Власка Васильев, Анашка Леонтьев с товарыщи (АХБМ, 2, № 323-2, 47, 1652); Гсдрю Андрѣю Ильичю *бьет челом и плачетца* сирата тв(ой) земской дьячок Сенка Иванав (ПНРЯ, № 99, 58, 1682), см. также ЧО, № 86, 1684; Гр., № 136, 1696 и др.; Гсдрю нашему Мартыну Васильевичю и ... Федору Мартыновичю *бьютъ челом и плачютца* залѣсъких дрвнь крестьянишка всѣ *об нужде* своеи и *о бѣдъности* (Гр., № 137, 77, 1696), ср. ИНРЯ, С, № 45, 55, 60, 61, 78, кон. XVII — нач. XVIII в. и др.

Однородные сказуемые *бить челом и плакаться* находим не только в челобитных, но и письмах простых людей конца XVII — начала XVIII в.: Гсдрю моему дядюшке Петру Василевичю из Казании (!) раб млстии твоеи Микитка Андрѣев [посланный дядей в качестве приказчика к житным складам] *бьетъ челомъ и плачется.* вѣдомо тебѣ, гсдрю, будии про меня... (Гр., № 370, 212, 1699), см. также: Гр., № 63, XVII — нач. XVIII в.

Вне начального протокола глагол *плакаться* встречается в крестьянских челобитных и без фразеологизма *бить челом:* Прикажи, гсдрь, овса дат на симяна..., а я топерво миром питаюсь, потому что скуденъ и бѣденъ, а окупитца нѣчемъ, *плачуся* слезно... о том, млсти прошаю (Гр., № 136, 76, 1696).[16]

Изредка (4 челобитных из 502) такое словосочетание мы встречаем и в официально-деловых челобитных, это акты, написанные от имени крестьян: Царю... Василью Ивановичю всеа

---

[15] См. также: Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в., с 149—151.

[16] Ср. в послании-письме Васюка Грязного Ивану Грозному (1574—1576 гг.): Государю царю... бедной холоп твой полоняник Васюк Грязной *плачетца* (Посл. Ив. Грозного, 566).

Русии *бьютъ челомъ и плачютца* твоя государева сирота Соли Камской староста Васка Елесѣевъ сынъ Александровъ и во всѣхъ земскихъ посадцкихъ и деревеньскихъ крестьянъ мѣсто (АИ, 2, № 230, 270, 1609); см. там же № 121 и 188, 1608—1609.[17] Только в одном случае это челобитная-жалоба протопопа Симеона из Юрьева-Польского (СиД, 29, 1626); отметим попутно, что в двух других челобитных Симеона, опубликованных здесь же, заголовок их оформлен по нормам отписок (с челобитьем в конце вводной формулы), что свидетельствует об отсутствии у челобитчика навыков оформления челобитной. Интересно, что именно это сочетание *бить челом и плакаться* использовано в сатирическом произведении второй половины XVII в. Повести о Ерше Ершовиче: *Бьют челом и плачутца* сироты божии и ваши *крестьянишька* Ростовскаго озера жильцы Лещ да Головль (РДС, 7).

В одном случае в официально-деловых челобитных-прошениях нами отмечено употребление *бить челом* в сочетании с однородными глагольным и глагольно-именным сказуемыми *молимся и просим милости:* Царю... Алексѣю Михайловичю... *бьютъ челомъ* сироты твои государевы всего города Пскова середние и мелкие людишка *и молимся* Живоначалной, Единосущной и Нераздѣлимые Троицы *и просимъ милости* у тебя, великого государя, твоего государева милосердаго призрѣния (ДАИ, 5, № 1-15, 23, 1665). Вычурная вводная формула этой коллективной челобитной представляет собой контаминацию обычного заголовка официально-деловых челобитных, вводной формулы казусно-просительной части крестьянских челобитных и частно-деловых челобитных священников. Ср.: Гсдрю Андрею Никитичю *бьетъ челомъ и плачетца* сирата твои дрвни Кашутина Никишка Борисав. *млти у тебя, гдря своево прошу...* (ИНРЯ, С, № 47, 200, кон. XVII в.); Гсдрю Андрею Никитичу... ржевъския вашеи, гсдри, вотчины села Елец блговѣщенъскои поп Иванища Василевъ *бга молю и челом бью* (ИНРЯ, С, № 1, 182, 1686).

В и с к о в ы х официально-деловых челобитных (заявления в суд) челобитье обычно состоит из одного фразеологизма *бить челом* без дополнения: Црю... Михаилу Федоровичю... *бьет челом* холоп твой кодаше(ве)ц Четвертка Ларивонов (МДБП, 2, № 15, 52, 1634), см. также АЮБ, 1, № 87, 1680; КА, № 50, 1686 и мн. др.

Однако в 11 исковых челобитных из 132 *бить челом* используется в значении 'жаловаться, предъявлять иск' и имеет при себе косвенное дополнение в винительном падеже с предлогом *на:* Царю... Михаилу Федоровичу... *бьют челом* литовские купцы

---

[17] Ср. в крестьянской челобитной второй половины XVI в.: Царю... Ивану Васильевичь (!) всея Руси *бьютъ челомъ и плачетца* (!) **сироты твои...** Никитка Осеевъ сынъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто ладомские волостишки, *плачютце и челомъ бьютъ* о таковѣ дѣлѣ... (Акты Лодомск. церкви, № 32, 22, 1547—1584).

случане Яков Олексеев и Демьян Матвеяв *на* московского *торгового человека* Конюшинное слободы на столици *на Ивана Иванова сына Романова* (РБС, № 129, 151, 1637); Великимъ государемъ... *бьетъ челомъ* холопъ вашъ кунгурской пушкарь Калинка Гуляевъ *на кунгурку* деревни Неволины *на Марью Сергѣеву дочь* Терентьеву жену Исакова (КА, № 33-7, 84, 1687 и др.).

Таким образом, в водную формулу челобитной включается указание на лицо, которому предъявляется судебный иск. В этих случаях мы обнаруживаем контаминацию заголовка челобитной — прошения или жалобы — и традиционной формулы, с которой обычно начинается основной текст исковой челобитной: *Жалоба,* государь (государи), *мне на...* Конструкция *бьет челом на* в заголовке отмечена однажды в отсрочной челобитной (МДБП, 2, № 121, 1683).

В частно-деловых исковых челобитных в качестве сказуемого используются либо *бить челом* 'обращаться почтительно', либо *бить челом и плакаться* (без дополнения или с дополнением с предлогом *о*): Государю Федору Ивановичю *биетъ челомъ* сирота твой Покровской крестьянинъ Агапитко Яковлевъ (ЧШ, № 1, 46, 1639), см. также АХБМ, 1, № 94, 1651 и др.; Государю Борису Ивановичю *бьет челом и плачетца* сирота твой государев села Большие Екшени крестьянин Терешко Осипов (АХБМ, 2, № 450-2, 133, 1660), см. также ИНРЯ, С, № 64, кон. XVII — нач. XVIII в. и др.; Гсдрю Петру Анъдреевичу, гсдарыни Агрипены Григорьевны *бъеть чалом и плачетьца* сирата вашь села Елиць деревьни Миткова Ивань Евьдокимовь *о* своеи *бедности* вашеи, гсдрь, милости (ИНРЯ, С, № 67, 208, кон. XVII — нач. XVIII в.) и др.

В официальных изветных челобитных рядом с фразеологизмом *бить челом* в качестве однородного сказуемого используется глагол *извещать* 'доносить, сообщать' с дополнением в винительном падеже с предлогом *на* (объект извета): Ц(арю)... *бьетъ челомъ и извѣщаетъ* х(олоп) твой, г(осударь), Оскольский стрѣлецъ Минка Глазунъ *на* оскольскаго *стрѣльца на Ивана Хлоповского* (СиД, № 165, 294, 1623), см. здесь же № 209, 1642 и др. В одной челобитной используется конструкция: *бьет челом и извещает на кого* (объект извета) *в чем* (с придаточным дополнительным): Црю... Феодору Алексѣевичю... *бьет челом и извещает* холоп твои кадашевецъ Андрюшка Федоров *на* кадашевца *на тестя* своего *на Федора Григорова в том,* что... (МДБП, 2, № 106, 100, 1677). Однако, несмотря на то, что заголовок этого документа оформлен как у изветов, это явочная челобитная, и как явка он был воспринят в приказе Мастерской палаты (в помете: сю *явку* подал кадашевецъ Андрюшка Федоровъ. диакъ Корнило Петров. Записат челобите).

Частно-деловые изветные челобитные также используют в вводной формуле конструкцию *бьет челом и извещает на кого* (в чем): Государю Борису Ивановичу *бьют челом и извещают*

сироты твои государевы, Нижегородцкого уезду села Лыскова таможенной и кабатцкой голова Ивашко Семенов, ларешные целовальничишка Дружинка Ильин, Устинко Ребров, Терешка Аникиев с товарыщи, села же Лыскова *на* прошлого *таможенного и кабатцкого голову на Логина Зверева* да *на ларешных целовальников на Ивана Спешилова, на Федора Шегутина, на Якима Федотьева в том,* что... (АХБМ, 1, № 64, 131, 1650), см. также АХБМ, 2, № 323-1, 1652; ИНРЯ, Ч, № 1, 1671 и др. В одном случае в заголовке челобитной отсутствует глагол *извещать,* но изложение содержания начинается с этого глагола: *Извещаю* тебе, г(осударь), *на приказщика на Алексея Дементьева* (АХБМ, 1, № 114, 172, 1651).

В явочных челобитных официально-делового характера (а только такие представлены в рассмотренных материалах; в частно-деловой практике явочные челобитные отсутствуют, изредка их функцию выполняют изветные челобитные) челобитье *(бьет челом)* дополняется глаголом *являть* 'заявлять, доводить до сведения' без дополнения (20 челобитных) или с дополнением в винительном падеже с предлогом *на* (14 челобитных): Царю... Михаилу Федоровичю... *бьет челом и являет* сирота твоя государева иноземец литвин торговой человек полочанин Кондрашко Яковлев сын (РБС, № 64, 87, 1625), см. также КА, № 9, 1670; МДБП, 2, № 87, 1674 и др.; Царю... Михаилу Федоровичу... *бьетъ челомъ и являетъ* холопъ твой суздалецъ Мойсейко Кушкинъ *на* твоего государева *стольника* Степана Милюкова (КЧ, № 1, 52, 1629). Интересно отметить, что явочные челобитные, в заголовке которых используется конструкция *бьет челом и являет на кого* написаны либо от имени московских посадских и мелких служилых людей (МДБП, 2, № 60, 68, 79, 84, 94, 131, 137, 1663—1691), либо в провинции, их адресантами являются крестьяне, мелкие помещики, монахи (КЧ, № 1 и 2, 1629 и 1640 — Шуя; АЮБ, 3, № 371, 1639 — Вологда; АЮБ, 3, № 372-1 — Мордасская вол.; КА, № 10 и 11, 1670 — Кунгур и др.). Вводная формула ряда явочных челобитных (7 актов) такая же, как и у челобитных-прошений, например: Црю... Алексѣю Михаиловичю... *бьет челомъ* холопъ твои кадашевецъ Сенка Ивановъ (МДБП, 2, № 89, 90, 1675; см. в просительной части: вели, гсдрь, челобитье мое и *явку* записат) и др. По-видимому, здесь сказалась неопытность или невнимательность писца. Нами отмечено несколько случаев, когда писец, сделав ошибку, вовремя спохватывался и дописывал необходимый для заголовка явочных челобитных элемент уже после формулы вассальной зависимости *холоп твой:* Црю... *бьет челом* холоп твои *и являетъ* кодашевецъ Андреянко Микитин (МДБП, 2, № 87, 89, 1671), также МДБП, 2, № 85, 1674 и № 95, 1675.

В заголовочной формуле фразеологизм *бьет (бьют) челом* (или *бьет челом и извещает, бьет челом и являет, бьет челом и плачется*) всегда располагается между данными об адресате и сведениями о челобитчике. Отступления от этого правила необы-

чайно редки (в официальных челобитных 3 случая из 502; в частно-деловых — 4 из 293), например: Ц(арю)... А(лексею) М(ихайловичу)... твой стремянной конюхъ Артюшка Козловъ *челомъ бьетъ* (СиД, № 134, 221, 1647; см. здесь же две челобитных протопопа Симеона — № 29, с. 33 и 35, 1626); Гсдрю Федору Максимовичю нижегороцкого твоево помѣстья дрвни Пол крѣстьянинишко твои гсдрвь Евьсевеико Клемѣнтьевь *чел(о)м бьет* (ИНРЯ, Ч, № 2, 222, 1672); Гсдрю Андрѣю Микитичю крстьянишка твое дрвни Песков старостишко Ивашко Лукоянов, выборные и всѣ крстьянишка *челом биют и бга молимъ за тебя,* гсдря своего (ИНРЯ, С, № 50, 201, XVII — нач. XVIII в.), см. также ИНРЯ, С, № 1, 1686 (челобитная попа). Во всех этих случаях на заголовок челобитных оказала воздействие вводная формула либо служебных донесений (отписок), либо частных писем. Ср., например, в письмах: Милостивои гсдрне моеи сестрице Федосе Павловне сестришка твоя Грунка Михаилова дочь *челом бьет* (Гр. № 106, 63, XVII — нач. XVIII в.); Гсдну моему Афонасю Самоиловичю смиренныи Маркел архиепскпъ вологодцкии о твоем многолѣтном здравии *бга молю и челом бью* (Гр., № 463, 285, 1653) и др.

Итак, рассмотрение второго элемента вводной формулы челобитных (челобитья-сказуемого) показывает, что традиционным является употребление в ней глагольного фразеологизма *бить челом* 'обращаться с низким поклоном, с почтением' и 'жаловаться, предъявлять иск' (*бить челом на* кого-н.). В приказном делопроизводстве для изветных и явочных челобитных были выработаны в XVII в. специальные формулы *бить челом и извещать* и *бить челом и являть.* Вместе с этим складывается формула челобитных простых людей (крестьян, посадского люда, низших служилых сословий) — *бить челом и плакаться* 'почтительно обращаться, горько жалуясь на кого-н. или что-н., сетуя'. Она употреблялась обычно в частно-деловой переписке, но изредка проникала и в официально-деловое делопроизводство.

Результатом воздействия разговорной речи является использование фразеологизма *бить челом за* (что) в значении 'благодарить, выражать свою благодарность за что-н.'

Дополняющий челобитье второй глагольный элемент (однородное сказуемое) характерен только для изветных и явочных челобитных, в остальных разновидностях употребляется единая форма челобитья (*бить челом*).

Адресант

Собственное имя и формула вассальной зависимости

Данные об адресанте челобитных (последний элемент заголовка) являются подлежащим в предложении — формуле начального протокола. См. в официально-деловых актах: Царю...

бьетъ челомъ *холопъ твой Занко Ляпуновъ съ сынишкомъ своимъ съ Сенкою* (АИ, 2, №286, 347, 1610); Црю... бьет челом *сирота твои Игнашка Дмитрѣев сынъ* (МДБП, 2, №44, 64, 1642); Гсдрне црце... биет челом *раба твоя Катка Соколова* (МДБП, 2, №37, 62, 1641); Царю... бьет челом *богдмолец твой государев старец Григорища,* (и)конописец (РБС, №234, 255, 1651) и др.; и в частно-деловых: Государю... бьет челом *холоп твой Куземка Нагаев* (АХБМ, 1, №62, 130, 1650); Гсдрю... бьет челом *сирота вашъ Игнашка Матвѣевъ* (Гр., №453, 280, XVII — нач. XVIII в.); Гсдрю...бѣть чаломъ и плачитца *сирота ваша Афимья Никитина* (ИНРЯ, С, №64, 207, кон. XVII — нач. XVIII в.); Государю... бьет челом *богомолец твой Нижигороцкого уезду вотчины твоеи государевы села Мурашкина черной поп Павел* (АХБМ, 2, №395, 98, 1659); Государю... бьет челом нищая *твоя государева богомолица вотчины твоей государевы села Лыскова Рожественного девичя монастыря игуменья Екатерина...* (АХБМ, 2, №443, 129, 1660) и др.

Из приведенных примеров видно, что подлежащим в вводной формуле являются данные об адресанте: его имя (в уничижительно-пренебрежительной форме — «полуимя», как говорили в то время), отчество (или именование по отцу) и фамилия или прозвище. Эти сведения об адресанте всегда сопровождаются приложением — формулами, выражающими вассальные отношения (мы будем именовать их формулами вассальной зависимости): *холоп твой (ваш)* у служилых людей разных сословий, *сирота твой (ваш)* у крестьян, *раба (сирота) твоя (ваша)* у женщин в зависимости от отношения к сословию, *богомолец твой (ваш)* у священнослужителей всех рангов, *богомолица твоя (ваша)* у монахинь. Формулы эти могли дополняться согласованным определением — прилагательными *государев, царский* или несогласованным определением — словосочетанием *великого государя,* приобретая тогда следующий вид: *холоп (сирота, богомолец) твой государев (царский, великого государя); сирота (раба, богомолица) твоя государева (царская, великого государя).*

Использование формул вассальной зависимости в челобитных, как и *холоп твой* в воеводских отписках, является традиционным, они относятся к стилеобразующим средствам рассматриваемых документов. Формулы эти входят в употребление в челобитных с середины XVI в.: ср. жалобницу Ивана Яганова 1533—1536 гг., в которой *холоп твой* отсутствует (АИ, 1, №136), и челобитную З. Сабурова 1569 г., где сочетание это уже используется (АЮБ, 3, №367-1). Возникновение этих формул и введение их в употребление в официальной, а затем и в частно-деловой переписке связано с утверждением на Руси самодержавия, принципы которого наиболее отчетливо были выражены Иваном Грозным: «А жаловати есмя *своих холопей* вольны, а и казнити вольны же» (Первое послание Курбскому — Посл. Ив. Грозного, 30).

Входящие в состав этих формул существительные *холоп, сирота, раба, богомолец, богомолица* употребляются не в собственных своих значениях: *холоп* 'кабально-зависимое от кого-либо лицо', 'крепостной крестьянин' (Срезневский, III, 1384—1385, а также Уложение 1649 г., гл. XX, ст. 2—5, 7—9, 10 и др.), *сирота* 'крестьянин' (Срезневский, III, 360, а также Жалов. гр. 1423 и 1424 гг. — ПРП, 3, с. 98 и 100), *раба* 'рабыня' и 'холопка' (Срезневский, III, 1 и 125, также Запись кон. XV в., Догов. грам. в. к. Вас. Вас. 1441 г. — ПРП, 3, 63 и 268 и др.), *богомолец* 'священнослужитель' (Срезневский, I, 132), *богомолица* 'монахиня' (Срезневский — нет, но обычно в XVII в.), а в значении 'безусловно покорный (-ая), верноподданный (-ая)'. Значение это у слов *раб, раба* издавна было известно в церковной письменности, выступая в устойчивых сочетаниях *раб божий, раба божия,* которые использовались и в деловой письменности, входя в состав начальной формулы духовных грамот: Се язъ, грѣшныи худыи *рабъ б(ож)ии* Иван[ъ], пишу д(у)ш(е)вную грамоту, ида въ Ворду (Дух. Ив. Калиты, ок. 1339 г.— ДДГ, № 1, 7); Се азъ *раба божиа* княжь Борисова Васильевича княгиня грѣшная Улиана (Дух. княг. Юл. Волоцк. 1503 г. — Срезневский, III, 1). По-видимому, именно эти устойчивые сочетания послужили моделью для создания в середине XVI в. формул вассальной зависимости *холоп (сирота, богомолец) твой (ваш), раба (сирота, богомолица) твоя (ваша).* Ср. еще в Повести о Ерше Ершовиче: Бьют челом и плачутца *сироты божии* и ваши крестьянишька Ростовскаго озера жильцы Лещ да Головль (РДС, 7).

Заметим, что слово *холоп* употреблялось в XVII в. в официальной письменности и в судебных кодексах в своем основном значении 'кабально-зависимое лицо' и 'крепостной слуга', например: Сенька битъ кнутомъ на козлѣ и отданъ по прежнему въ холопи къ Меньшому Стрѣшневу (СиД, № 51, 63, 1630), см. Уложение, гл. XX и др., но в быту и в повседневной деловой письменности XVII в. в этом значении используются уже обычно *человек, люди:* Была братчина у кр(естьянина) моего [А. Кучина] у Нестерка Поликарпова, и на той, г., братчинѣ пили мои жъ крестьянишка... да *человѣкъ мои* Жданко Власьевъ; и выпився, г., тотъ *мой человѣк* изъ ума... и промолыл... непригожее слово... И в(оевода)... прислалъ разсылыщика Докучая Гаврилова съ понятыми, и того *моего холопа* Жданка взялъ (СиД, № 326, 586—587, 1625), ср. здесь же царский указ по делу «Афанасьева *человѣка* Кучина Жданко Власова».

Существительные *сирота* 'крестьянин, крестьянка' и *раба* использовались в XVII в. только в составе рассматриваемых формул, в деловой письменности и обиходной речи их заменили в этих значениях термины *крестьянин, крестьянка*[18] и описательные конструкции *крепостная девка (жонка), приданая девка (жонка)* и под.: Приставил я... ко вдове Авдоте в неустоике по ряднои записи и по данои к *крепостнои приданои девки* Агашки Федоровои дочери (МДБП, 2, № 120, 110, 1683); Збежала от меня, холопа твоего, *крепосная* моя *жонка* Матрюшка Миронова доч (МДБП, 2, № 86, 88, 1674); Бежала, г., от меня *приданая жон(ка)* Федосьица Григорьева дочь (АХБМ, 2, № 315, 44, 1652) и мн. др. Преимущественно в составе формулы *богомолец (богомолица) твой (твоя)* употребляются в XVII в. существительные *богомолец* и *богомолица.*

Использование формул вассальной зависимости в челобитных было строго регламентировано. «А кому лучитца о какихъ дѣлехъ бити челомъ царю самому, — писал Г. Котошихин, — и въ приказѣхъ судьямъ, и въ городѣхъ и въ войнѣ воеводамъ или посломъ, и въ челобитныхъ своихъ пи-

---

[18] «Термин „крестьянин" постепенно на Руси стал вытеснять другие аналогичные по содержанию термины (сирота, селянин, мирянин. — *С. В.*). Официально он завоевал полное право гражданства в Русском государстве с XV в., но в быту долго еще продолжали существовать и старые слова „смерд" и „сирота"» (Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. М., 1952, с. 21; см. также с. 205).

шутъ *бояре и околничие и думные и всякого чину служилые люди* "Царю государю и великому князю" именованье и титла его царская противъ того жъ, что и въ отписке, а потомъ "бьетъ челомъ холопъ твой" князь или и бояринъ и простой человѣкъ полуимянемъ же безъ княжества и безъ чину; а посадцкие люди и крестьяне пишутца въ челобитныхъ своихъ "рабами и сиротами", а не холопми. Такъ же и жены и дочери всякихъ чиновъ людей пишутца въ челобитныхъ своихъ „рабами и сиротами", полуимянемъ же, а отцовъ своихъ и мужей пишутъ въ челобитныхъ своихъ цѣлыми имянами и имянуютъ прозвище и чин».[19] Таких правил оформления официально-деловых челобитных придерживались в XVII в. и в частно-деловой практике: формула *холоп твой* использовалась при обращении к феодалу-вотчиннику или помещику приказчиками, крестьяне применяли формулу *сирота твой (твоя)*, а духовные лица из церквей или монастырей, расположенных на территории вотчин того или иного феодала, обращались к нему, употребляя формулу *богомолец (богомолица) твой (твоя)* или *богомолец (богомолица) государев и твой (государева и твоя)*.

В официально-деловых челобитных иностранцев формула вассальной зависимости отсутствует: Царю... бьет челом иноземец литовский купец могилевец Микитка Михайлов сын Турута (РБС, № 119, 142, 1636) и др.; но иноземцы, находящиеся на русской службе, обычно использовали ее: Царю... бьет челом *холоп твой* полоцкой иноземец Ивашко Михайлов сын, лекарь (РБС, № 287, 310, 1654) и др.

Случаи пропуска формулы вассальной зависимости в челобитных русских людей единичны и объясняются либо недосмотром, либо недостаточным навыком автора (писца) в оформлении этих документов, нами отмечено только 11 таких случаев (из 502), например: Государю царю... бьетъ челомъ досталней чернецъ Илинархище Успенья Пречистые богородицы Песочного монастыря Вологодского уѣзду (АИ, 3, № 66, 231, 1615),[20] см. также РБС, № 34 и 36, 1603—1604; СПП, 1, 3, 1613; СиД, № 128, 1648, витиеватые заголовки коллективных челобитных шкловцев — РБС, № 290, 1654, псковичей — ДАИ, 5, № 1-5, 1665 и др.

Довольно часты пропуски формулы вассальной зависимости в женских челобитных. Из 19 таких официально-деловых актов, представленных в наших материалах, пропуски отмечены в 6 случаях: Царю... бьет челом Михайловская женишко Лодыженсково Ориница (СПП, 1, 23, 1613; см. здесь же с. 22; СПП, 2, № 10); Црю... бьет челомъ блженные памяти гсдрни

[19] Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1906, гл. 8, ст. 6, с. 127. — В рассмотренных 1167 челобитных формула *раб твой* ни в начальном протоколе, ни как приложение (см. ниже) не встретилась.

[20] О неопытности автора свидетельствует и не принятое в XVII в. «государю царю», и расположенное после имени монаха, а не перед ним указание на монастырь.

цревны кнежны Полагеи Михаиловны кормилица бедная Домаха (МДБП, 2, № 43, 64, 1642; см. здесь же № 54 и 126, 1656 и 1686). Во всех остальных челобитных используется либо формула *раба твоя (ваша)*: Гсдрне благоверной црице... бьет челом *раба ваша* гсдрской постелница Баженовская женишка Богаткова Овдотица (МДБП, 2, № 16, 53, 1634) и др., либо *сирота твоя (ваша)*: Великимъ государемъ... бьетъ челомъ *сирота ваша* Офимьица Иванова дочь, а стрѣлца Алешкина женишко Артемьева (КА, № 48, 112, 1686) и др.

Отсутствует формула вассальной зависимости в челобитных эпохи смутного времени и междуцарствия на имя светских правителей: Великие Росийские державы Московского государьства бояром б[ьет челом] Николы Зарайсково посацкой человек Сенька Олек[сеев сын] Перекислов (ПРП, 5, 140, 1611); ср. АЮ, № 36, 1613; АЮБ, 1, № 90, 1613; АИ, 2, № 352, 1608 и др. Иногда в них употребляется формула *холоп государев*: Государя царя... гетману... Сапѣгѣ... биютъ челомъ *холопи государевы* суздалцы, дворяня и дѣти боярские, всѣмъ городомъ (АИ, 2, № 167, 195, 1609); ср. АИ, 2, № 188, 1609 — *сироты государевы*, АИ, 2, № 236, 1609 — *государев богомолец* и др.

В соответствии со значением формулы *холоп твой* 'верноподданный' последняя не встречается в челобитных на имя духовных властителей: Великому гсдрю стѣишему Никону... бьет челом Васка Шорин (МДБП, 2, № 52, 68, 1655); см. также КА, № 64, 1690; Гр., № 472, XVII — нач. XVIII в. и др. Мог употребляться в подобном случае вариант *холоп государев (великих государей)*: Великому господину преосвященному Корнилию... бьетъ челомъ *холопъ великихъ государей* Пашко Степановъ сынъ Аничковъ (АЮБ, 3, № 370-5, 492, 1693). Но если к церковному властелину обращается крестьянин церковных вотчин, то он использует обычное для него *сирота твой*: Государю преосвященному Маркелу... бьетъ челомъ *сирота твой* Лѣжского волоку твоего святительскаго дьяка судьного приказу Данила Столбицкаго крестьянинъ деревни Ваганова Ивашко Афонасьевъ сынъ (АЮБ, 3, № 370-1, 490, 1653) и др.

В частно-деловых актах формула вассальной зависимости отсутствует в челобитных одного феодала-землевладельца другому: Государю... бьет челом Васька Тимофеев сын Буков (АХБМ, 2, № 365, 77, 1659); см. также Гр., № 54, XVII — нач. XVIII в.; АХБМ, 1, № 78, 119, 167, 174 и др. Нет ее и в челобитных разного рода мелких служилых людей и посадских жителей, адресованных тому или иному вотчиннику, помещику: Государю... бьет челом Огородные слободы теглец Ивашка Михалев (АХБМ, 2, № 315, 44, 1652); Государю... бьет челом вяземской козачишка Тимошка Афонасьев сын Богомол (АХБМ, 1, № 205, 211, 1652) и др.

Формулу *богомолец государев (царский)*, используют представители духовенства церквей и монастырей, находящихся вне границ земельных владений вотчинника или помещика, к кото-

рым они обращаются с челобитной: Гсдрю... бьет челом нищеи црьскои бгомолецъ Вологоцкого уѣзду... цркви Покрова прсвтыя бдцы и свтго Николы чюдотворца поп Митрофан Федоров (ПНРЯ, № 190, 103, 1669); см. также АХБМ, 1, № 104, 1651 и АХБМ, 2, № 358, 1658 и др. Но в челобитных — прошениях о всякого рода пожалованиях церкви или монастырю — выступает вариант *богомолец (богомолица) царский (-ая)* или *государев (-а) и твой (твоя)* — см. АХБМ, 1, № 194-1, 1652; АХБМ, 2, № 285, 1652 и др.

При обращении к вотчиннику или помещику крестьян государственных или другого землевладельца использовались формулы *холоп государев, сирота государев, сирота (крестьянин)* такого-то помещика или вотчинника, например: Государю... бьют челом *холопы государевы* Арзамаского уезду дер. Тараталей... мордва Одушко Арнаев... с товарыщи, всею мордвою (АХБМ, 2, № 524-2, 178, 1660), см. здесь же № 524-1, 1660 — *сироты государевы;* Государю... бьют челом *сироты боярина князя Петра Ивановича Пронсково крестьянин Митька Федоров,* да *Иванов крестьянин Обрасцова Дейко Степанов,* да *Гаврилов крестьянин Домашново Федька Спиридонов* (АХБМ, 2, № 301, 38, 1652); см. ИНРЯ, П, № 56, кон. XVII в.; АХБМ, 1, № 199, 1652 и др.

Пропуски формулы вассальной зависимости в крестьянских челобитных помещику или вотчиннику единичны (в 5 челобитных из 263), но во всех этих случаях формула *сирота твой* заменяется форму́лой *крестьянишко твой* или *старостишко твой* и под. Гсдрю... Корачевской твоеи вотчины бьет челом *крѣстьянинишка* твои Аничко Емельянов (ИНРЯ, К, № 52, 43, кон. XVII — нач. XVIII в.), см. также ИНРЯ, Ч, № 2, 1672; ЧО, № 30, 1673; Гр., № 137, 1696 и др.; Гсдрю... *старостишко твои* Ивашко Пузакъ с товарищи и всѣ крѣсяня бьют челом и плачются (Гр., № 181, 103, XVII — нач. XVIII в.), см. также ИНРЯ, Ч, № 20, кон. XVII — нач. XVIII в. и др. Таким образом, здесь налицо трансформация рассматриваемых формул: замена пассивного (архаичного) элемента *сирота* активными *крестьянин (крестьяне), старостишко* и др.

В частно-деловых женских челобитных не отмечена формула *раба твоя (ваша),* употребляется только формула *сирота твоя (ваша):* Государю... биетъ челомъ *сирота ваша* бѣдная безспомощная вѣдовка... села Покровского деревни Кузнецова Варварка Логинская женишко (ЧО, № 40, 83, 1673); см. также ЧО, № 45, 1673; АХБМ, 2, № 430, 1660; ИНРЯ, С, № 42, кон. XVII — нач. XVIII в. и др.

В нескольких женских челобитных вместо *сирота твоя* используется уменьшительно-ласкательная форма *сиротка:* Государю... биетъ челомъ *сиротка* бѣдная безспомошная Галицкие вотчины села Покровского Дарьица, деревни Карпова Терентьевская женишко (ЧО, № 41, 82, 1673); см. также ЧО, № 54, 1672. Здесь мы сталкиваемся с обиходно-бытовым переосмыс-

лением традиционной формулы: вместо *сирота твоя* 'крестьянка' употреблена экспрессивно-эмоциональная форма *сиротка* в значении 'одинокий (-ая), оставшийся (-аяся) без родных, близких' (в челобитной говорится о смерти мужа).

Это значение слова *сирота (сиротка)* в русском языке старшего периода и средневековья историческими словарями не отмечено, не указывается оно и в словарях XVIII — первой половины XIX в. (САР, Словарь П. С. и др.). В Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. приводится пример использования слова *сирота* в значении 'беспомощный, беззащитный' с пометой *стар.* в челобитной XVII в.: Билъ челомъ Матфей въ Тиунской избѣ... на меня, *сироту,* на житницу: а у меня, *сироты,* противъ житницы отмѣнъ ему, Матфею, данъ — Акты Юр., 90 (4, 263). Это тоже пример преобразования под воздействием разговорной речи традиционной формулы *сирота твой* 'крестьянин', см. в наших материалах: Гсдрю... бьетъ челом *сирота вашъ* села Елѣцъ Гаврила Демидовов (!)... Семион Силичъ Извековъ... меня, *сироту вашего,* хотел убит до смерти... и позывал меня, *сироту,* вором... (ИНРЯ, С, № 75, 211—212, 1722) и мн. др.[21] Ср.: *сирота* 'вообще беспомощный, одинокий, бесприютный, бедняк' (Даль, 4, 188); 'об одиноком, оставшемся без родных, близких человеке' (БАС, 13, 850).

Таким образом, употребление в заголовке челобитных в сочетании с собственным именем адресанта специальных формул выражения вассальной зависимости является традицией, а сами эти формулы *холоп (сирота, богомолец) твой (ваш), раба (сирота, богомолица) твоя (ваша),* часто в сочетании с прилагательными *государев, царский* или родительным падежом словосочетания *великий государь (великие государи),* относятся к стилеобразующим и экспрессивно-эмоциональным средствам языка челобитных.

Формулы вассальной зависимости не только служат для выражения отношений зависимости, подчиненности челобитчика тому лицу, к которому он обращается с просьбой или жалобой, но и являются социальной характеристикой, они составляют как бы единое целое с собственным именем адресанта (подлежащим в предложении — начальном протоколе челобитной), к которому относятся и все остальные уточняющие элементы, входящие в группу подлежащего. Каких-либо территориальных вариантов этих формул в челобитных второй половины XVI и XVII в. не обнаружено.

Минимальный состав группы подлежащего в вводной формуле челобитных, включающий собственное имя адресанта и формулу вассальной зависимости, отмечен лишь в десятой части рассматриваемых актов (в официально-деловых 56 из 502, в частно-деловых 30 из 293). Это челобитные, которые направлялись царю, членам его семьи, церковным владыкам, вотчинникам или помещикам от лиц их ближайшего окружения, хорошо им известных. Примеры из официально-деловых актов: Царю...

---

[21] Именно об этих случаях говорит Б. Д. Греков, отмечая, что в частном быту этим словом «во всем Русском государстве пользовались крестьяне, именуя себя иногда сиротами и в XVI и в XVII в.» (Греков Б. Д. Крестьяне на Руси... Кн. 1, с. 205).

бьетъ челомъ холопъ твой *Занко Ляпуновъ* съ сынишкомъ своимъ *съ Сенкою* (АИ, 2, № 286, 347, 1610), ср. МДБП, 2, № 5, 1625; Гсдрне црце... биет челом раба твоя *Катка Соколова* (МДБП, 2, № 37, 62, 1641); Царю... бьет челом холоп твой *Васька Шорин* [известный московский купец Гостиной сотни] (РБС, № 262, 281, 1653) и др.

То же самое находим и в частно-деловых челобитных: Государю... бьет челом *Мишка Гурьев* [астраханский купец] (АХБМ, 1, № 78, 142, 1650); Гсдрю... бьет челом и плачется холоп твои *Ганка Черницын* (Гр., № 146, 81, XVII — нач. XVIII в.), ср. ИНРЯ, С, № 52, кон. XVII — нач. XVIII в. и др. Из числа таких документов, где указывается только личное имя адресанта, значительную часть (14 из 30) составляют акты, направляемые одним помещиком или вотчинником другому, более крупному, влиятельному, например: Государю Борису Ивановичю [Морозову] бьет челом *Данилко Васильев сын Веселовский* (АХБМ, 2, № 463, 144, 1660); см. также АХБМ, 1, № 119, 167, 171 и др.

Иногда указание адресантом лишь своего имени объясняется тем, что акт представлялся в административный орган, где челобитчик был хорошо известен. Такова челобитная Е. Бахтеярова об отпуске его из Маковского острожка на побывку к семье в Енисейский острог, оформленная, по нормам того времени, на имя царя: Царю... бьетъ челомъ холопъ твой *Еналейко Бахтеяровъ* (АЮБ, 3, № 369-1, 471, 1640).

В официально- и частно-деловых челобитных, исходящих от титулованных семейств, к отчеству (именованию по отцу) адресанта присоединяется наследственный титул: Царю... бьет челом холоп твой государев *князя Иванов сынъ* Великопермъского Сенька (СПП, 1, 26, 1613); Великому государю царю... бьетъ челомъ холопъ твой Алешка *княжь Юрьевъ сынъ* Мещерской (АЮБ, 1, № 88, 571, 1697); Государю боярину... бьет челом Ивашка *князь Михайлов сын* Борятинской (АХБМ, 2, № 454, 135, 1660) и др.

В женских челобитных дается указание на имя, отчество и фамилию мужа: Црю... бьет челом раба твоя *Ивановская женишка Дмитрѣевича Протопопава* Анютка (МДБП, 5, № 2-а, 201, 1659); ...*Сидоровская женишка Кондратева сна Татарина* Варка Иванова дочеришка (МДБП, 2, № 132, 117, 1692) и др.

Дополнительные сведения об адресанте

В большинстве челобитных собственное имя адресанта уточняется сообщением о нем дополнительных данных. Объем этих добавочных сведений о челобитчике строго не определялся, хотя существовали специфические правила и традиции. Встречаются указания на отношение обращающегося с челобитьем к определенной социальной группе, сведения о его профессии или занятии, о должности и выполняемых служебных обязанностях,

о государственной или национальной принадлежности, о зависимости от кого-нибудь (феодала, мастера-ремесленника, предпринимателя и т. д.) и др. По своей сущности все эти сведения являлись характеристикой социально-сословной принадлежности челобитчика, намеченной в самых общих чертах в приложении — формуле вассальной зависимости. Располагались эти дополняющие личное имя адресанта сведения обычно между формулой вассальной зависимости и личным именем. С синтаксической точки зрения в предложении — начальном протоколе челобитной — они являются приложениями (нераспространенными или распространенными) к подлежащему и выражаются именем существительным (или сложным термином), одиночным или с зависимыми от него словами (согласованными или несогласованными определениями).[22] Реже встречаются случаи, когда дополнительные сведения об адресанте представляют собой причастный оборот или даже придаточное определительное предложение, следующее после личного имени челобитчика.

Лексика, входящая в эту часть начального протокола челобитных, является его переменным элементом и относится к активной социальной, служебно-должностной, профессиональной и прочим терминологиям эпохи, поэтому она будет исследоваться нами не в этой книге, а вместе с лексикой, входящей в основную (внеформулярную) часть челобитных. Дополнительные сведения об адресанте в вводной формуле челобитных будут рассматриваться в настоящем разделе с целью описания типичных конструкций, а также определения объема использовавшихся в них активных элементов словарного фонда языка эпохи.

В коллективных официально-деловых челобитных личные имена челобитчиков отсутствуют, вместо них употребляются или наименования тех социальных групп (сословно-социальные термины во множественном числе), от имени которых направляется данный акт, или служебно-должностные наименования лиц, возглавляющих данные группы: Царю... бьют челом холопи твои *дворяне* московские и *дворяне* и *дети боярские* розных городов (СПП, 2, № 300, 110, 1613) и др.;[23] Царю... бьют челом холопи твои луцкие *отоманы козачьи* и *редовые козаки*, и луцкие *стрелецкие пятидесятники* и *десятники* и *редовые стрельцы*, 500 человек, и луцкие *пушкари* и *воротники*, и *россыльщики*, и *ямские* слободы *охотники* и сироты твои государевы лучаня *посадские люди* и *всяких чинов жилецкие люди* (РБС, № 205, 226, 1650) и др.

[22] Мы не относим сюда употреблявшиеся в составе приложений постоянные эпитеты типа *бедный, погорелый, последний, скудный* и др., *твой (ваш) государев (боярский, государский, великого государя)* и т. п. Как одно из стилеобразующих средств челобитных, они будут рассмотрены в следующей главе.

[23] Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских. — Чтения ОИДР. М., 1915, кн. 3.

В коллективных челобитных небольшой группы лиц подлежащим также выступает наименование сословной или служебной категории челобитчиков, к которому присоединяется постпозитивное приложение — имя (имя и отчество), фамилия и должностное наименование представителя данной группы в сочетании с творительным падежом множественного числа существительного *товарищ* с предлогом *с* (*с товарищи* 'и другие, и прочие'): Царю... бьют челом холопи твои донские казаки, атаман казачей *Васька Ус с товарищи* (РД, 1, № 11, 37, 1666) и др. Использовалось здесь и второе постпозитивное приложение — количественно-именное словосочетание, указывающее на количественный состав группы челобитчиков: Црю... бьют челом холопи твои гсдрвы патриарши пѣвчие дияки, *Андрюшка Козмин с таварыщи, обе станицы* [оба клиросских хора] (МДБП, 2, № 21, 55, 1635); Царю... бьютъ челом холопи твои донские казаки, озовские сидельцы, *атаманишко Абакумко Софонтьев да ясаулишко Ромашко Корагочъ и рядовые казаки, всего семнатцать человѣкъ* (ДД, 2, № 18—40, 313, 1642) и др.

В качестве подлежащего в начальном протоколе коллективных челобитий могла выступать и предложно-именная конструкция из имени (имени и отчества) и фамилии представителя (или представителей) данной группы челобитчиков и творительного падежа множественного числа существительного *товарищ* с предлогом *с*: Црю... бьютъ челом холопи твои гсдрвы Кодашевския слободы старосты *Родка Петров да Миронко Макарьевъ с товарыщи* (МДБП, 2, № 22, 55, 1635) и др. Довольно часто в коллективных челобитных специально оговаривается, что данное административное лицо выступает от имени (*и во всех... место*) общества — жителей уезда, города, слободы и т. д.: Царю... бьютъ чѣломъ и плачютца твоя государева сирота Соли Камской староста *Васка Елесѣевъ сынъ Александровъ и во всѣхъ земскихъ посадцкихъ и деревеньскихъ крестьянъ мѣсто* (АИ, 2, № 230, 270, 1609); Великимъ государемъ... бьют челомъ сироты ваши кунгурской земской староста *Якушко Загайновъ и во всѣхъ кунгурцовъ мѣсто* (КА, № 46-1, 109, 1686) и др. При отсутствии имен представителей общества подлежащим в начальном протоколе коллективных челобитий являются должностные наименования этих представителей: Царю... бьют челом сироты твои государевы черных сотен *сотцкие* и черных слобод *старостишка и во всех тяглых людишек место* (ПРП, 5, 329, 1622) и др.

Отметим попутно, что существительное *товарищ*, использующееся в формуле адресанта коллективных челобитий, является общеславянским заимствованием из тюркских языков (Vasmer, 3, 112; Брюкнер, 574 и др.). В форме творительного множественного с предлогом *с* слово *товарищ* в значении 'и другие, и прочие, и такие же, как уже названные' выступает уже в деловых памятниках XIV в. (Кипр. митр. посл. Пск. дух. п., 1395 г. и др. — Срезневский, III, 969). В XV—XVII вв. оно обычно в этом значении не только для деловой, но и для обиходно-бытовой речи: Полѣзъ есми на судно на послово и *съ товарищи* (Афан. Никит., 331 — Срезневский, III,

969); А крестьянишокъ моихъ Степашка Олисова да Савку Панкова *съ товарыщи* во Гдовъ за приставы ималъ [воевода] (МАМЮ, № 55, 319, 1632—1633); А владѣютъ тою мелницею во весь миръ того села Дунилова... старосты, они, Федоръ Лапинъ *с товарыщи* (АЮБ, № 372-1, 485—486, 1659) и мн. др. В письмах: Взяли с ним [Андреем Лукьяновым] не малые взятки челобитчикъ *с товарыщи*, болши шти сотъ рублев (Гр., № 5, 14, 1665); см. также № 143, XVII — нач. XVIII в. и др. Ср.: Рад пришествию твоему, милый батюшко, *с* твоими *товарищи* [вариант: *с* твоими *други*] (Копенг. разг., 19, XVII в.).

Сословно-социальные или служебно-должностные наименования выступают в начальном протоколе челобитных с дополняющими или уточняющими их элементами: дворяне *московские*, дворяне и дети боярские *розных городов, луцкие* отоманы козачьи (козаки), *ямские слободы* охотники, *всяких чинов* жилецкие люди, *Соли Камской* староста и т. д. То же самое наблюдаем и в индивидуальных челобитных.

Рассмотрим приложения — дополнительные сведения о челобитчике в индивидуальных челобитных.

Одиночные нераспространенные приложения, характеризующие личность челобитчика, сравнительно немногочисленны. Почти не представлены здесь наименования лиц по отношению к той или иной сословно-социальной группировке русского общества XVII в.: *боярин, дворянин, сын боярский, посадский человек, торговый человек* и др. (лишь изредка в частно-деловых челобитных встречается *крестьянин*); наследственные или придворные титулы: *князь, стольник* и др. Сочетания типа *холоп твой боярин* (*стольник, князь* и т. п.) по отношению к лицам, принадлежащим к господствующему классу, были недопустимы из-за стремления челобитчика принизить себя перед верховным феодалом (царем) или феодалом высшего ранга (к равным себе с челобитными не обращались). Аналогичную картину наблюдаем в воеводских отписках: Г(осударю) ц(арю)... *х(олоп) твой Петрушка Рамодановский* челомъ бьетъ..., но в царской грамоте-указе: Отъ ц(аря)... въ Курескъ *ст(ольнику)* нашему *и в(оеводе) кн(язю) Петру Григорьевичу Рамодановскому* (СиД, № 57, 73 и 75, 1633); ср. здесь же полное титулование и именование воеводы в записи об устном доносе по государеву слову и в распросных речах.

Использования одиночного нераспространенного сословно-социального, служебно-должностного, профессионального и иного наименования для уточнения личности челобитчика, принадлежащего к угнетаемым слоям общества XVII в., обычно было недостаточно без указаний на место жительства, службы, работы данного лица, его зависимости от кого-нибудь и т. д. Тем не менее одиночные нераспространенные определения использовались изредка для уточнения личности челобитчика, они представлены как в официально-, так и в частно-деловых челобитных. Употребление одних из них объясняется тем, что адресант челобитной был хорошо известен тому, к кому он обращался, других — тем, что челобитная представлялась в ад-

министративный орган, где адресанта хорошо знали, третьих — тем, что в содержании челобитной (в ее основной части) есть указания на то, кем является челобитчик. Обычно же находим одиночные приложения, которые в меньшей или большей степени распространены относящимися к ним согласованными или несогласованными определениями.

Приведем примеры начальных протоколов челобитных, в формуле адресанта которых содержатся упомянутые выше разные сведения о челобитчике, материал расположим по семантике используемых в качестве приложения слов и по степени усложнения структуры приложений: одиночные нераспространенные и распространенные приложения (I), два (II), три (III) и более (IV) распространенных и нераспространенных приложений.

I. Одиночные нераспространенные и распространенные приложения представляют различные группы терминологии рассматриваемого периода.

1. Приложение — сословно-социальный термин. Нераспространенных приложений этой группы немного: Великимъ государемъ... бьетъ челомъ сирота вашъ *гулящей человѣкъ* Якушко Стариковыхъ (КА, № 33-2, 68, 1686). К этому типу относится также, по-видимому, употребление при личном имени наименования духовного сана священнослужителя: Царю... бьет челом нищей твой государевъ богамолец *черный поп* Варламище (СПП, 2, № 262, 103); см. также АИ, 2, № 128, 1608 (*чернецъ*) и др.

Только в частно-деловых челобитных отмечено употребление термина *крестьянин (крестьянишко, крестьянинишко)*: Гсдрю Мартыну Васильевичу бьет челом и плачетца сирата твои *крестьянишко* Фочка Федоровъ (Гр., № 136, 76, 1696); см. еще ИНРЯ, С, № 73, кон. XVII — нач. XVIII в. и др.; а также *дѣтина (детинка)* 'холостой взрослый или почти взрослый крестьянин'; Государю... бьетъ челомъ послѣдней сирота твой *дѣтинка* Спирька Ежевъ (КЧ, № 3, 43, посл. четв. XVII в.). Для вотчинника или помещика этих сведений было, видимо, достаточно, чтобы знать, кто к ним обращается, но число таких челобитных невелико (5 из 293).

В большинстве случаев приложение — сословно-социальный термин — употребляется в сочетании с согласованным или несогласованным определением, указывающим место жительства (или службы): Царю... бьют челомъ холопи твои *ноугородцкие помѣщики* Филипко Арцыбашев с товарыщи (СПП, 2, № 379, 127, 1613), здесь же: *торопецкой пушкарь* — № 4, *козак донской* — № 498; Царю... бьет челом сирота твой *калужской посадской человек* Афонька Спиридонав сын Понкратьев (РБС, № 253, 274, 1652), здесь же: *витепские мещаня* — № 422, 1661; Великимъ государемъ... бьетъ челомъ холопъ вашъ *кунгурской стрѣлецъ* Ермолка Мышевъ (КА, № 50, 116, 1686) и др. Как видно из приведенных примеров, согласованные определения

располагаются обычно в препозиции к определяемому приложению. Отступления от этого правила объясняются либо неопытностью, опиской автора (писца), либо стремлением выделить признак, указанный прилагательным *(казак донской)*.

Реже встречаются такие конструкции в частных челобитных: Государю Борису Ивановичю бьет челом *вяземской казачишка* Тимошка Афонасьев сын Богомол (АХБМ, 1, № 205, 211, 1652); Государю Федору Ивановичю биетъ челомъ сирота твой *Покровской крестьянинъ* Агапитко Яковлевъ (ЧШ, № 1, 46, 1639).

Значительно чаще используется конструкция с родительным определительным без предлога, определением в ней выступает топонимическое название в сочетании с аппелятивом (уезд, волость, село, деревня и т. д.), как точное обозначение места жительства: Царю... бьет челом холоп твой *Оскольского города сынчишка боярской* Михалка Осипов сынъ Бекетов (СПП, 2, № 110, 66, 1613); см. также: *Аглинские земли торговые люди*— СПП, 2, № 437, 1613; *Николы Зарайсково посацкой человек* — ПРП, 5, 1611; *города Шклова мещане* — РБС, № 290, 1654; *Брянскова города пушкарской сынишко* — РБС, № 134, 1639; *Смоленского уезду Духовские волости мещаня* — РБС, № 423, 1661 и мн. др. Сюда же отнесем: *литовские купцы города Орши* — РБС, № 172, 1645, где согласованное определение *(литовский)* указывает на государственную принадлежность челобитчика, а несогласованное — на место его пребывания, жительства.

Несогласованное определение в родительном падеже к приложению *казак, стрелец, солдат* и т. д. указывает место службы (подразделение): Царю... бьет челом *полку боярина и воеводы князя Дмитрѣя Тимофеевича Трубецково казак Сергѣевой станицы Лонсково* Ивашка Костянтинов (СПП, 1, 3, 1613) и др.; с повторением приложения: ...бьет челом холоп твой *казак Парфеновой станицы Денюхина* Ивашко Селиверстов, *бѣлогородцкой казак* (СПП, 1, 1, 1613).

Как и согласованное, несогласованное определение в родительном падеже без предлога (очень редко с предлогом) располагалось в препозиции к приложению. Отступления свидетельствуют о неопытности автора (писца), отсутствии у него навыка правильного (традиционного) оформления челобитий.

Особенно употребительны конструкции с родительным определительным беспредложным в крестьянских официально- и частно-деловых челобитных, причем в качестве определения может выступать более или менее точное название места жительства. Так, в официально-деловых челобитных находим: Царю... бьютъ челомъ сироты твои *Старово Кунгура кресьяне* Гараска Пичюгинъ... (КА, № 8, 18, 1669) и др.; Царю... бьютъ челомъ сироты твои государевы *дворцовой Порѣцкой волости крестьяне*... (АИ, 2, № 184, 214, 1609); Великому государю... бьютъ челомъ сироты твои *Кунгурского уѣзду села Тихоновского кре-*

стьяне Афонка Шестоперовъ, Петрушка Афонасьевъ... (КА, № 72, 258—259, 1697) и др.; Великимъ государемъ... бьютъ челомъ сироты ваши *Кунгурского уѣзду деревни Комаровы крестьяне* Лучка Сидоровъ, Сенка Пановъ (КА, № 32, 65, 1686); см. также: *Кунгурского уѣзду деревни Колпашниковы бобыль* — КА, № 33-8, 87, 1686 и др. Ср. употребление вместо *Кунгур* или *Кунгурского уезду* прилагательного *кунгурский:* Царю... бьетъ челомъ и являетъ сирота твой *кунгурской крестьянишко деревни Банной* Ерасимко Чюдовъ на... (КА, № 10, 19, 1670) и др. Лишь в одной челобитной указывается, что село, в котором живет крестьянин, является вотчиной монастыря: Великие Росейские державы... бояром и воеводам... бьет челом *Углецкого уезда Покровского монастыря вотчины села Спаского деревни Савинские крестьянин* Мелешка Федотов (ПРП, 5, 139, 1613).

Для официально-деловых челобитных это нехарактерно, так как частновладельческие крестьяне обязаны были обращаться в официальные органы только через посредство своего владельца. В частно-деловых челобитных указания на «твою государеву вотчину» или «вотчину твою государеву» обычны. Приведем примеры аналогичных конструкций с разным объемом сведений о месте жительства челобитчика из частно-деловых челобитных: Государю... бьет челом сирота твой государев *села Лыскова крестьянинишко* Ивашко Исаев (АХБМ, 2, № 393, 97, 1659), ср. ИНРЯ, С, № 79, кон. XVII — нач. XVIII в.; Государю... бьет челом сирота твой *дер(евни) Кеслави крестьянин* Ивашка Павлов (АХБМ, 2, № 451, 134, 1660); ср. *села Арати бобылек* — АХБМ, 2, № 475, 1660; *селца Манцурихи крестьянка* — Гр., № 122, XVII — нач. XVIII в. и т. д.; Государю... бьет челом сирота твой государев *села Мурашкина приселка Курлакова крестьянишко* Першка Авдокимов (АХБМ, 2, № 362, 76, 1659); *села Покровского деревни Баскакова крестьянинъ* (ЧО, № 85, 1684) и мн. др.; Государю... бьет челом и плачетца сирота твой государев *Нижегородцкого уезду села Мурашкина приселка Воронина крестьянин* Фролко Онаньин (АХБМ, 2, № 428, 121, 1660) и мн. др.; Государю... бьет челом сирота твой *вотчины твоей села Мурашкина бобылец* Миронко Иванов (АХБМ, 1, № 79, 144, 1650), см. также АХБМ, 1, № 75, 1650 и др.; Государю... бьютъ челомъ сироты твои государевы *вотчины села Покровского деревни Карпова крестьянишка* Филка Никановъ, Тимошка, Макарко Кириловы (ЧО, № 87, 112, 1684) и др.; Государю... бьет челом сирота твой государев *Нижегородцкого уезду вотчины твоей государевы села Мурашкина непахотной слобод(ы) бобылек* Микишка Макаров (АХБМ, 2, № 357, 72, 1658) и др.

Вместо названия уезда может использоваться прилагательное, входящее в название этого уезда, которое присоединяется к словам *вотчина, поместье:* Государю... биетъ челомъ сирота вашъ государевъ вашеи государевы *Галицкие вотчины села*

Покровскаго бобылекъ Никитка Федоровъ (ЧО, № 56, 94, втор. пол. XVII в.); см. также: *вяземские вотчины села Балышева крестьянишко* — АХБМ, 1, № 128, 1651; *нижегородские вашея вотчины древни Изосемьлева крестьянишка* — Гр., № 126, 1709 и мн. др.; Гсдрю... *нижегороцкого твоево помѣстья древни Пол крѣстьянинишко* твои гсдрвь Евьсевеико Клемѣнтьевь чел[о]м бьет (ИНРЯ, Ч, № 2, 222, 1672) и др.

В двух челобитных в качестве уточнения к словам *крестьянка, крестьяне* выступает придаточное предложение: Государю... бьет челом сирота твоя *крестьянка* Екатеринка Петрова дочь, *что жила в дер. Починкине у твоего государева человека у Ивана Федорова сына Козыкина, роботала я у нево больши 20-ти лет* (АХБМ, 2, № 430, 122, 1660); Государю... биютъ челомъ сироты ваши государевы *Галицкие вотчины села Покровского крестьянишка* скудные Антропко Исаковъ... и всѣ *крестьянишка, которые заимовали у васъ, государей, из житницъ хлѣба въ прошломъ году при Левонтие Юмшановѣ и хто что хлѣба ималъ, и то написано въ роздашныхъ книгахъ* (ЧО, № 61, 97—98, 1673).[24]

В частно-деловых челобитных отмечены конструкции с эллипсисом слова *крестьянин* (*крестьянка*), несогласованное определение в родительном падеже, указывающее на место жительства, в таких случаях как бы относится к формуле вассальной зависимости *сирота твой* или к личному имени челобитчика: Государю Борису Ивановичю бьют челом сироты твои государевы *села Мурашкина* Сенька Борисов да *села Екшени* Терешка Осипов (АХБМ, 2, № 398, 100, 1660); Гсдрю Ондрею Никитичу... бье(т) челомъ сирата ваша *селца Брыкова* Федоска Гарелиха (ИНРЯ, С, № 42, 198, посл. четв. XVII в.) и др.; Гсдю Петру Андревичу... бьетъ чаломъ и плачитцe сирота ваша *деревни Ленина* Домна Федорова дочь (ИНРЯ, С, № 62, 206, кон. XVII — нач. XVIII в.) и др.; Государю князю Никитѣ Ивановичю биетъ челомъ сирота вашъ государевъ *села Покровского деревни Мулина* Офонька Ивановъ (ЧО, № 13, 71, втор. пол. XVII в.); также КЧ, № 8, посл. четв. XVII в. и мн. др.; Государю Борису Ивановичю бьет чело(м) сирота твой государев *вотчины твоей государевы села Лыскова* Харламко Евстифеев (АХБМ, 2, № 300, 38, 1652) и др.; Государю князю Никитѣ Ивановичю биютъ челомъ сироты ваши государевы *вотчины села Покровского деревни Левкова* Вахрушка Кириловъ, Ивашко Карповъ с товарыщи (ЧО, № 31, 79, 1673); Государю князю Якову Никитичю бьетъ челомѣ сирота твой государѣвъ *Галицкие* твоей государевы *вотчины села Покровского деревни Оксентьева* Максимко Гордѣевъ (ЧО, № 71, 104, 1686) и мн. др.

В официально-деловых челобитных отмечены только три та-

[24] **Придаточным предложением не только уточняется личность челобитчика (челобитчиков), но и передается часть информации, относящейся к казусно-мотивировочной части челобитной.**

ких случая: Царю... бьетъ челомъ сирота твой *Кунгурского уѣзду деревни Полетаевы* Спирка Михеевъ (КА, № 7, 15, 1668); см. здесь же № 33, 1686, № 54, 1696.

В официально- и частно-деловых челобитных кабально зависимых лиц и крестьян вместо указания местности, где живет челобитчик, или наряду с ним могут быть сведения о зависимости адресанта челобитной от кого-нибудь.

Эти конструкции состоят из приложения *крестьянин* или *человек* 'кабально-зависимое лицо, крепостной слуга' и родительного беспредложного от личного имени (с добавлением звания, титулов и т. д.) владельца крестьянина или кабального человека: Царю... бьютъ челомъ сироты твои *имянитого человѣка Даниловской жены Строганова крестьянишка* Агапитко Обаринъ, Федка Назаровъ... (КА, № 15, 32, 1675); Црю... бьет челом сирота твои *столника Кандратя Фомича Нарышкина члвкъ ево* Ивашко Гарасимов (МДБП, 5, № 8-а, 224, 1676) и др.; Царю... бьют челом сироты твои государевы... *Ржецского уезда девицы Ульяны Петровы дочери Квашнина крестьянин* погоста Вселука Васька Дакучаев (РБС, № 212, 233, 1650); Государю преосвященному... бьетъ челомъ сирота твой *Лѣжьского волоку твоего святительскаго дьяка судьного приказу Данила Столбицкаго крестьянинъ* деревни Ваганова Ивашко Афонасьевъ сынъ (АЮБ, 3, № 370-1, 490, 1653) и др. Ср. в частно-деловых челобитных: Государю... бьют челом сироты *боярина князя Петра Ивановича Пронсково крестьянин* Митька Федоров, да *Иванов крестьянин Обрасцова* Дейко Степанов, да *Гаврилов крестьянин Домашново* Федька Спиридонов (АХБМ, 2, № 301, 38, 1652); Государю... бьет челом *боярина князя Никиты Ивановича Одоевского нижегородцкие ево вотчины села Ватрас крестьянинец* Пронька Васильев сын (АХБМ, 2, № 418, 113, 1660) и др.

Как в официально-, так и в частно-деловых челобитных посадские московские люди черных сотен и слобод использовали для обозначения своего общественного положения термин *тяглец* 'лицо, несущее государственные повинности, платившее подати'. Существительное *тяглец* выступало обычно в сочетании с несогласованным определением в родительном падеже без предлога (название слободы или сотни): Црю... бьет челом... сирота твои *Болших Лужниковъ теглец* Сенка Федоров снъ Дюпин (МДБП, 2, № 53, 69, 1656), см. там же: *Тоганнои слободы тяглецъ* — № 66, 1668; *Конюшеннои овчинnои слободы тяглец* — № 68, 1669 и др.; Црю... бьют челом холопи и сироты твои *Полумясницкои сотни тяглец* Сенка Родивонов, *Стретенскои сотни тяглец* Екимко Степанов, тое ж сотни Федорко Иванов (МДБП, 2, № 75, 82, 1671 и др.), ср.: Государю Борису Ивановичю бьет челом *Огородные слободы теглец* Ивашка Михалев (АХБМ, 2, № 315, 44, 1652).

Здесь также возможен был эллипсис слова *тяглец*: Царю... бьет челомъ холопъ твои *Тверские хамовнои слободы* Пронка

Гаврилов (МДБП, 2, № 13, 51, 1634), см. там же: *Огороднои слободы* Федка Ларионовъ — № 142, 1698; *Конюшенноu овчинноu слободы* Сенка Борисов — № 101, 1675.

Такой пропуск был обычен в челобитных лиц, относящихся к Гостиной или Суконной сотням, — гильдиям высшего слоя московского купечества:[25] Царю... бьет челом *гостиные сотни* Михалко Смывалов (РБС, № 34, 56, 1603—1604); см. также МДБП, 2, № 127, 1686; Црю... бьет челом холоп твои *Суконноu сотни* Гришка Аверкиев (МДБП, 5, № 1-а, 200, 1651), см. также МДБП, 2, № 71, 1670 и № 118, 1682. Указание на отношение лица к Гостиной (Суконной) сотне было достаточным для уточнения личности челобитчика. Но в одном случае имеем: Црю... бьет челомъ холопъ твои *Суконные сотни тяглец* Максимко Лашаков (МДБП, 2, № 41, 64, 1642), ср. также Црю... бьет чело(м) *Гостиныя сотни вдова* Овдотица Григорява дочеришка (МДБП, 2, № 54, 70, 1656). По-видимому, для данной категории лиц были возможны оба способа введения дополнительных сведений об адресанте челобитной — с наличием и пропуском социально-сословного термина *посадский человек, тяглец*. В Уложении 1649 г. находим: «А будет кто обезчестит... *гостиныя* и *суконныя* и казенныя и черных *сотен* и слобод и городовых посадских людей... и им правити за безчестие: ...*Гостиныя сотни большой статьи* по дватцати рублев человеку... *Суконныя сотни большой статьи* по пятнатцати рублев человеку...», но далее: «...*Черных сотен и слобод* и *посадским тяглым* лутчим *людем* по семи рублев человеку...» (гл. X, ст. 94 — ПРП, 6, 90), т. е. для гостей и суконщиков указания на отношение к этим сотням было достаточным, а для представителей посадского и слободского люда сообщение о том, что они живут (приписаны) в той или иной слободе или сотне (кроме москвичей — *кадашевцев* и, может быть, *огородников* — жителей Огородной слободы, о которых скажем ниже), было недостаточной и неполной характеристикой их социального облика.

Духовные лица, кроме своего сана, указывали монастырь, церковь и т. д., где они служили, а также их местонахождение: Царю... бьетъ челомъ твой царской богомолецъ *Рожественной пустыни попъ* Иванищо Иосиповъ (КА, № 5-4, 11, 1668), см. также: *Кутеинского монастыря Богоявления Христова старец* — РБС, № 228, 249, 1651; *Николы чюдотворца Шартомского монастыря архимаритъ*... съ братьею — АЮБ, 3, № 372-1, 495, 1659. С эллипсисом слова *церковь*: Црю... бьет челом богомолец твои *Никиты хсва мчника с Никицкие улицы поп* Сергѣи... (МДБП, 2, № 1, 44, 1617); см. также: *Блговѣщения прчстые бдцы, что у тебя, гсдря, на сѣнех, дьякон Архипъ* — МДБП, 2, № 24, 1636; *погосты Богоотецъ Иоакима и Анны церковной дьячекъ* — АЮБ, 3, 372-4, 1681 и др.; Царю... бьет чел(ом) *Нижнева Новагорода* нищей твой государевъ богомолецъ *Пе-*

[25] Ключевский В. О. Терминология русской истории. — Сочинения, т. VI. М., 1959, с. 163—165.

черского монастыря архимарит Феодосей да *из Суздаля Спаского-Еуфимьева монастыря архимарит* Митрофан (СПП, 2, № 84, 59, 1613) и др., ср. также: Государю преосвященному... бьетъ челомъ богомолецъ твой *безмѣсной попъ* Самсонъ Михайловъ (АЮБ, 3, № 370-2, 490—491, 1672).

Аналогичные конструкции находим и в частно-деловых челобитных: Государю... бьет челом богомолец государев *погоста Работки дмитреевской поп* Логинщо (АХБМ, 1, № 104, 166, 1651), также см.: ...*Вологоцкого уѣзду Водожские волости Грамотинского стану цркви Покрова прсвятые бдцы и свтго Николы чюдотворца поп*... (ПНРЯ, № 190, 103, 1669); ЧО, № 36, 1673 и мн. др. В число сведений о местонахождении церкви или монастыря может быть включено указание на их расположение в чьей-либо вотчине, например: Государю Борису Ивановичю бьет челом нищая твоя государева богомолица *вотчины твоей государевы села Лыскова Рожественного девича монастыря игуменья Екатерина еже о Христе с сестрами тоя обители* (АХБМ, 2, № 443, 129, 1660) и др.

2. Приложение — название лица по месту жительства — встречается в челобитных официально- и частно-делового характера. В некоторых случаях приложение — название лица по месту жительства — может выступать как самостоятельная (социально-сословная) характеристика личности челобитчика. Приложения такого рода представлены главным образом в актах, написанных городовыми служилыми людьми — уездными дворянами и детьми боярскими, несущими службу по списку какого-нибудь города и имеющими поместье (вотчину) в уезде: Царю... бьетъ челомъ и являетъ холопъ твой *суздалец* Мойсейко Кишкин (ЧП, № 1, 52, 1629), также: *дмитровец* — СПП, 1, 15, 1613; *володимерецъ* — АЮБ, 3, № 369-6, 1648 и др. В частно-деловых челобитных: Государю Борису Ивановичю бьет челом *рязанец* Максимка Иванов сын Тимофеев (АХБМ, 2, № 327, 50, 1652), см. там же: *казанец* — № 359, 1659; *курмышенин* — № 419, 1660 и др. Название лица по месту жительства используется здесь в специальном служебно-деловом значении: *казанец, черненин, курченин* и др. — 'служилый человек (дворянин, сын боярский), несущий службу по списку того города, от названия которого образовано наименование лица по месту жительства, и владеющий поместьем или вотчиной в этой местности'. Ср. редкие в наших материалах случаи употребления конструкции с родительным определительным беспредложным применительно к служилым людям — помещикам: бьетъ челомъ *Шелонские пятины* Ивашко Власьевъ сынъ Харламовъ. Окладъ, государи, мнѣ помѣстной четыреста пятьдесят четвертей... (АЮБ, 1, № 90, 584, 1613); то же в частно-деловой челобитной (с инверсией определения): ...бьет челом холоп государев Арасланко Ишиев сын Мустафин *Арзамасского города дер(евни) Пилекшевы*... Перешел я, Арасланко, в-ыное поместьицо... (АХБМ, 2, № 531-1, 183, 1660).

Однако в некоторых актах существительное — название лица по местности — могло использоваться в своем основном значении: Царю... бьет челом холоп государев *смольянин* [‘уроженец, житель Смоленска’] Якушко Федоров сынъ Шушерин (СПП, 1, 25, 1613), но в таких случаях обязательно указывалась сословно-социальная принадлежность адресанта, его должность, занятие, профессия и т. д. (см. ниже).

В одном случае приложение — название лица по месту жительства — уточняется придаточным предложением: Царю... бьют челом холопи твои бѣдныя и розореныя *коширене* [жители Каширы], *которыя волочетца (!) на Москвѣ и помирают голодною смертью* (СПП, 1, 25, 1613). Ср. в частно-деловой челобитной с причастным определительным оборотом: Государю... бьет челом *до конца разореной от князь Юрья Морткина казанец* [казанский помещик] Митька Ондреев сын Аристов (АХБМ, 2, № 394, 98, 1659).

Очень редко такое приложение — название лица по месту жительства — к личному имени употребляли посадские люди и государственные крестьяне, подававшие свои жалобы, исковые заявления, прошения в приказную избу своего города: Великимъ государемъ... бьетъ человъ сирота вашъ *кунгурецъ* Оска Мартемьяновъ (КА, № 35, 90, 1686), см. здесь же № 12-2, 1675; № 70, 1696 и др., — но такие примеры единичны, поскольку в подобных случаях название лица по месту жительства в сочетании с личным именем не определяло личности крестьянина-челобитчика. Ср. единичный пример с родительным определительным в челобитной пушкаря из Могилева: Царю... бьет челом сирота твой *города Могилева* Алешка Максимов сын Галерков (РБС, № 337, 359, 1655).

Обычным было приложение такого типа к личному имени в челобитных жителей московской дворцовой Кадашевской хамовной слободы, подававших свои прошения, заявления и жалобы на имя царя или царицы в слободскую приказную избу: Црю... бьет человъ халопъ твои *кадашовец* Фралко Меркульевъ снъ Ребров (МДБП, 2, № 17, 53, 1635), см. здесь же № 3, 15, 18, 40, 42 и мн. др., а также РБС, № 324, 325 и др. В женских челобитных существительное *кадашевка* встречается только в сочетании со словом *вдова:* Црю... бьют челом раба твоя *вдова кодашевка* Дунка Григорева да... (МДБП, 2, № 80, 85, 1674); см. также № 136, 1694.

Существительное *кадашевец, кадашевка* имеют здесь не только значение ‘житель слободы Кадашево’, но и ‘лицо, занятое изготовлением полотен для дворца; дворцовый ремесленник-ткач (ткачиха)’,[26] и служат, таким образом, исчерпывающей

---

[26] История Москвы. Т. 1. М., 1952, с. 140—141; Якобсон Л. А. Ткацкие слободы и села в XVII в. М.—Л., 1934, с. 8 и сл. См. также у В. О. Ключевского: «...*хамовники* — ткачи столового белья на дворец; *кадаши* — ткачи полотен на дворец, из которых делалось белье на государево семейство и т. д., так называемая белая казна» (указ. соч., с. 165).

социально-сословной и профессиональной характеристикой личности челобитчика.

В случае, если житель слободы Кадашево не занимался ткацким промыслом, то рядом с приложением *кадашевец* появлялось второе приложение, указывавшее на специальность (занятие) данного лица и подчеркивавшее то, что существительное *кадашевец* употреблено в своем основном значении 'житель Кадашевской слободы', например: Великому гсдрю... бьет челом холоп твои *кодашевецъ* Терешка Алексѣев снъ, *масленик* (МДБП, 2, № 141, 123, 1697).

Противоположный сдвиг значения обнаруживаем в формуле адресанта в том случае, когда в московских челобитных в качестве приложения к личному имени выступает существительное *садовник:* Црю... бьет челом и являет холопъ твои *садовникъ* Сидорко Степанов снъ Голевъ... (МДБП, 2, № 60, 73, 1663). Существительное *садовник* используется здесь не только в значении 'лицо, занимающееся огородным делом, разводящее овощи, садовник',[27] но и 'житель московской Садовой слободы, обязанный поставлять во дворец продукты питания'.[28] Таким образом, слово *садовник* является одновременно и профессиональным названием лица, и его наименованием по месту жительства, и служебно-сословным термином. Ср. в других памятниках XVII в.: А пошлин... имати... у подьячих и гостиныя и суконныя, и черных сотен и слобод у посадских людей, и у кодашевцов, и у барашей, и у *садовников,* и у казаков, и у пушкарей... с рубля по гривне (Уложение 1649 г., гл. X, ст. 124 — ПРП, 6, 100);[29] К сей грамотке [письму] *садовник* Трифонка А[н]типов... руку приложилъ (МДБП, 1, № 1, 16, 1668) и др.

Таким образом, приложение к личному имени — название лица по месту жительства — могло употребляться в начальном протоколе челобитных лишь у определенных категорий населения Московского государства XVII в., а именно: служилых людей, дворян, помещиков и вотчинников, жителей дворцовых ремесленных слобод Москвы.

3. Приложение — должностное наименование лица. Одиночное нераспространенное приложение такого типа встречается изредка в московских официально-деловых челобитных и в еди-

---

[27] Срезневский, III, 241: в этом значении только с конца XVI в., ср. Кочин, 333: лишь один пример. Ср. *огородник* 'то же' (Срезневский, II, 606—607: сер. XI в.).

[28] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в., с. 202; Ключевский В. О. Указ. соч., с. 165.

[29] В этом тексте *кадашевец* и *садовник* выступают в одном ряду с другими служебно-сословными наименованиями (*подьячие, казаки, пушкари, посадские люди* черных сотен и слобод, *бараши* — мастера, изготовлявшие и перевозившие в походах государевы шатры и палатки, жившие в Барашской слободе на Покровке в Москве. Ср. *бараш* 'шатерничий' (Срезневский, I, 42, сер. XV в.), 'шатерный мастер, обойщик царского двора (придворный ремесленник)'; слово заимствовано из арабского farraš 'ремесленник, делающий постели' (Преображенский, 1, 16; Фасмер, 1, 125).

ничных случаях в частно-деловых актах. Приведем примеры: Царю... бьет челом холоп твой *подьячишко* Мишка Патрекѣевъ (СПП, 1, 18, 1613); также *польской и немецкой перевочик* — СПП, 1, 23, 1613; *задворной конюх* — МДБП, 2, № 20, 1635; *обеѣзжеи (!) голова* — там же, № 79, 1671; *стряпчеи конюгъ (!)* — МДБП, 5, № 10-а, 1679 и др. (всего 10 случаев). В челобитных из других городов только один пример: Царю... бьет челом и являет холоп твой *таможенной головишко* Гришка Булгаков (РБС, № 106, 130, 1636, Вязьма). Ср. в частно-деловых актах: Гсдрем нашим... бьют челом и плачутца сироты твои *старостишко* Петрушко Трофимов да Калинко Яковлевъ (Гр., № 234, 126, 1658); также *земской дьячок* — ПНРЯ, № 99, кон. XVII — нач. XVIII в.

Так же довольно редки случаи, когда в качестве одиночного нераспространенного приложения к собственному имени выступают воинские служебно-должностные наименования: Царю... биют челом холопи твои государевы *отоманишка* Кондрашка Миляев да *козак* Иевка Головин (СПП, 2, № 478, 149, 1613), см. здесь же *стрелецкой сотник* — № 57 и 68; *отоман казачей* — № 436.

Обычно же служебно-должностное наименование лица уточняется относящимися к приложению согласованными (*казанский, кунгурский* и др.) или несогласованными (*Кадашевской слободы, Мастерской палаты,* такого-то *уезда, города, села, деревни* и др.) определениями, указывающими на учреждение, административный орган, воинское подразделение или местность, где челобитчик выполняет какие-либо обязанности, несет свою службу. Здесь находим те же конструкции, которые были описаны выше: Царю... бьет челом холопъ твой *Хлѣбенного дворца путной ключник* Гришка Батюшков (СПП, 2, № 254, 101, 1613); ...*Посольского Прцказу подьячишко и золотописецъ* Минько Быков (СПП, 1, 9, 1613); ...*Холопьева приказу недѣльщикъ* Ивашко Солохов (СПП, 2, № 721, 199, 1613); ...*Кадашевския слободы старосты* Родка Петров да Миронко Макаревъ с товарыщи (МДБП, 2, № 22, 55, 1635); ...*Мастерской п(алаты) сторож* Ивашко Тимофѣевъ (МДБП, 2, № 30, 59, 1638) и др.; Великимъ государемъ... бьютъ челомъ сироты вашы *кунгурской земской староста* Якушко Загайновъ и во всехъ кунгурцовъ мѣсто (КА, № 46-1, 109, 1686); ...*Кунгурской приказной йзбы подъячей* Ивашко Кузнецовъ (КА, № 54, 135, 1694) и др.; Црю... бьет челом холоп твой *полуголова московских стрелцов* Федка Волоцкои на... (МДБП, 2, № 61, 74, 1666); ...*Сотник московскихъ стрелцов* Ганка Бибиков (МДБП, 2, № 34, 61, 1645); ...*Полку боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкова Сергѣевой станицы Лонскова есаул* Иван Данилов (СПП, 1, 11, 1613) и др.

То же самое находим и в частно-деловых челобитных, но здесь используются только конструкции, которые указывают на место, где данное лицо исполняет свою службу: Гсдрю игуме-

ну... бьет челомъ сирота вашь *села Яганава староста* Бориска [М]атвѣевъ (Гр., № 478, 294, 1667); Гсдрю... бьют челом и плачутся сироты ваши *Гороховскаго уѣзду дрвни вашеи Крылова староста* Макар Родионов... и всѣ крестьяня (Гр., № 124, 71, 1709); ...*Нижегородцкого уезду села Лыскова таможенной и кабатцкой голова* Ивашко Семенов, *ларешные целовальничишка* Дружинка Ильин... с товарыщи (АХБМ, 1, № 64, 131, 1650) и др.

Приведем еще пример, когда приложение — наименование лица по должности — имеет при себе придаточное определительное предложение: Царю... бьют челом холопи твои *подьячишка, которые сидят у твоей государевы казны у сыску и у переписки с твоимъ государевым бояриным со князем Борисом Михаиловичем Лыковым,* Венедиктка Махов, Юшка Шевелев... (СПП, 1, 16, 1613).

4. Название лица по профессии или занятию. Одиночное приложение без уточняющих его определений отмечено только в 8 случаях (7 из них — в московских официальных челобитных), использовали его лица, по-видимому, хорошо известные адресату челобитных: Царю... бьют челом холопи твои государевы *пѣвчие дьяки* Иванко Федоров с таварищи, шесть человѣкъ (СПП, 1, 27, 1613); ...*Карлы* Демка Софонтьев да Филка Игнатьев (МДБП, 2, № 19, 54, 1635); ...*Иконописец* Сидорко Осипов снъ Поспѣевъ (МДБП, 2, № 26, 57, 1637); Гсдрне... бьет челом раба твоя *бѣлая мастерица* Анютка Маслова (МДБП, 2, 31, 60, 1638) и др.; Црю... бьют челомъ холопи твои *книгъ печатного дѣла наборщи*[*ки*] и всѣ *мастеровые люди* (МДБП, 2, № 64, 77, 1668); ...*Книг печатного дѣла батыщыкъ* Родка Василев (МДБП, 5, № 4-а, 206, 1671). В последних двух случаях сложный многочленный термин *книг печатного дела наборщик* (или *батыщик*), обозначавший профессию челобитчика, включал лексику, указывающую и на место его работы — Печатный двор.

В частно-деловых челобитных: Гсдрю... бьет челом и плачетца сирота ваш гсдрвъ Корнюшка, *конюх* (ПНРЯ, № 119, 69, втор. пол. XVII в.) — с отступлением от обычной нормы (постпозитивное, а не препозитивное приложение).

Обычно же употребление при личном имени приложения — названия лица по профессии или занятию — требовало присоединения к этому профессиональному наименованию согласованных или несогласованных определений, указывающих на место работы или место жительства челобитчика: Царю... бьют челом твои государевы воротынские *плотнищишка* Агѣйко Степанов с товарыщи... (СПП, 2, № 570, 167, 1613); Царю... бьет челом... *Денежново двора боец* Максимъко Юрьевъ (СПП, 2, № 246, 99, 1613); ...*Мастерскои полаты пес*[*тря*]*динникъ* Оверка Елизаревъ (МДБП, 2, № 29, 59, 1637); ...*Оружейные полаты костенова токарнаго дела мастер* Ивашка Дрякуля (РБС, № 460, 480, 1666) и др.; ...*Обтекарского приказу лекарь*

Ортюшка Назарьев (РБС, № 434, 1662) и др.; Црю... бьет челом холоп твои *хамовник Тверские слободы* Ивашко Степанов (МДБП, 2, № 27, 58, 1637); ...*Кошелной слободы кузнецъ* Степка Семенов (там же, № 140, 122, 1696); ...*Переславля Рязанского ямщики* Еремка Трофимовъ, Ивашка Цвѣтного (АЮБ, 1, № 87, 567, 1680); ... *Кунгурского уѣзду села Троецкаго конной пастухъ* Гришка Негодяевыхъ (КА, № 33-5, 79, 1686). Ср. в частно-деловых челобитных: Государю... бьет челом сирота твой государев *Коломенской волости сельца Ивановскова мельник* Микишка Мокеев (АХБМ, 1, № 162, 192, 1652); ...*Нижегородцково уезду села Мурашкина и приселка Малово Мурашкина дер[евни] Мословки горшешники* Ромашка Данилов... с товарищи, 24 человека (АХБМ, 2, № 508, 168, 1660) и др.

Иногда при существительном — названии лица по профессии — может быть определение, указывающее на зависимость данного лица от кого-нибудь: Црю... бьют челом холопи твои гсдрвы *патриарши пѣвчие дияки* Андрюшка Козмин с тоеварыщи, обе станицы (МДБП, 2, № 21, 55, 1635); ...*пушечные ученики Давыда Кондратьева да Микифора Баранова ученикъ* Стенка Кузминъ да Федка Васильевъ, Микитка Павловъ (АЮБ, 3, № 369-3, 474, 1641).

5. Наименование лица по государственной или национальной принадлежности. Одиночные приложения обычны в челобитных иностранцев, в том числе и тех, кто находился на русской службе, и представителей народностей, живших на территории, входившей в состав России XVII в. Нераспространенное приложение используется только в челобитных служилых людей, переехавших на Русь: Царю... биет челом холоп твой *иноземец* Ивашка князя Олекъсанъдрав сынъ Вишьневетцкай (СПП, 1, 4, 1613); см. также СПП, 1, 1, 1613; ЧП, № 2, 1641. Более частыми являются случаи, когда такое приложение уточняется согласованными или несогласованными определениями, указывающими на время переезда челобитчика на русскую службу, место его жительства в момент подачи челобитья: Великому государю... Сопѣгѣ ...бьетъ челомъ холопъ государевъ *нововыѣзжей нѣмчинъ* Иванъ Родовъ (АИ, 2, № 127, 152, 1608—1609); Царю... бьют челом... холопи твои государевы *старые иноземцы сербенин* Юшка Цветков да *греченин* Фетька Лазорев сын Короман да Тимошка Цветков (СПП, 2, № 8, 34, 1613); ...*Иноземцы Витепского уезду* Гришка Микитин да Паршютка Микитин же (РБС, № 459, 479, 1666); ...*Иноземец из Рыльска* Ондрюшка Балакирев сын Сидоров (РБС, № 77, 100, 1628) и др. Отметим в приведенных примерах использование вместо беспредложной конструкции конструкции с предлогом *из* (*из Рыльска*), случай очень редкий, свидетельствующий, что традиционные приказные нормы подвергаются воздействию живой обиходной речи.

Особую группу составляют челобитные представителей раз-

ных национальностей, входивших в состав Русского государства XVII в. В них в качестве приложения к собственному имени выступает наименование лица по национальности, причем употреблявшееся при этом приложении согласованное определение (*служивый, оброчный, ясачный*) указывало на социальный разряд челобитчика, а несогласованное — на место его жительства (службы): Царю... бьет челом холоп твой *служилой татарин* Исиналѣйко Облешов (СПП, 2, № 549, 164, 1613); см.: *Свиясскова города служив(ые) таторовя* — там же, 2, № 200, 1613; *свияской ясашной татаринъ* — там же, 2, № 199, 1613; *якутской парень* именемъ Аргунѣйко *Намского улусу* — АЮБ, 3, № 369-4, 1643; *Инсарского уѣзду Кортляевского острогу служилыя мордва* — АЮБ, 1, № 100, 1677; ...*Кунгурского уѣзду Верхъ-Иренской четверти ясашной татаринъ* Кусекайко Салкаевъ на *кунгурского ясашного татарина тое жъ Верхъ-Иренской четверти* на Юкперду Янзигитова — КА, № 51, 1686 и др. Ср. в частно-деловых челобитных: Государю... бьют челом *алаторские служилые тотарове дер(евни) Шубина да дер(евни) Каргаполя, да дер(евни) Семеновской* (АХБМ, 2, № 420-1, 114, 1660) и др.

6. Для уточнения личности челобитчика могли использоваться приложения к личному имени, которые указывали на некоторые обстоятельства жизни данного лица (нахождение в плену, тюрьме и т. д.): Царю... бьет челомъ холоп твой *Ржевы Володимеровы немецкой полоняник* Гаврилка Ростовцовъ (СПП, 2, № 639, 181, 1613); ...Сирота твой государев *лито(вской) полоняник города Менска* Федька Юрьев (РБС, № 97, 122, 1634); ...*Сѣвский тюремный сидѣлецъ* Федька Семеновъ (СиД, № 122, 204, 1648); ...*Донские казаки, озовские сидельцы,* атаманишко... и рядовые казаки (ДД, 2, № 18-40, 313, 1642); ...*Московских больших тюрем сидельцы розных... чинов людишка* (ПРП, 5, 228, 1641) и др. Ср. в частно-деловых челобитных: Гсдрю... бьетъ челом *старои твои должникъ* Мишка Тимофѣевъ снъ Сатинъ (Гр., № 55, 42, XVII — нач. XVIII в.).

Мы рассмотрели случаи, когда приложением к личному имени челобитчика выступало одно нераспространенное или распространенное в меньшей или большей степени приложение. В качестве характеристики личности челобитчика могли выступать два, три и более нераспространенных или распространенных приложения, являющихся названиями лица по месту жительства, социальному положению, профессии или занятию и другим признакам. Приведем примеры:

II. Два приложения. Название лица по месту жительства и по его отношению к определенному социальному разряду населения Московской Руси XVII в.: Царю... бьет челом сирота твоя государева *смольнянин торговой человек* Куземка Иванов сын Красильник (РБС, № 35, 57, 1603); ...*Детишко боярскии асстараканцы* (!) Олешка Ростопчин, Гришка Рагозин да Киря Щуко (СПП, 2, № 14, 37, 1613); также: *курчаня*

детишко боярские — там же, № 46, 1613; *торопченин посадцкой человек* — РБС, № 79, 1629; *псковичи посадцкие середние и мелкие людишка* — ДАИ, 5, № 1-16, 1666; *коломнетинъ посадцкой члвкъ* — МДБП, 2, № 67, 1668 и др.; Црю... бьет челом сирота твой *москвитин Большихъ Лужников тяглец* Алешка Панкратевъ снъ Яцкой (МДБП, 2, № 72, 81, 1670) и др., ср. с эллипсисом существительного *тяглец:* Великимъ гсдарем... бьет челом сирота ваш *москвитин Огородной слободы* Никитка Гаврилов сын Шарапов (МДБП, 2, № 133, 118, 1693).

Название лица по месту жительства и профессии или занятию: Царю... бьют челом и плачутца сироты твои государевы *костромичи каменщик* Евсѣйко Степанов да *кирпичникъ* Тишка Первого сынъ и во всѣхъ *костромичъ каменщиков* и *кирпичников* мѣсто (СПП, 2, № 372, 125, 1613); ...*Кудашовец* Юрка Дмитреев снъ, *сопожънои мастер* (МДБП, 2, № 14, 52, 1634); ... *Шкловец лекарь* Савка Гаврилов (РБС, № 323, 347, 1655).

Название лица по месту жительства и по какому-либо непостоянному состоянию: Царю... бьет челом холоп твой *черненин выборной* [избранный на Земский собор] Неронко Кляпиков (СПП, 2, № 238, 97, 1613). См. также сочетание двух приложений и использование придаточного определительного к последнему из приложений *(выходцы)*: ...Бьют челом холопи твои *литовские люди* крычевские *выходцы* Свиридко Федоров сын Зберезок и в товарыщев своих место крычевских *выходцев* 50 человек, *которые вышли ис Крычева на Опочеп на твое царское имя служить тебе, государю, верою и правдою, з женишками и з детишками* (РБС, № 94, 117, 1633).

Название лица по государственной принадлежности и по профессии или занятию: Царю... бьет челомъ *иноземецъ круживного дѣла мастеръ* Онтошка Тамсанъ (АЮБ, 1, № 104, 643, 1646); также: ... Полоцкой *иноземец* Ивашко Михайлов сын, *лекарь* — РБС, № 287, 1654; ... Десенского города *иноземцы плотники...* — РБС, № 354, 1656; ... *Иноземцы Серебреной полаты мастеры...* — РБС, № 431, 1661; ... *Иноземец торговой человек* с князь Дмитреева двора Пожарскова Андрю(шка) Петров, города Мстисловля — РБС, № 170, 1645 и др.

Название лица по государственной принадлежности и по социальному положению: Царю ... бьет челом холоп твой *иноземец черкашенин* Митька Тимофѣев сынъ Михалевской (СПП, 1, 13, 1613).[30]

Название лица по его отношению к определенной социальной группе и по профессии: Царю... бьет челом богомолец твой *старец иконописец* Григорьища (РБС, № 232, 254, 1651); ...Огороднои слободы *тяглецъ* Микитка Шарапов, *барышник* (МДБП, 2, № 134, 119, 1694) и др.

[30] *Черкасы (черкашенин)* — так назывался особый служилый разряд — вольные украинские казаки, находящиеся на государственной службе (Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, с. 88 и 166—167).

В частно-деловых челобитных два приложения к личному имени отмечены нами только в двух случаях: Гсдрю ... бьет челомъ и плачетца сирота твои *тюремной сиделец крестьянишко* Оксенка Амелянов (Гр., № 151, 84, XVII—нач. XVIII в.); ... Нищие твои богомольцы вотчины твоей государевы села Лыскова Пречистенского мужеского монастыря *казначей старец* Глеб, старец Иванис... (АХБМ, 2, № 426-2, 119, 1660).

III. Три приложения отмечены только в 5 (из 502) официально-деловых челобитных. В двух из них указываются место жительства лица, отношение к определенной социальной группе и занятие: Царю... бьют челом *смольяне посадцкии торговыи люди* [объединение двух терминов: *посадские люди+торговые люди*] Гришка Осипав сын Капкин да Федько Григорьев сын Пешонков (РБС, № 36, 57, 1603—1604); ...*Вязьмичи посадцкие торговые людишка*... (РБС, № 41, 61, 1604).

В двух других в качестве приложений выступают названия лица по государственной принадлежности, по занятию и месту жительства: Царю... бьет челом *иноземец литовской купец могилевец* Микитка Михаилов сын Турута (РБС, № 119, 142, 1636); см. там же № 130, 1638.

И, наконец, челобитная, где в качестве приложений к собственным именам выступают названия лица по отношению к социальной группе, по ситуативному признаку и по национальности: Царю... бьют челом нищие твои государевы богомольцы *старцы выходцы белорусцы,* Оршанского уезда Кутеинского монастыря *старец* Гордион да *старец* Тарасище (РБС, № 249, 271, 1652).

IV. Четыре и более приложений представлены в двух официально-деловых челобитных. Первая из них — челобитная К. Яковлева, который указывает свою государственную принадлежность, занятие и место жительства: Царю... бьет челом и являет сирота твоя государева *иноземец литвин торговой человек полочанин* Кондрашко Яковлев сын (РБС, № 64, 87, 1625). Вторая — челобитная могилевского печатного мастера, который, пытаясь поступить на государственную службу, сообщает о себе все возможные сведения: Царю... бьет чолом *иноземец* великого короля Владислава Жигимонтовича Спиридон Соболь, *ректор* и *нозир*[*атель*] школ могилевских и киевских, ныне же *печатник* писаний божественных и *слуга*... Петра Могилы, митрополита киевского, галицкого и прочих (РБС, № 136, 157—158, 1639).

Как говорилось выше, в изветных и явочных челобитных, а изредка и в исковых начальный протокол мог включать в себя сообщение о том лице, на которое подается жалоба или делается заявление: ... *бьет челом (и извещает; и являет)... на...* Сведения об объекте жалобы или заявления оформлялись по правилам, характерным для сообщения об адресанте челобитной. Отличие заключалось только в том, что личное имя того, на кого жаловались, о ком сообщали что-нибудь, выступало в

полной форме, к нему не присоединялась формула вассальной зависимости: Царю... бьетъ челомъ и являетъ... Юрка Зубрицкой *на князь Ивана Иванова сына Гундорова* (ЧП, № 1, 59, 1641); ... Ерасимко Чюдовъ *на жену свою Марьицу Васильеву дочь* (КА, № 10, 19, 1670).

Для подавляющего большинства официальных и частных челобитных характерно повторение предлога *на* перед каждым приложением и перед личным именем объекта жалобы, заявления и т. д., например: Црю... бьет челом и являет ... Сидорко Степанов снъ Голевъ каптинармаса *на* Микифорову *жену* Басаргина *на Өрину Федорову доч* (МДБП, 2, № 60, 73, 1663); ...Бьет челом и извещает... Андрюшка Федоров *на кадашевца на тестя* своего *на Федора Григорьева...* (МДБП, 2, № 106, 100, 1677); см. также МДБП, 2, № 79, 1671; КА, № 11, 1670; АЮБ, 3, № 369-15, 1689 и др. В частно-деловых челобитных: Гсдрю... бьет челом [и] извещает твои си[р]ата Федка Филипов *на приказнаго* твоиво *члвка на Харлапья Афанасьива* да *на старосту* твоиво *на Евфрема Моковѣива* (ИНРЯ, Ч, № 1, 222, 1671) и др.

Итак, рассмотрение последнего элемента, входящего в начальный протокол челобитной, — формулы адресанта, которая включает в свой состав собственное имя челобитчика, приложение-формулу вассальной зависимости и распространенные или нераспространенные приложения, уточняющие личность челобитчика, показывает, что традиционным в формуле адресанта является ее строение (конструкция). Уточняющие личное имя приложения, наименования лица по социально-сословной принадлежности, служебному положению, занятию, профессии, по месту жительства и др. вместе с относящимися к ним согласованными или несогласованными определениями помещались между формулой вассальной зависимости и личным именем челобитчика. Обязательный порядок расположения приложений — препозиция по отношению к личному имени челобитчика, а согласованных или несогласованных определений к ним — препозиция к определяемому ими приложению, например: Великие Росѣйские державы Московского государства бояромъ и воеводамъ и всей землѣ бьет челом *Углецкого уѣзда Покровского монастыря вотчины села Спаского деревни Савинские крестьянинъ* Мелешка Федотовъ (АЮ, № 36, 84, 1613); Царю... бьетъ челомъ сирота твоя *Печерского монастыря, что въ Нижнемъ, дворница вдова* Ульянка (ДД, 2, № 29-1, 415, 1642); Государю... биютъ челомъ сироты ваши государевы *Галицкие вотчины села Покровского деревни Кузнецова крестьянишка* Федотко Федоровъ зъ детми... (ЧО, № 65, 100, втор. пол. XVII в.).

Все случаи отступления от этого трафарета в построении формулы адресанта являются результатом неопытности автора (писца) челобитной и показывают, что он не владеет традиционными нормами оформления челобитий. Ясно, что челобитные,

в которых обнаруживаются подобные отступления, особенно интересны для лингвистов как акты с потенциальными возможностями более широкого отражения разговорно-бытовой речи эпохи.

При наличии двух или трех приложений к личному имени их расположение определяется социальной информативностью, ближе всего к личному имени располагается приложение — наименование лица по сословной принадлежности: Царю... бьет челом *иноземец литвин литовского полоняника углечанина Власа Иевлева сына Молчанова человек* Гришка Яновской (РБС, № 189, 209, 1647).

Из приложений, характеризующих личность челобитчика, наиболее распространены наименования лиц по сословно-социальной принадлежности (у податного, крепостного зависимого, а также мелкого служилого люда) и названия лица по месту жительства (у служилых землевладельцев, жителей московских дворцовых ремесленных слобод).

Среди определяющих приложение слов наиболее распространены несогласованные определения в родительном падеже без предлога, поскольку они предоставляют бо́льшие возможности передачи различной информации (точное указание на место жительства, службы, зависимость от того или иного лица, детальные указания на воинское подразделение и т. п.). Употребление определительных причастных оборотов и придаточных определительных предложений единично и представляет собой отступление от обычного стандарта вводной формулы челобитной.

Сложившиеся в челобитных XVII в. приемы разносторонней, многоплановой характеристики челобитчика и тех лиц, на которых он жалуется, с помощью приложений переходят уже в конце века в художественную литературу. «Литературная история традиции приложений началась лишь с конца XVII в. Все, что было до этого (в челобитных. — *С. В.*), в том числе и то, что сделал Аввакум, относится к литературной предыстории традиции, как ни парадоксально, более яркой, чем история ее последующего литературного использования».[31]

Лексика формулы адресанта носит переменный характер, кроме приложения — формулы вассальной зависимости, и отражает активную общественно-политическую, профессиональную, служебно-должностную и другую терминологию и прочие элементы словаря XVII в. Среди используемых здесь слов представлены социально-сословные термины, служебно-должностные наименования лиц, названия лиц по профессии, занятию, по месту жительства, по государственной или национальной принадлежности, по некоторым непостоянным признакам (*полоняник, выходец, тюремный сиделец*), термины родства и другие,

[31] Демин А. С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. — Труды отдела древнерусской литературы, т. 25. М.—Л., 1970, с. 230—231.

а также образованные от них имена прилагательные. Значительную группу составляют названия административно-территориальных единиц, населенных пунктов и имена прилагательные, образованные от них. Необычайный интерес представляют личные имена челобитчиков или объектов жалобы, заявления, особенно используемые здесь «полуимена» (уменьшительно-уничижительные образования от личных имен).

Б. Традиционные элементы основной (казусно-просительной) части

Основная часть челобитных, как говорилось выше, состоит из двух разделов. Первый из них содержит изложение обстоятельств дела, мотивов, причин, которые побудили челобитчика обратиться с просьбой, жалобой, официальным заявлением о чем-нибудь или с предъявлением исковых претензий к кому-нибудь. Во втором разделе излагается просьба или сообщается о тех действиях, которые были бы желательны для адресанта челобитной в связи с изложенными обстоятельствами дела. Такое построение челобитных является обычной нормой, хотя существовал особый подтип, в котором центральная часть акта состояла только из одного раздела — изложения просьбы, поскольку мотивы и поводы этой просьбы были понятны для адресата из ее характера (65 челобитных из 795, или примерно 8%; см. выше раздел «Структура челобитных»). В тех актах, где налицо два раздела в центральной части (их 730), обнаруживаются определенные стандартные (традиционные) приемы построения не только просительного раздела, но и раздела, который содержит мотивировку, изложение обстоятельств дела. Рассмотрим эти традиционные приемы и устойчивые формулы в каждом из указанных разделов центральной части челобитной.

Приемы введения изложения обстоятельств дела

Казусный раздел во всех разновидностях челобитных, кроме исковых, не облекается в какую-нибудь специальную формулу, не начинается с нее, он излагается свободно, в соответствии с желанием автора (писца). Однако в этой кажущейся свободе, произвольности изложения при пристальном рассмотрении большого числа челобитных обнаруживается ограниченное количество трафаретных зачинов[32] изложения обстоятельств дела, мотивов обращения с просьбой, жалобой и т. д.

[32] Термин *зачин,* принятый в фольклористике, использован нами сознательно, поскольку начало мотивирующего раздела челобитных так же, как и в произведениях народного творчества (былинах, исторических песнях, думах, бытовых песнях), не только сообщает о времени, месте события, факта, о которых будет говориться, но и создает определенное эмоциональное настроение. Некоторые из приемов начала мотивирующего раздела обнаруживают несомненную близость к фольклорным традициям, генетически связаны с ними.

Прежде всего следует выделить исковые челобитные, центральная часть которых могла начинаться с формулы, указывающей на то лицо, которому предъявлялся иск. В части исковых челобитных данные об объекте искового заявления, как мы это видели выше, включались в начальный протокол челобитной: *бьет челом на...* кого-н. (в официально-деловых актах), *бьет челом и плачется на...* кого-н. (в частно-деловых). В значительном числе исковых челобитных (46 из 131 официально-деловых и 21 из 49 частно-деловых, т. е. 37% общего количества) для указания на лицо — объект искового заявления использовалась формула: *Жалоба,* государь, *мне (нам) на...* — и далее сообщались данные об этом лице, например: *Жалоба,* государи, *мне на брата* св[оего на Ива]*на Олексеева сына Перекислова* (ПРП, 5, 140, 1611); *Жалоба,* гсдрь, *мнѣ на ржевитина на Якима-Понахидина* да *на* беглова своево ст[арин]наг *члвка на Демитку Остафева сна Кормышова* (МДБП, 2, №8, 47, 1626); *Жалоба,* государь, *мне на* твоево государева *воеводу* Козельскова города *на князь Богдана Матвеевича Мещерскова* (РБС, № 170, 192, 1645); *Жалоба,* государь, *намъ,* сиротам, полку воеводы Тимофея Тарасьевича Одинцова *на заплечного мастера на Василья Иванова сына* да *на Петра,* барабанщика (КА, № 5-1, 7, 1668) и др.

То же и в частно-деловых челобитных: *Жалоба,* государь, *мнѣ на* твоево государева *на бобыля* вотчины твоей государевы села Покровскаго *на Казарина Михаилова сына* (ЧШ, № 2, 47, 1639); *Жалоба,* г., *мне,* с., *на* твоего государева *приказного человека на Онтипу Старова* в том... (АХБМ, 2, №374, 82, 1659); *Жалоба мнѣ,* гсдрь, *на* твоего *крестьянина на Василья* да *на Прокопя Титовых* (Гр., № 94, 58, XVII—нач. XVIII в.).

Формула *жалоба мне на...* очень старая, ее мы находим в правых грамотах и судных списках XV в.: «Став на земле на Бортеневской.., сей суд судили судьи съежжие... Так рек Вавулка: *жалоба ми,* господине, *на* того *Лещу* да *на* его *христиан..,* ту пустошь митрополичю поорали сильно и посеяли... (Прав. гр. 1462—1464 гг. — АФЗХ, 1, № 103, 97)[33]; Се билъ челомъ... десятской бортной Михалко, да Исачко кузнецъ Башловъ, и за всю волость Пехорскую, ркучи так: *жалоба намъ,* господине, *на архимарита на Симоновского на Евсевья* и *на* его *братью...* (Прав. гр. 1462—1464 гг.— АЮБ, 1, № 52-1, 164), см. также Судную грамоту 1534 г. (АЮБ, 1, № 52-4) и другие правые грамоты и судные списки до середины XVI в. В середине XVI в. эта формула переходит в жалобницы — жалобы и исковые заявления, которые зачитываются на суде. Ответчик выслушивает уже не устное заявление истца, а его жалобницу (челобитную) и отвечает на нее, например: Тягался.., Якушъ Михайловъ... со княземъ Ондрѣемъ со княжъ Петровымъ сыномъ Ноздроватого по жалобницѣ, и въ жалобницѣ пишетъ: «Царю... бьетъ челомъ... Селчюкъ. *Жалоба мнѣ,* государь, *на князя Ондрѣя на княжъ-Петрова сына Ноздроватого...»* И царь и великий князь,

---

[33] Однако сложилась эта формула, по-видимому, значительно раньше и была обычна в судопроизводстве XII—XIV вв., см.: Се еси пришелъ и сѣдишь с бра(ть)ею своею на одином коврѣ; то чему не жалуешься, *до кого ти нас жалоба* (Пов. вр. л. 6608 г.); А *кому будетъ жалоба* сиротамъ на волостели, а тѣмъ людемъ учинитъ исправу княгини моя (Дух. Дм. Ив. 1389 г. — Срезневский, I, 842).

выслушавъ жалобницу, вспросилъ князя Ондрѣя Ноздроватого: отвѣчяй... (Судн. сп. 1567 г. — АЮБ, 1, № 52-8, 230), ср. Приговор 1635 г., где указывается, что на суде зачитывается исковая челобитная, после чего судья обращается к ответчику: «Отвѣчай ты своему исцу по его челобитной» (АЮБ, 3, № 277, 39). Таким образом, со второй половины XVI в. формула *жалоба мне на*... становится принадлежностью жалобниц, затем исковых челобитных.

Видимо, тенденцией к упрощению структуры челобитных, к созданию единообразия их формуляра можно объяснить, с одной стороны, отсутствие рассматриваемой формулы в ряде исковых челобитных, перенос данных о лице, которому предъявляется иск, в заголовок (начальный протокол),[34] а с другой — использование изредка этой формулы в иных разновидностях челобитных: собственно челобитных — жалобах: *Жалоба,* государь, *намъ,* бѣднымъ сиротамъ твоимъ государевымъ, середнимъ и мелкимъ людишкамъ всего города Пскова, *на* псковичь же посадцкихъ прожиточныхъ людей, на Сергѣя Поганкина, да *на*... (ДАИ, 5, № 1-15, 23, 1665 и др.), ср. также в частно-деловых актах: АХБМ, 2, № 528, 1660; ИНРЯ, Ч, № 34, кон. XVII— нач. XVIII в.; и в явочных челобитных: *Жалоба,* гсдрь, *мнѣ на* кодашевца ж Петра Васильева (МДБП, 2, № 92, 1675), ср. в частно-деловых: АХБМ, 2, № 532, 1660; ИНРЯ, С, № 52 и 65, кон. XVII—нач. XVIII в.

В довольно большой группе частно-деловых прошений и жалоб (38 из 293) казусная часть предваряется формулами: *милости*... у тебя (вас) *прошу (просим); милости*... у тебя (вас) *прошу на*... (кого-н.), *милости*... у тебя (вас) *прошу, помилуи*... *милостью своею.* Примеры: *Млсти* у тебя, гсдря, *пращу.* В прошлом, гсдрь,.. году изувѣчили меня, си[роту твоего] напрасна... (ПНРЯ, № 99, 58, 1682); *Милости* у тебя, гсдрь, *просим,* сироты твои. Пожалуи, гсдрь, подряди ... (ИНРЯ, С, № 43, 198, кон. XVII—нач. XVIII в.), см. здесь же № 46, 47, 55, 60, 61; КЧ, № 6-8, 11, втор. пол. XVII в.; Гр., № 122, 124—126, 453, XVII—нач. XVIII в. и др.; *Милости* у тебѣ, гсдрь, *прошу* но (!) Васила Петрова. Преж сего, гсдрь, взал зо себѣ мать мою... (ИНРЯ, С, № 64, 207, кон. XVII—нач. XVIII в., см. здесь же № 62, 73); *Млсти* у тебя, гсдря, *прошу* на старосту Минея Гаврилова. Билъ меня... и увечи(л) бѣзвинно... (Гр., № 26, 27, XVII—нач. XVIII в.) и др.; *Милости* у тебѣ, гсдрь, *просимъ, помилуи милостию своеи.* Которои, гсдрь, крестьянин... (ИНРЯ, С, № 63, 206, кон. XVII — нач. XVIII в., см. здесь же № 74, 79) и др.

В ряде челобитных эта формула выступает одновременно с рассмотренной выше вводной формулой исковых челобитных *жалоба мне*... . Все эти челобитные — исковые крестьянские: *Милости* у теб[я], гсдрь..., *прошу. Жалоба мнѣ,* сироты вашему, тои же деревьни Онтонова на саседа своего на Ерафея Васи-

---

[34] См. выше в разделе «Челобитье» *бьет челом... на*... в исковых и явочных челобитных.

лява (ИНРЯ, С., № 54, 203, кон. XVII—нач. XVIII в.), см. здесь же № 56—58, 66, 67 и др.

В официально-деловых челобитных вариант подобной формулы отмечен только в одном случае — в повинной 1608 г.: *Милость*, государь, надъ нами, надъ холопи своими, *покажи*, вину нашу нам отдай... (АИ, 2, № 101, 133, 1608).

Изложение обстоятельств дела, причин и поводов обращения с просьбой, жалобой, с официальным заявлением властям излагается в челобитных (в исковых после формулы *жалоба мне...*, в крестьянских прошениях и жалобах после формулы *милости у тебя прошу...*) произвольно. Вместе с тем в официальных и частных челобитных обнаруживаются своеобразные стандартные зачины этого изложения.[35] Можно выделить несколько видов зачинов.

1. Казусная часть начинается с датировки — обстоятельства времени: указывается год — чаще всего в предложном падеже с предлогом *в (в нынешнем* или *в прошлом в...году)* или в родительном без предлога *(нынешнего... года)*; далее следует указание на месяц, обычно в родительном падеже *(апреля, генваря* и т. п.), и на день, когда происходило описываемое, чаще всего в винительном или предложном падеже с предлогом *в (в... день, в...числе)* или в родительном без предлога *(...дня, числа)*. Таким образом, мы имеем дело с формулой: *Нынешнего (прошлого) ... года апреля* (*генваря* и т. п.) *в... день* (*в... число;* или ... *дня, числа*). Зачин-датировка отмечен в 266 (33%) официальных и в 83 (27%) частных челобитных.

Такое начало казусной части в челобитных совпадает с началом изложения содержания во многих разновидностях актов — выписях: *Лѣта* 7179 *марта въ* 21 *день...* (АЮБ, 1, № 9, 13, 1671) и др.; данных: *Лѣта* 7165 *сентября въ* 17 *день...* (АЮБ, 1, № 64-2, 459, 1656) и др.; допросах: 189 *(года), октября въ* 15 *день...* (АЮБ, 1, № 74, 517, 1680) и др.; отписках воевод: *Въ нынѣшнемъ*, г., *во* 124 *г. апрѣля въ* 6 *д(ень)*, ввечеру... (СиД, № 4, 4, 1616) или: *Нынешнего*, государи, 138-го *году марта в* 27 *день...* (ВУР, 1, № 46, 1630) и др.; досмотрах (см. АЮБ, 1, № 77, 1686) и др.; доездах (см.: АЮБ, 1, № 80, 1660) и др.; записях устных изветов (см. СиД, № 4, 1616) и др. и т. п. Наиболее близко такое начало челобитных, как это видно из приведенных примеров, к воеводским отпискам, которые всегда начинаются (после формулы начального протокола) с обстоятельства времени: «В нынешнем (прошлом) в... году». Однако различие заключается в том, что в воеводских отписках год, месяц и день, когда произошло то, о чем сообщается,

[35] Стандартные начала, формулы, вводившие и предварявшие собой читаемый отрезок текста, имеют давнюю традицию. Их мы находим в евангелии. Они были различными в зависимости от содержания и целевого направления текста, например: *Въ оно врѣмя...; Рече гъ (къ) своимъ ученикомъ...* и др. (Жуковская Л. П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 54—75).

всегда указываются точно; в челобитных же датировка может быть и точной, и приблизительной (указывается только год; год и месяц; год, месяц и приблизительно день). В значительной части челобитных используется датировка обиходно-бытового характера: год и какое-нибудь событие, какая-нибудь памятная дата (обычно церковно-религиозные праздники), во время, до или после которых произошло то или иное событие. Особенно распространен такой прием датировки события в частно-деловых челобитных.

Приведем примеры зачина датировок: *Въ нынѣшномъ,* государь, *въ* 117 *году июня во* 2 *числѣ* изъ твоеѣ государевы отчины изъ Ярославля... писали о денгахъ ... (АИ, 2, № 230, 270, 1609); *Нынѣшнего,* государь, 117 *году съ генваря съ* 6 *числа* посланы мы... (АИ, 2, № 204, 236, 1609); *В ннешном,* гсдрь, *во* 144-м *году сентября въ* 29 *де(нь)*... тешил я... тебя, гсдря, под селом Пушкиным... (МДБП, 2, № 20, 55, 1635 и др.); *Въ прошломъ,* государи, *въ* 201 *году сентября противъ* 3 *числа* украли у меня... дву лошадей... (КА, № 70, 236, 1696); *В нынешнемъ,* государь, *во* 121-м *году на масленой недѣле, как,* государь, *взяли черкасы Костентина Михалкова и хотѣли ево убить,* и я... (СПП, 1, 13, 1613); *В нынешном,* государь, *во* 163 *году в Великой пост на 4-й неделе* приехали мы... в Смоленеск (РБС, № 312, 337, 1655); *В прошлом,* государь, *во* 152 *году после Крещенья* приехали мы... (РБС, № 171, 193, 1646); *До Московского,* государь, *разоренья* сидѣло нас на Казенном дворѣ подьячих 4 человѣки (СПП, 1, 26, 1613) и т. п.

В частно-деловых челобитных: *В нынешнем,* г., *во* 158-м *году июля в* 11 *день* пил я... на... кабаке (АХБМ, 1, № 79, 114, 1650); *В нынѣшнѣм,* гсдри, *во* 194 *году в рожествен месоед* свадбы играли (ИНРЯ, С, № 1, 182—183, 1686); *Въ прошломъ,* государи, *въ* 180-м *году* судом Божиимъ мужъ мои Логинъ померъ (ЧО, № 40, 84, 1673); *В прошлых,* г., *годех, до морового поветрея,* лысковец... Иван Спешилов с сыном... платили тебе... (АХБМ, 2, № 393, 97, 1659); *В моровое,* г., *поветрия, как был в старастах Алешка Марков,* и приезжал... (АХБМ, 2, № 451, 134, 1660) и т. п.

Сюда же следует отнести случаи, когда повествование начинается с придаточного предложения времени, заменяющего обстоятельство-датировку. Такие конструкции представлены изредка лишь в официально-деловых челобитных-прошениях: *Как,* государь, *приходил Хоткеев под Москву,* и подо мною убили конь (!) (СПП, 1, 1, 1613); *Как,* государь, *мы* [шкловцы] *были за панами,* и оне к тем церквам... давали землю (РБС, № 290, 316, 1654) и др.

Повествовательная часть, начинающаяся с датировки, отмечена во всех разновидностях челобитных. Этот основной способ зачина изложения обстоятельств дела лишь в собственно челобитных (прошениях) уступает повествовательному — глагольному — зачину. При использовании в начале казусной части чело-

битной датировки постоянными лексическими элементами в ее составе являются прилагательные *нынешний* и *прошлый* 'любой предшествующий', а переменными — названия месяцев, дней недели, церковно-религиозных праздников и других памятных дней или событий.

2. Изложение обстоятельств дела начинается с глагола-сказуемого, подлежащее следует за ним. Такое начало свойственно повествовательному стилю речи. В наших материалах оно весьма распространено (см. с. 80—81). В других разновидностях актов такой зачин почти не используется, исключение составляют указные грамоты, где он встречается довольно часто: Билъ намъ *челомъ* Дмитрей Дмитреевъ сынъ Ошанинъ (АЮБ, 1, № 55-6, 256, 1625), см. также АЮБ, 1, № 55-11, -12, -38, 1654—1682 и др.; *Писали* вы къ намъ... (АЮБ, 1, № 55-14, 274, 1655) и др.; *Указали* мы... быть на нашей... службѣ... (АЮБ, 1, № 55-25, 297, 1674) и др. Постановка сказуемого-глагола в прошедшем времени в начале предложения имеет целью акцентировать именно то действие, в связи с которым создан данный указ.[36] Приведем примеры из челобитных: *Были* мы, холопи государевы, на... службѣ въ Ростовѣ (АИ, 2, № 248, 295, 1609); также СПП, 1, 27, 1613; СиД, № 126, 1648 и др.; *Есть,* гсдрь, в Рузе кабакъ на откупу (МДБП, 5, № 9-а, 230, 1678) и др.; *Бил я челом* тебѣ, гсдрю, на... (МДБП, 2, № 35, 61, 1640); также АИ, 2, № 352, 1608; СПП, 1, 19, 1613 и др.; *Служилъ* я... твои царьские службы на поле и на Русии (СПП, 1, 19, 1613); также МДБП, 2, № 30, 1638 и мн. др.; *Сижу* [подьячий], государь, у твоих государевых дѣл безотступно (СПП, 1, 18, 1613) и др.; *Стоим* мы [сторожа]... у твоей царской казны... безходно день и ночь (СПП, 1, 16, 1613) и др.; *Работал* я... в Оружеиноi полате многие годы (МДБП, 2, № 125, 113, 1685) и др.; *Выѣхалъ* я къ Москвѣ на великое Росейское государьство (АИ, 2, № 127, 152, 1608—1609) и др.; *Спѣет* твои гсдрвъ сергиевскои поход (МДБП, 2, № 19, 54, 1635); *Зговорил* у меня... за дочеришку сытник Иван (МДБП, 2, № 38, 62, 1642); *Сторговали* мы... соли 40 бочек (РБС, № 423, 450, 1661); *Пожаловал* ты, государь, меня... (РБС, № 233, 254, 1651); также АИ, 2, № 236, 1609 и т. п.

В частно-деловых челобитных: *Есть* твои боярскои хлебные клади на пустоши (АХБМ, 2, № 323-1, 47, 1652), также ЧО, № 69, 1684 и др.; *Были,* государь, мы поручны по... крестьянине по Тимофее Михайлове (ЧО, № 30, 78, 1673), также

[36] «Выдвижение сказуемого на первое место в предложении обусловлено стремлением автора подчеркнуть важность события или действия, обозначенного этим сказуемым» (Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960, с. 231). «Предложения с препозитивным сказуемым часто встречаются в начале повествования или какой-нибудь его более или менее самостоятельной части, когда они изображают общий фон, на котором развертываются дальнейшие события, и как бы вводят слушающего (или читающего) в повествование» (Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 1. М., 1954, с. 667).

АХБМ, 2, № 256, 1652 и др.; *Бил челом* вамъ, гсдремъ, и *подавал* двѣ челобитныя (ИНРЯ, С, № 49, 201, кон. XVII—нач. XVIII в.), также АХБМ, 1, № 75, 1650 и др.; *Живу* я... на мельнице и *роботаю* всякую мельнишную роботу денно и ночно (АХБМ, 1, № 162, 192, 1652), также ЧО, № 86, 1684 и др.; *Заимывали* мы у тебя, государя, из житниц хлѣба, ржи и овса (ЧО, № 64, 99, втор. пол. XVII в.) и др.; *Покрали* у нас... тати 3 лошади (АХБМ, 1, № 175-2, 198, 1652); *Сижу* я... во Ржеве Володимерове в тюрме (Гр., № 151, 84, XVII—нач. XVIII в.); И *навалил* ти (!), гсдрь, но нас пашни не в силу (ИНРЯ, Ч, № 44, 245, кон. XVII—нач. XVIII в.); *Пожаловал* ты, г., меня... на приказ (АХБМ, 1, № 62, 130, 1650); *Указали* вы въ подмосковной своей вотчинѣ работать (КЧ, № 5, 44, кон. XVII в.) и др.; *Изволил* ты, г., мне... быть у Спаса на Новом под началом (АХБМ, 1, № 176, 199, 1652) и т. п.

В приведенных примерах глагол-сказуемое начального предложения выступает преимущественно в форме прошедшего времени, но возможны и формы настоящего времени (*сижу, стоим, спеет, есть, живу*); встречаются изредка глаголы в безличной форме или в форме инфинитива: *Было,* государь, мнѣ ... за кровь мужа моего *дано* кормъ... (СПП, 1, 23, 1613), также МДБП, 2, № 2, 1617); *Взяти,* гсдрь, мнѣ по выданои кабале (МДБП, 2, № 65, 77, 1668).

В челобитных, казусная часть которых начинается с глагола, представлен широкий круг глагольной лексики: глаголы со значением конкретного действия, глаголы состояния, волеизъявления и т. д.

В трех официально-деловых челобитных изложение начинается с деепричастного оборота или краткого страдательного причастия: *Служа и радея* тебе, великому государю, *заняли* мы... на городовое строенье денег 500 рублев (РБС, № 436, 465, 1662); *Живучи* он, Микитка, у меня, холопа вшего и *хвалитца* всякимъ дурнамъ (МДБП, 2, № 137, 121, 1695); *Одолъженъ* млстию твоею... (Гр., № 55, 42, XVII—нач. XVIII в.).

Особо следует отметить безличные конструкции с глаголом *дѣятися* в форме прошедшего времени, за которым следует дата события. Такое начало отмечено лишь в официально-деловых челобитных: *Дѣялося,* де, г., нынѣшняго 131 г. февраля въ 10 д. передъ усеѣдною недѣлею, были... мы... на караулѣ въ городѣ... (СиД, № 165, 294, 1623), см. здесь же № 25, 1626; *Деялось,* государь, в нынешнем во 133 году июня в 22 день (РБС, № 64, 87, 1625), также АЮ, № 36, 1613 и др.

В небольшой группе частно-деловых челобитных-прошений изложение начинается с предложения, в котором на первом месте стоит сказуемое — краткое прилагательное: *Скудны,* гсдри, мы, сиро(т)ы ваши, хлѣбомъ, ѣсть нѣчева (Гр., № 479, 294, 1668); *Скуденъ, бѣденъ,* пить, есть нечево, ни скота никакова нетъ... (ЧО, № 2, 65, 1673); *Выноват* пред богом и тобою,

гсдремъ, прогневил, сплутал, сошол и нне поиман, на Углече сижу в тюрмѣ (Гр., № 146, 81, XVII — нач. XVIII в.).

Глагольное начало характерно для собственно челобитных (прошений, жалоб) и исковых челобитных, но изредка встречается и в других разновидностях (см. табл. 1 и 2, с. 80—81).

3. Неглагольное начало изложения обстоятельств дела в казусной части представлено несколькими разновидностями:

а) Изложение начинается с подлежащего, выраженного существительным или личным местоимением, например: *Дед* мои и *отецъ* служил тебе, гсдрю (МДБП, 2, № 36, 62, 1641); *Отцъ,* гсдрь, ево, Ивановъ, отходя сего свѣта, приказал ево, Ивана, мнѣ, Васке (МДБП, 2, № 52, 68, 1655); Твоя великого государя вотчина *Псковское государство* на литовскомъ и на неметцкомъ рубежѣхъ (ДАИ, 5, 1-5, 8, 1665) и др. В частно-деловых челобитных: *Деревнишко,* г., у нас подмоск[ов]ное блиско твоей боярской вотчины (АХБМ, 1, № 119, 175, 1651); *Работа* твоя, гсдрь, не въ силу, человѣка адинокаи, и тегло, гсдрь, твое большоя (ИНРЯ, Ч, 35, 241, кон. XVII—нач. XVIII в.); *Язъ,* бѣдной, оскудалъ, пить, ѣсти нѣчево (ЧО, № 32, 80, 1673) и др.

б) Первое предложение начинается с какого-нибудь второстепенного члена (дополнения, обстоятельства места, причины и т. д.): *К вашему гсдрву делу* научены у меня чатыре дочеришка браню и шитю (МДБП, 2, № 50, 67, 1649); *В тои,* гсдрь, *пустынѣ* трудники работают (Гр., № 472, 289, 1688); *Денежьнова,* государь, мне *жалованья* 200 рубълев (СПП, 1, 4, 1613, ср. здесь же, с. 16, 20) и др. В частно-деловых челобитных: *Тяглова жеребьи* подо мною, сиротою, три десятины (ЧО, № 77, 106, втор. пол. XVII в.), см. тут же № 82, 83, 1673; *В Макарьевском,* г., *монастыре* в весне в полую воду понимает луга (АХБМ, 2, № 460-1, 142, 1660); *На реке,* государь, *на Шуе* наимуемъ мы, сироты твои, . . пустошь Кобылино (ЧО, № 79, 107, 1684) и др.

Особую группу составляют челобитные, начинающиеся с формулы — обстоятельства, имеющего значение соответствия чему-н. и причины, обусловливающей совершение действия (в дательном падеже с предлогом *по): по твоему (вашему) указу (милости, жалованью, грамоте): По твоему государеву указу* прописывал я... золотом твореным твою... грамоту в Крым (СПП, 1, 9-10, 1613); *По вашему* гсдрву *указу* д[ано] мнѣ, рабѣ твоеи, дворовое мѣсто (МДБП, 2, № 31, 60, 1638); *По твоему,* великого гсдря, *указу* поставлена ана, Арина, на мое дворишко (МДБП, 2, №60, 73, 1663) и др.; *По твоей,* государь, царьской *милости,* а за мое службишко к тебѣ, государю, дано мнѣ. . . (АИ, 2, № 311, 1610—1611) и др. Ср. в частно-деловых челобитных: *По твоему* государеву *указу* приказной человек. . . велел нам. . . (АХБМ, 1, № 71, 138, 1650), см. ЧО, № 33, 1673 и др.; *По вашей милости* учуся я. . . псалтырь читать (КЧ, № 3, 43, втор. пол. XVII в.).

Такое начало казусной части представлено в собственно челобитных, а также челобитных исковых и явочных. Оно характерно не только для челобитных, но и для других разновидностей актов Московского государства XVII в.: выписей (см., например, АЮБ, 1, № 15, 1666 и др.), проезжих грамот (например, АЮБ, 3, № 269, 1609 и др.), памятей и т. д.

Сюда же примыкает группа челобитных, казусная часть которых начинается с церковно-книжных по происхождению формул: *судом божиим, волею божию, божьим изволением, божья... воля* — наиболее распространенных в частно-деловых челобитных-прошениях; и формулы *(по) грехом своим,* употреблявшейся только в частно-деловых крестьянских актах: *Судомъ,* государь, *Божиим* сына моево Федара Кульнева не стало (СПП, 2, № 41, 46, 1613); *Божия,* государь, *воля* сталось, брата моего Ивана Казлова въ животѣ не стало... (СПП, 1, 22, 1613) и др.; *Божьим изволеннием* (!) атаман у нас Федор Кужелев преставись... (СПП, 1, 19, 1613). В частно-деловых челобитных: *Волею Божиею* оскудалъ отъ хлѣбнаго недороду... (ЧО, № 23, 75, втор. пол. XVII в.); *Судомъ,* государь, *Божиимъ* мужъ мой Ермола потонулъ по третьему году (ЧО, № 49, 90, 1673); *По грѣхомъ* своимъ заскорбѣлъ (ЧО, № 57, 94, 1673); *По грѣхомъ,* государь, я *своимъ* оскудалъ и обнищалъ (ЧО, № 39, 84, 1673) и др.; *Грехомъ,* гсдрь, *своимъ* оскудал (ИНРЯ, Ч, № 7, 226, кон. XVII—нач. XVIII в.). Ср. объединение обеих формул: *Волею Божиею, по грѣхомъ своимъ* овдовѣлъ (ЧО, № 46, 88, 1673 и др.); *Судомъ Божиимъ; по грѣхомъ* своимъ, овдовѣлъ... (ЧО, № 3, 65, втор. пол. XVII в.); *По грѣхомъ своимъ, волею Божиею* оскудалъ от хлѣбного недороду (ЧО, № 1, 64, втор. пол. XVII в.) и др.

в) Особо выделим те случаи, когда начало повествовательной части челобитной представляет собой придаточное дополнительное предложение, относящееся к предложению — начальному протоколу: Црю... бьет челом и извещает... Андрюшка Федоров на кадашевца на тестя своего на Федора Григорева в том, *что живу я, холоп твои, с нимъ Федором вместе, в одних хоромах* (МДБП, 2, № 106, 100, 1677). В официально-деловых актах отмечен только один этот случай.

Однако подобные конструкции более часты в частно-деловых челобитных: Гсдрю... бьютъ челом и плачютца залѣсъких дрвнь крестянишка всѣ об нужде своеи и о бѣдности, *что нне, гсдрь.., в наших мѣстехъ рожь не दородилась* (Гр., № 137, 77, 1696); Государю... биетъ челомъ... Аношка Климовъ, *что я, бѣдной, оскудалъ, пить-ѣсти нѣчево* (ЧО, № 5, 66, втор. пол. XVII в.) и др. В частно-деловых челобитных придаточное предложение может относиться также к вводящей казусную часть формуле *милости у тебя (вас) просим:* Милости у васъ, государи, просимъ въ томъ, *что изволили вы... указъ свой прислать* (КЧ, № 6, 44, втор. пол. XVII в.); Милости у тебѣ, гсдрь, прошу но соседа своего Луку Демньтьева во том, *что ходил*

Таблица 1

ЗАЧИНЫ КАЗУСНОЙ ЧАСТИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ЧЕЛОБИТНЫХ

Приемы зачинов	Виды челобитных								Всего
	прошения	изветные	исковые	мировые	отсрочные	повинные	ставочные	явочные	
Глагольный зачин	108	2	22	—	2	2	1	2	139
В том числе: *Деялось(-ся) в*...	—	2	3	—	—	1	—	1	7
Неглагольный зачин	125	13	110	13	3	22	2	45	333
В том числе:									
В прошлом (нынешнем) в... году	69	13	104	13	3	22	2	40	266
По твоему (вашему) указу	21	—	5	—	—	—	—	2	28
По твоей (вашей) милости (жалованию)	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Судом божиим...; *Волею божию*...; *Божиим изволением*... и др.	4	—	—	—	—	—	—	—	4
Казусная часть отсутствует	27	2	—	—	—	1	—	—	30
Итого	260	17	132	13	5	25	3	47	502
Казусную часть предваряет формула/ *жалоба мне (нам) на*...	3	—	46	—	—	—	—	1	30

он... (ИНРЯ, С, № 62, 206, кон. XVII—нач. XVIII в.), см. здесь же № 73 и др.

Дальнейшее изложение события или обстоятельств, побудивших челобитчика обратиться с жалобой, просьбой и т. д., не связано с какими-нибудь специальными формулами или приемами. Отметим только, что в повинных челобитных в конце казусной части, после изложения события, происшествия, довольно часто (в 8 случаях из 25) используется формула *и (в том), я,* холоп твой (сирота твой и т. д.), *(тебе) виноват:* И *я,* х. т., *тебѣ,* г., *виноватъ,* себя и ливенца Дмитрия поклепалъ занапрасно (СиД, № 148, 248, 1650), см. здесь же № 88, 1645; № 122, 1648; № 26, 1648 и др.; ср. также варианты этой формулы: И *въ томъ я,* сирота твоя, *тебѣ,* г., *винюсь.* И той моей винѣ, *что ты,* г., *укажешь* [просительная часть отсутствует] (СиД, № 286, 537, 1647),[37] или: И я, бѣдный богомолецъ твой, г., прибрелъ къ Москвѣ и *принесъ къ тебѣ,* г(осударю) праведному, *свою винную голову,* въ винѣ моей страдничьей ты, праведный г(осударь),

[37] Здесь к варианту повинной формулы добавлена формула, обычная в просительной части для челобитных — прошений и исковых: Вели, гсдрь, ево, Ивана, в мнстрь под начала сослат, *гдѣ ты,* гсдрь, *укажешъ* (МДБП, 2, № 52, 69, 1655); ...И в моемъ безчестье и в бою... *что ты,* великии гсдрь, *укажешъ* (МДБП, 2, № 63, 76, 1668), ср. в воеводских отписках: И о том, *что ты,* великий государь, *укажешь* мне (РД, II-1, № 21, 29, 1670).

Таблица 2

ЗАЧИНЫ КАЗУСНОЙ ЧАСТИ ЧАСТНО-ДЕЛОВЫХ ЧЕЛОБИТНЫХ

Приемы зачинов	Виды челобитных: прошения	изветные	исковые	повинные	явочные	Всего
Глагольный зачин	61	—	19	—	1	81
В том числе:						
Пощади... (помилуй...; смилуйся...)	5	—	—	—	—	5
Изволил... (указал...; пожаловал...)	3	—	—	—	—	3
Неглагольный зачин	140	2	30	1	4	177
В том числе:						
В прошлом (нынешнем) в... году	54	1	27	—	5	83
По твоему (вашему) указу	7	—	—	—	—	7
По твоей (вашей) милости	3	—	—	—	—	3
Судом божиим...; волею божию	13	—	—	—	—	13
(По) грехом своим	26	—	—	—	—	26
Казусная часть отсутствует	35	—	—	—	—	35
Итого:	236	2	49	1	5	293
Казусную часть предваряют формулы:						
Жалоба мне (нам) на...	2	—	21	—	3	26
Извещаю тебе на	—	1	—	—	—	1
Милости прошу (просим) на	23	—	4	—	2	29
Милости прошу (просим) на... Жалоба мне (нам) на	—	—	6	—	—	6
Милости прошу (просим), помилуй милостью своею	2	—	—	—	—	2
Милости просим, помилуй	1	—	—	—	—	1

воленъ (СиД, № 249, 450, 1637; здесь в концовке казусной части используется формула, обычная в просительной части повинных челобитных: *в вине моей страдничьей ты... волен*).

Итак, в казусном разделе челобитных, где сообщается о том или ином событии в жизни челобитчика, обстоятельствах, условиях, в которых он оказался и которые вынудили его обратиться в официальные органы или к феодалу с жалобой, просьбой, официальным заявлением (явкой), доносом (изветом) или иском, изложение сути дела ведется свободно. Тем не менее и в этом разделе используются и традиционные формулы, и устойчивые, выработанные приказно-деловой практикой приемы начала повествования. Такими формулами являются характерная для исковых челобитных *жалоба... мне на..*, помещавшаяся перед казусным разделом, *и (в том) я... (тебе) ... виноват* в повинных челобитных, которой заканчивали изложение обстоятельств дела. К традиционным относится и формула даты *в нынешнем (прошлом) в... году, нынешнего... году..*, а также формула *по твоему (вашему) указу (милости, жалованью)*, они использовались во многих разновидностях актов XVII в. В част-

но-деловых актах встречаем формулу *милости... прошу (помилуй милостью своею)*.

Стандартизованными приемами начала повествования являются предложения, начинающиеся с глагола-сказуемого, применение (особенно в частно-деловых челобитных) церковно-религиозных по происхождению формул *судом божиим, волею божию, божиим изволением, (по) грехом моим (своим)* и др. (см. на с. 80 и 81 таблицы, показывающие частотность употребления характерных приемов зачина повествовательной части).

Формула просительной части и ее лексико-фразеологический состав

Второй раздел основной части челобитной представляет собой особую формулу, в которую заключалось содержание просьбы. По своему составу и строению формула просьбы официально-деловых челобитных отличалась от соответствующей формулы в челобитных частно-деловых, поэтому рассматриваем их раздельно, отмечая редкие случаи совпадения.

В подавляющем большинстве челобитных официального характера (473 из 502) формула просьбы начиналась с развернутого обращения: полного титула, имени и отчества адресата с эпитетом *милосердый* или *милостивый* (реже *праведный*), присоединяемым к титулу царя (отсутствие эпитета отмечено только в одном акте), и *благоверная*, который включался в титул царицы. После обращения следовало побудительное (с оттенком просьбы, желания) предложение со сказуемым — глаголом *пожаловать* 'оказать милость, вознаградить',[38] с обязательным прямым дополнением (*меня, нас*). В качестве второго однородного сказуемого в формуле просьбы используется обычно глагол волеизъявления *велеть* 'приказать, дать распоряжение, повелеть'[39] в сочетании с инфинитивом, называющим желаемое действие. Вместе с *велеть* или заменяя его могли применяться и другие глаголы волеизъявления: *приказать* 'велеть, повелеть',[40] *указать* 'велеть, приказать',[41] а также *дать* (с отрицанием *не*) '(не) позволить', '(не) допустить',[42] но формулы просьбы с ними очень редки.

Таким образом, основным видом формулы просьбы во всех разновидностях челобитных официально-деловых (в 419 из 473 актов) является: *милосердый (милостивый, праведный) государь...* (титул, имя и отчество царя), *пожалуй меня (нас)...*,

[38] В источниках встречается с XIV в. (Срезневский, II, 1078).

[39] В древнерусской письменности этот глагол в значении 'выразить желание, волю' употребляется с XI в. (Срезневский, I, 242).

[40] В древнерусских памятниках в этом значении представлен с XIV в. (Срезневский, II, 1408).

[41] Только в летописных и актовых памятниках с XV в. (Срезневский, III, 1336).

[42] В этом значении в древнерусской письменности с XI в. (Срезневский, I, 633).

вели... + инфинитив желаемого действия; *милосердая (милостивая, праведная) государыня (благоверная)*... (титул, имя и отчество царицы), *пожалуй меня (нас)..., вели* + инфинитив желаемого действия. Например: *Милостивый царь государь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, пожалуй нас*, сирот своих, *вели* нам *дати* свою государеву проезжую грамоту в Литву (РБС, № 37, 58, 1603—1604 — прошение) и др.; *Млсрды гсдрь... Алексѣи Михаиловичь... пожалуи насъ*, холопеи своих, *вели*, гсдрь, тое баню ему, Стефану, *перенесть* одоле от тово нашево обшева калодѣзя (МДБП, 2, № 49, 67, 1649 — жалоба) и др.; см. также: КА, № 7, 1668 (иск) и др.; КА, № 12-2, 1675 (мировая) и др.; АЮБ, 3, № 369-17, 1697—1698 (меновная) и др.; МДБП, 2, № 5, 1625 (отсрочная) и др.; СиД, № 111, 1647 (повинная) и др.; АЮБ, 3, № 369-6, 1648 (ставочная) и др.; ЧП, № 1, 53, 1629 (явочная) и др.

Естественно, что в случае, если челобитчик хотел избежать какого-нибудь нежелательного для него действия, то глагол *велеть* (в повелительном наклонении) использовался с отрицанием. Когда же был желателен ряд действий, то *велеть* повторялся перед каждым глаголом, например: Млсрдыи гсдрь.., *пожалуи меня*, холопа своего, *не вели*, гсдрь, тот иноземцов искъ бѣс сыску на мнѣ... *править* и *вели*, гсдрь, про тот ихъ прежнеи платеж *сыскать*, в досталных днгах *вели*, гсдрь, мнѣ с... Олексѣем Андрѣевым *дат* очную ставку, и *вели*, гсдрь, у нево, Алексѣя *допросит* про ту кабалу.., и *вели*, гсдрь, ему, Алексѣю... меня... *очистит* (МДБП, 2, № 62, 75, 1667) и др.

Как правило, авторы (писцы) строго следили за правильностью построения формулы просьбы, отступления от него — пропуски развернутого обращения в начале — довольно редки, например: *Пожалуи*, гсдрня, *меня*, рабу свою, *вѣли* мнѣ *выдат* своего гсдрьскаво годовова жалываня (МДБП, 2, № 37, 62, 1641), но здесь же см. развернутое обращение в формуле конечного протокола, где оно не было обязательным. Встречаются случаи с пропуском глагола *велеть* как результат недосмотра автора (писца): Млсрдыи гсдрь... *пожалуи меня*, сироту своего, [вели] в том свои, великого гсдря, указ *учинит* и *вели*, гсдрь, меня... от кабалного холопства *освободит* (МДБП, 5, № 8-а, 225, 1676) и некоторые другие.

Кроме глагола *велеть*, в формуле просьбы могли использоваться и другие глаголы волеизъявления, они встретились только в челобитных-прошениях: Милостивый царь... [полный титул], *пожалуй нас*, холопей своих, бедных и розореных, *прикажи*, государь нам *дати* свое царьское денежное жалование (СПП, 1, 16, 1613), см. также АЮБ, 3, № 370-3, 1683 и др.; Млсрдыи гсдрь... и гсдрня црица.., *пожалуите меня*, холопа своего, *освободите* мнѣ дочеришка свое *выдать* беспенна (МДБП, 2, № 50, 67, 1649); Милосердый государь.., *пожалуй нас*, сирот своих, *учини* нам... царской *указ* (РБС, № 212, 234, 1650) и др. Отметим также сочетание глаголов *велеть* и *дать*

'позволить, разрешить, допустить' (только с отрицанием *не*): Милосердый государь.., *пожалуй меня,* горькую вдовицу, *не вели порудить* царя Федора Ивановича всеа Русии жалованье, *не дай умереть* голодною смертью (СПП, 1, 23, 1613); Милосердый государь.., *пожалуй меня,* холопа своего.. *не дай,* государь, того нашего родственного и выслуженого помѣстейца *справливать.., вели,* государь, тѣмъ своимъ прожиточнымъ помѣстьемъ *владѣть,* а *не вели,* государь, того... помѣстейца въ чюжей родъ *давать* (АЮБ, 3, № 369-8, 479, 1652); см. РБС, № 172 и 384, 1645 и 1659 и др.

В челобитных духовным лицам использовался иногда глагол *благословить* 'разрешить, позволить'.[43] Милостивый государь преосвященный Симонъ.., *пожалуй меня,* богомолца своего, *благослови,* государь, мне *быть* ко исповѣди (АЮБ, 3, № 370-4, 492, 1684) и др.

Менее распространена и встречается только в челобитных-прошениях формула просьбы, в которой глагол *пожалуй (меня, нас)* употребляется с дополнением в винительном падеже с предлогом *за* (основание просьбы, пожалования, своеобразный вывод из того, что говорилось в казусной части о заслугах челобитчика), а также с дополнениями в творительном падеже без предлога (просимое; то, чего домогается челобитчик) и в винительном падеже с предлогом *на*. В зависимости от обстоятельств эти дополнения могли использоваться в разных комбинациях. При этом глагол *велеть (вели)* мог отсутствовать. При перечислении заслуг челобитчика, оснований для пожалования предлог *за* повторялся. Приведем примеры: Милосердай и праведънай царь.., *пожалуй меня,* холопа своево, *за службу* и *за* мою *кровь,* и *за полон,* и *за* мъногия мои *раны* и *за* побытыи *лошади, вели* мне *дать*... денежная жалованья (СПП, 1, 4, 1613); Милосердый государь.., *пожалуй насъ,* холопей своихъ, *за* нашу многую *службишко,* и *за кровь* и *за* Озовское осадное *терпение, вели,* государь, насъ *сверстать* своимъ... денежнымъ жалованиемъ (ДД, 2, № 18-36, 313, 1642) и мн. др.; Милосердый государь.., *пожалуй,* государь, *меня,* нищего богомолца своего, *своимъ царьскимъ жалованьемъ на хлѣбець* или *на клячку* (АИ, 2, № 126, 152, 1608—1609); Милосердый государь.., *пожалуй меня,* сироту своего, *тем дворишкам* (РБС, № 337, 360, 1655) и др.; Государь царь.., *пожалуй насъ,* холопей своихъ, *за* наше *службишко* и *за кровь тѣмъ селцомъ Козарью да Дегтяною да деревнею Козаковою* въ наши оклады (АИ, 2, № 286, 347, 1610); Млсрдыи гсдрь... *пожалуи,* гсдрь, *нас,* холопеи своих, *своим гсдрьскимъ жалованемъ за пешноя дѣиство,* с Казеннаго двора *сукнами* (МДБП, 2, № 21, 55, 1635) и др., ср. также: Милосердый государь... *пожалуй меня,* бѣдного и розореново холопа своего, *чѣм мнѣ* на твою государеву службу *поднятца* и *чѣмъ мнѣ* на... службе *сыту быти* (СПП, 1,

[43] В этом значении в древнерусской письменности старшего периода глагол не отмечен (Срезневский, I, 105).

2, 1613); Млсрдыи гсдрь... и гсдрня блговерная црца.., *пожалуите,* гсдри, *мене,* беднова и беспомошново холопа своего, *дочеришке моеи на свадбенку, чем* вам... *бгъ известит* (МДБП, 2, № 38, 63, 1642).

Небольшая группа челобитных (их в наших материалах 7), относящихся к началу XVII в. (1608—1613 гг.), содержит формулу просьбы, в которой наряду с глаголом *пожаловать* (*пожалуй меня*) или вместо него использовалось устойчивое словосочетание *покажи милость* 'смилуйся, будь милостивым': Милостивый царь государь.., *покажи милость, пожалуй насъ,* сиротъ своихъ, и *вели* намъ *дати* своего государева пристава, и *не вели*... ратнымъ людемъ... въ село Ирково и въ деревню Поддатневу *въѣзжати* (АИ, 2, № 121, 149, 1608); Государи бояре, *покажит(е милость), велити,* государи, мне *дать* свою... грамоту (ПРП, 5, 140, 1611) и др. Это своеобразный переходный тип от формулы просьбы, характерной для жалобниц (челобитных) XVI в., к формуле просьбы официальных челобитных XVII в., ср. в жалобницах XVI в.: Милостивый государь.., *покажи милость, пожалуй меня,* холопа своего, *не вели* у насъ нашего отчества *отнять,* и *вели,* государь, мнѣ... *дать судъ* (АЮБ, 3, № 367-1, 467—468, 1569); Православный царь.., *покажи милость, вели* нам *дати*... грамоту в Смоленск и *вели,* государь, нас *пропустити* в Литовскую землю (РБС, № 14, 20—21, 1588) и др.

К этой группе примыкают 11 челобитных, в просительной формуле которых вместо элемента *покажи(те) милость* выступает глагол *смиловаться* (*смилуйся, смилуйтесь*): Милосердый государь.., *смилуйся, пожалуй насъ,* сиротъ своихъ, *вели,* государь, намъ... денегъ *дати* (АИ, 2, № 230-1, 270, 1609); см. также АЮБ, 2, № 101, 1608; СПП, 1, 9, 1613; СПП, 2, № 4, 1613 и др.; ср.: Великие Росѣйские державы Московского государства бояря и воеводы и вся земля! *Смилуйтеся, пожалуйте,* государи, [меня], *велите* мнѣ *дати* съ темъ крестяниномъ... судъ и управу (АЮ, № 36, 84—85, 1613). Всё это челобитные-прошения и исковые. Только две из них относятся ко времени после 1613 г.: повинная попа Феодосия, в которой глагол *смилуйся* употреблен с дополнением в творительном падеже с предлогом *над*: Милосердый г., *смилуйся надо мною, бѣднымъ, надъ* винным своимъ г. *богомольцемъ, пожалуй меня,* бѣднаго... богомольца, *въ винѣ* моей страдничьей (СиД, № 249, 450, 1637) — и прошение крестьянина: Государь [архиепископ Маркел], *смилуйся, пожалуй, учини* свой святительской *указъ, вели,* государь, мнѣ, сиротѣ, *владить* (!) по прежнему по двору (АЮБ, 3, № 370-1, 490, 1653). Такая формула просьбы характерна была в XVII в. для частно-деловых челобитий.

В только что приведенной цитате из повинной челобитной попа Феодосия обращает на себя внимание и употребление при глаголе *пожаловать* (*пожалуй*) дополнения в предложном падеже с предлогом *в* (*пожалуй меня... в вине* моей). Такая кон-

струкция встречается иногда в повинных челобитных: *Милосердый г., пожалуй насъ,* х. своих, бѣдныхъ и безпомошных, *въ* нашей *винѣ,* что мы ...говорили... (СиД, № 132, 215, 1648) и др.

В официально-деловых челобитных «смутного времени», адресованных гетману Сапеге, и в большинстве челобитных-прошений XVII в. на имя духовных владык (кроме патриарха) применялась формула просьбы, свойственная частно-деловым челобитьям XVII в. Мы приведем эти примеры при рассмотрении формулы просьбы частно-деловых челобитий. Как правило, челобитные официальные и частные четко разделяются по употреблению свойственных им разновидностей формулы просьбы. Исключение составляют лишь 4 челобитных на имя боярина Б. И. Морозова (из 119 челобитных Морозову) и 1 челобитная на имя И. А. Безобразова, в которых использована формула просьбы официально-деловых челобитных, чем челобитчик, по-видимому, хотел подчеркнуть достоинство адресата: *Милостивый государь Борис Иванович, пожалуй меня,* бедного и беспомошного сироту своего.., *вели,* г., мне ...*дать* на кавтанишко, а ребятишком на рубашенки (АХБМ, 1, № 193, 205—206, 1652), см. также АХБМ, 1, № 104, 1651; АХБМ, 2, № 408 и 534-2, 1660; *Млствыи гсдрь Илья Аврамевич, пожалуи меня,* црьского нищего бгомолца, ..*быть на* отцовѣ *мѣсте* и братеи (ПНРЯ, № 190, 103, 1669).

Таким образом, в официально-деловых челобитных XVII в. единой формулой, с помощью которой передавалось содержание просьбы, являлась формула *милосердый (милостивый, праведный) государь (государыня).., пожалуй меня (нас).., вели (не вели* и др. глаголы волеизъявления)... или *милосердый государь.., пожалуй меня (нас)... чем (за что чем, на что чем).* Остальные разновидности формулы просьбы представляют собой либо устаревший вариант, употреблявшийся в XVI в., либо варианты, обычные для частно-деловых актов. Из всех рассмотренных челобитных только в 7 отмечено отсутствие просительной части и соответствующей формулы, после казусной части следует конечный протокол: *царь государь, смилуйся, пожалуй.*

Формула просьбы в частно-деловых челобитных представлена большим числом вариантов.

1. Основной вид формулы просьбы в частно-деловых челобитных (187 из 293, или 64%) представляет собой побудительное предложение, которое начиналось с повелительной формы (с оттенком просьбы, пожелания) глаголов *умилостивиться* 'проявить милость, сжалиться' или *умилосердиться* 'проявить жалость, милосердие', затем следовали развернутое обращение (титул, имя и отчество адресата), повелительная форма глагола *пожаловать* с прямым дополнением (*пожалуй меня, нас*) и повелительная форма от глагола волеизъявления *велеть* (*повелеть, поволить, приказать, указать*) в сочетании с инфинити-

вом глагола, обозначающего конкретное желаемое действие: *умилостивись (умилосердись), государь.., пожалуй меня.., вели (повели, поволь, прикажи, укажи)* + инфинитив глагола желаемого действия. Когда челобитчик старался избежать какого-нибудь действия, глаголы волеизъявления выступали с отрицанием *не* (*не вели* 'не позволь, не разреши', *не дай* 'не допусти, не позволь' и др.).

Приведем примеры: *Умилостивися, государь.., пожалуй нас,* сирот своих, *вели,* г., нам *кормитца* на Екшени и на Катарше — *держать* квас и сусла бес перекупу (АХБМ, 2, № 398, 100, 1660) и др.; *Умилосердися, государь.., пожалуй меня,* сироту своего, *вели,* государь, на того Прокофия... *дать судъ и управу* и по суду *указъ* свой *учинить* (ЧШ, № 1, 46, 1639) и др.; *Умилостивис, гсдрь.., пожалуи меня,* беднова и бесприютного сирату своего, *не вели,* гсдрь, напрасна вканецъ *пагинут* (ПНРЯ, № 99, 58, 1682) и др.; *Умилосердись, государь.., п[ожа]луй нас,* бедных, *не вели,* г., мостов[щи]ны *имать* с людишек наших и с крестьянишек (АХБМ, 1, № 119, 175, 1651) и др.; *Умилостивися государь.., пожалуй насъ,* сиротъ своихъ, *поволь,* государь, намъ... на рекѣ Шуѣ *построить* мельницу (ЧО, № 79, 107, 1684) и др.; *Умлстивитеся, гсдри..,* пожалуте (!) насъ.., *прикажите* полавину оброку *взять* (Гр., № 121, 71; 1709) и др.; *Умилостивися, государь.., пожалуй меня,* бѣднова, *укажи,* государь, рубашечку и портки *дать* (КЧ, № 3, 43, втор. пол. XVII в.) и др.; *Умилостивися, государь.., пожалуй нас.., учини,* г., нам... свой государев *указ* (АХБМ, 1, № 175-2, 198, 1652 и др.); *Умилосердися, государь.., пожалуй,* г., *меня, ..учини* свой боярский *указ* (АХБМ, 2, № 465, 145, 1660) и др.

Вместо глаголов волеизъявления в этой формуле могли выступать и другие глаголы: *Умилосердися, государь.., пожалуй меня.., польготь,* государь, въ своемъ... оброкѣ, *дай,* государь, *посправитца* (ЧО, № 1, 64, 1673) и др.; *Умилостивися, государь.., пожалуй нас.., не поверь,* г., тому... ложному *челобитью, не вели,* г., у нас... тое мельницу напрасно *отнять* (АХБМ, 1, № 55, 123, 1650).

Как и в формуле просьбы официально-деловых челобитных, глагол *пожаловать* (*пожалуй меня, нас*) мог иметь дополнения в творительном падеже без предлога (содержание просьбы, просимое), в предложном падеже с предлогом *в* (просимое), в винительном падеже с предлогом *на* (цель, назначение пожалования): *пожалуй меня..* чем (в чем, на что чем), — а также дополнение в родительном падеже с предлогом *для* или *ради* (основание, мотив просьбы): Умилостивися, государь.., *пожалуй насъ... сидѣньемъ и ссудою* хлѣба, *укажи выдать...* (КЧ, № 7, 44, втор. пол. XVII в.) и др.; Умилостивися, государь.., *пожалуй нас...* на нынешний год *в* своем государеве *оброке* и *в* столовых *запасех* (АХБМ, 1, № 56, 126, 1650) и др.; Умилостивися, государь.., *пожалуй меня для* моей *скудости на хоромишки лесу* (АХБМ, 2, № 365, 77—78, 1659) и др.; см. так-

же с дополнением — формулой *для (ради) своего многолетнего здравия (здоровья)* и *ангела (ангелов) своего (своих) хранителя (хранитель)*: Умилосердися, гсдрь.., *пожалуй* насъ... *для своего многолѣтнова зъдравия, вели*, государь, той вѣдовѣ... *дать* намъ симянъ и с приполономъ (ЧО, № 53, 92, 1672) и др.; Умилостивитеся, государи.., *пожалуйте меня... для своего многолѣтнова зъдравия и аггелъ своихъ хранитель, велите*, государи, *дать* льготки въ... оброкѣ (ЧО, № 40, 84, 1673) и др.

Вариант рассматриваемой формулы возникает в результате отсутствия (пропуска ?) элемента *пожалуй меня (нас)*, например: *Умлстивис, гсдрь.., вели*, гсдрь, про смерть отца нашего *розыскат..*, и *вели*, гсдрь, *дат* имь... очныя ставки (ИНРЯ, К, № 52, 44, кон. XVII — нач. XVIII в.), ср. АХБМ, 1, № 95 и 128, 1651 и мн. др.; *Умилосердись, государь.., вели*, г., мне того... крестьянина... *отдать* (АХБМ, 2, № 403-1, 104, 1660) и др. В этом варианте формулы просьбы тоже могли употребляться различные глаголы волеизъявления: *Умилостивися, государь.., дай* свой праведный *сыск* (АХБМ, 2, № 450-1, 133, 1660) и др.; *Умлстивися, гсдрь.., не даи* намъ... *разбрестись* вразнь (Гр., № 126, 72, 1709) и др.; *Умилостивися, гсдрь.., прикажи* намъ ржи *дать* (Гр., № 181, 103, XVII — нач. XVIII в.) и др.; *Умилостивися, гсдрь.., прости в винѣ* моеи страдничье.., *изволь*, гсдрь, ..*взят* грамоту (Гр., № 146, 81, XVII — нач. XVIII в.); *Умилостивись, государь.., укажи*, государь, мнѣ по обѣщанию *постричься* (ЧО, № 69, 102, 1684) и др.; *Умлстивися, гсдрь.., да* беднова сират(ы), *учини* свое млстивое... *призрение* и *не даи*... тяглу *запустет* (ИНРЯ, С, № 47, 200, кон. XVII — нач. XVIII в.) и др.

В группе частно-деловых челобитных в описываемой формуле просьбы вместо элемента *пожалуй меня (нас)* или одновременно с ним используется глагольное словосочетание *вели пожаловать* с дополнением-глаголом желаемого действия. Этот элемент служил для эмоционально-экспрессивного усиления просьбы: Умлстивитес, гсдрь.., *велите*, гсдри, *пожаловат, дат* мнѣ, убогому, саломки овинецъ на кровлю (Гр., № 478, 294, 1667); ср. АХБМ, 2, № 399-1, 1660; Гр., № 479, 1668 и др.; Умилосердися, государь.., *пожалуй меня*, сироту своего, *вели*, г., *пожаловать* меня ис села Лыскова *отпустить* к Москве работишкою своею покормитца (АХБМ, 2, № 300, 38, 1652), ср. здесь же № 261 и 355, 1652 и др.

Стремление автора (писца) усилить воздействие на адресата проявляется также во включении в состав рассматриваемой формулы после обращения глаголов *смиловаться, пощадить, помиловать*, что приводит к сложению эмоционально-экспрессивных тавтологических повторов. Такие повторы обнаружены преимущественно в челобитных Одоевским (Галичский уезд): Умилосердись, государь.., *пощидай* [= пощади, дай], государь, ф томъ хлѣбѣ сроку, *не изгони и... не вели* на правеже *замучить* (ЧО, № 11, 70, втор. пол. XVII в) и др.; Умилосердися,

государь.., *пощади и помилуй.., не помори,* государь, голодною смертию.., *вели,* государь, *дать...* въ займы ржи... да овса... на симяна (ЧО, №52, 91, втор. пол. XVII в.); Умилосердися, государь.., *смилуйся,* государь, *пожалуй насъ.., польготь... намъ во* своемъ... *оброке* (ЧО, №19, 74, втор. пол. XVII в.) и др.; Умилосердитеся, государи.., *смилуйтеся,* государи, *пожалуйте меня,* сироту своево, *велите,* государи, *пожалуйте* [пожаловать ?] *дать* мнѣ... лготки во своемъ... оброке и в столовомъ запасе (ЧО, №24, 76, втор. пол. XVII в.) и др.; ср. в челобитных Самариным: Умилосердися, гсдин.., *помилуи меня,* убгова бгамолца вашего, *пожалуи* [*меня*], *блговоли* мнѣ... *выделит* в землѣ... долю (ИНРЯ, С, № 80, 214, XVII — нач. XVIII в.). Эта челобитная написана дьяконом Е. Михайловым, возможно, что крестьянские челобитные Одоевским, в которых употребляется тавтологический повтор *умилосердись... помилуй (пощади, смилуйся),* тоже написаны сельским священником или дьячком.

При пропуске в рассматриваемой формуле просьбы элемента *пожалуй меня (нас)* глагол *умилостивиться (умилосердиться)* мог иметь при себе дополнение с предлогами над + творительный падеж существительного (местоимения) или *до* + родительный падеж существительного (местоимения): *Умилостивис,* гсдрь.., *нат сирот*[*о*]*ю,* что о том твои указ будет (ИНРЯ, Ч, № 7, 226, XVII — нач. XVIII в.); *Умилостивися,* г., *надо мною, вели,* г., *пустить* крестьянишек моих в свой... лес для дровишок (АХБМ, 2, №442, 129, 1660); И ты, гсдрь, *умилосердися до мѣня,* убогова, *не озноби* озяблою смертию, *извол,* гсдрь, ту клячу *сослати* ко мнѣ (ИНРЯ, Ч, №2, 223, 1672); *Умилостивися,* государь, *до насъ.., пожалуй,* государь, *отпусти* насъ... домой (КЧ, № 5, 44, втор. пол. XVII в.) и др.

Только в одной челобитной старосты (или приказчика) отмечена замена глагола *умилосердиться (смиловаться)* глаголом *смилосердиться:*[44] *Смилосердитеся,* гсдри.., *надо мною,* сиротою своею, *велите,* гсдри, меня *переменит,* старощен я.., члвкъ есми кропотливои, ума моег(о) столко не стало (Гр., №57, 43, XVII — нач. XVIII в.). Использование глагола *смилосердиться,* как и пропуск элемента «пожалуй меня», свидетельствует о неумении автора (писца) оформлять челобитные, об этом же говорит и отсутствие в челобитной казусной части, мотивировка просьбы излагается в просительной части.

В двух челобитных вместо глагола волеизъявления к глаголу *умилостивиться* и обращению присоединяется придаточное предложение: *Умлстивитеся,* гсдри наши, *будет ли нам гсдрвъ указ ѡ том* (Гр., №234, 126, 1658); *Умилостивис, гсдрь.., нат сирот(о)ю, что о томъ твои указ будет* (ИНРЯ, Ч, №7, 226, XVII — нач. XVIII в.). Такое построение формулы просьбы

[44] В исторических словарях (Востокова, Срезневского, Дювернуа) глагол *смилосердитися* не отмечен, но ср. представленные в них *смилитися, смиловатися.*

является трансформацией заключительной формулы отписок: *И о томъ,* г., мнѣ, х. твоему, *какъ укажешь* (Отписка дедиловского воеводы — СиД, № 36, 45, 1628) и др.: *В том, что* ты, г., *укажешь?* (Отписка приказчика М. Гомзякова Б. И. Морозову — АХБМ, 1, № 100, 163, 1651) и др.

Как уже говорилось, рассматриваемая формула частно-деловых челобитных встречается в официальных челобитьях на имя светских лиц (гетмана Сапеги) и духовных властителей, кроме патриарха. Это, как правило, челобитные крестьян, посадских людей, представителей духовенства: *Умилосердисв, государь гетманъ Петръ Сопѣга Павловичь, пожалуй меня,* государева богомольца и своего, *вели* мнѣ Ивановскому бахмата *отдать,* а Долагирдю *вели* за рану мнѣ *заплатить* (АИ, 2, № 236, 278, 1609) и др.; *Умлстивися, гсдрь преосвященный Гавриилъ.., пожалуй меня,* нищего.., *благослови,* гсдрь, мнѣ *быть* в тои пустынѣ *дьячком* (Гр., № 472, 290, XVII — нач. XVIII в.); см. также АЮБ, 3, № 370-2, 1672 и др.

2. Вторая разновидность формулы просьбы в частно-деловых челобитных начиналась с предложения-штампа *милости у тебя (вас)... прошу (просим; прошаю, прошаем),*[45] в состав которой в качестве приложения к личному местоимению *тебя (вас)* входило постпозитивное приложение: титул или титул, имя и отчество адресата (адресатов), после этого следовала повелительная форма глагола *пожаловать* с дополнением в винительном падеже *(пожалуй меня, нас)* повелительная форма от глагола волеизъявления *(вели, дай, учини* и др.) с инфинитивом глагола желаемого действия. Такая формула просьбы представлена в 29 (10%) челобитных: *Милости у тебя, государя, прошаю, пожалуй меня,* сироту своего.., *вели,* государь, на работу за уход *дать,* или *вели,* государь, меня *переменить..,* иному крестьянину... пчелы ухаживать (ЧО, № 33, 80, 1673), см. здесь же № 13, 15, 21 и др.

Варианты этой разновидности формулы просьбы возникали в результате пропуска элемента *пожалуй меня (нас),* замены его повелительной формой глагола *пощадить* (с дополнением в предложном падеже с прелогом *в* — объект просьбы) или замены повелительной формы глагола волеизъявления повелительной формой от глагола (не)желаемого действия: *Милости у тебя прошу, вели* дров *усечь* в вотчине своей боярской.., да людишек и крестьянишек моих *вели...* по мосту *пропускать* (АХБМ, 1, № 174, 197, 1652), см. также АХБМ, 2, № 459, 1660; *Милости у тебѣ, гсдрь, просимъ, пожалу*[*и*], гсдрь, [нас], *збав* с насъ доли по четверти с рубла (!) (ИНРЯ, С, № 70, 210, XVII — нач. XVIII в.); *Милости у тебя, государя, прошаю, дай,* государь, ф томъ хлѣбѣ *сроку* (ЧО, № 10, 70, втор. пол. XVII в.) и др; *Милости у вас, гсдреи, прошаю, Андрѣи Никитич и Петрь* Андрѣевичь, *учините* свое милостливое *разсмотрение.., велите*

[45] Это предложение использовалось в частно-деловых челобитных-прошениях в качестве формулы, начинающей казусный раздел (см. выше).

пожаловат дат сенца и соломки и мякин (ИНРЯ, С, № 49, 201, XVII — нач. XVIII в.); *Милости у тебя, государя, прошаю, пощади,* государь.., *в...* Рожественскомъ *оброкѣ, не вели...* на правеже *забить, дай... посправитца* сего году (ЧО, № 32, 80, 1673) и др.

3. Третьей разновидностью формулы просьбы в частно-деловых челобитных (она отмечена в 33 актах) является формула, которая представляет собой контаминацию конечного протокола и одной из формул просьбы, описанных выше. Эта разновидность начинается с повелительной формы глаголов *смиловаться, пожаловать* (реже — *помиловать* и *пощадить),* затем следуют обращение (титул, имя и отчество адресата или только его титул) и те же элементы, что и в формулах просьбы, которые были рассмотрены выше: *Смилуйся, государь.., пожалуй меня, вели,* г., мне тое крестьянку... *отдать...* и о том *дать* свою... *грамоту* (АХБМ, 2, № 445, 130, 1660); *Смилуи[ся], гсдрь, пожалуи [меня], не вели* напрасно *доправит* на мне (ИНРЯ, Ч, № 36, 242, XVII — нач. XVIII в.) и др.

Последовательно эта формула просьбы выдерживается лишь в некоторых официальных челобитных начала века на имя Сапеги, например: *Смилуйся, государь великий панъ Петръ Павловичь Сапѣга, надъ нами,* бѣдными и разореными, *не вели,* государь... тому воеводѣ Прокофью Карповичю Стадницкому въ табары *ѣздити,* а *вели...* ему у насъ въ Переславлѣ *быти воеводою* (АИ, 2, № 352, 419—420, 1608—1609), см. здесь же № 128, 1608—1609 и др. — а также в немногих частно-деловых актах. В большинстве последних указанная формула представлена рядом индивидуальных вариантов (автора или писца). В них обнаруживаем пропуск элемента *пожалуй меня (нас),* употребление дополнения к глаголу *смиловаться: смилуйся над кем, до кого*; дополнений к глаголу *пожаловать* или *пощадить: пожалуй (пощади) в чем (чем* или даже с придаточным дополнительным), сочетание нескольких глаголов со значением мольбы, просьбы и т. д.

Приведем некоторые наиболее типичные примеры: *Смилуися, гсдрь.., над бѣдным, пожалуи меня... в вине,* купит, гсдрь, не на што, а сидет нечем, *помилуи,* гсдрь, .. *даи* бѣдному *свет вцдат, не даи* [б]ѣдному вконец *погинут* (ИНРЯ, Ч, № 21, 233, XVII — нач. XVIII в.); *Смилуися, гсдрь.., до нас.., пожалуи,* гсдрь, *намъ...* но [на] зовот, *что хлебъ въ Рясны спорнои с Козловыимъ.., не дадаи* (!), гсдрь, ...въ конецъ *погинуть* (ИНРЯ, С, № 45, 199, XVII — нач. XVIII в.); *Смилуйся, г., надо мною, вели пожаловать* крестьянишок моих *пустить...* в лес... урубить хоромнова лесу (АХБМ, 2, № 419, 113, 1660); *Смилуйся, гсдрь.., пощадите нас,* сирот своих, *в оброке,* в другои половине (Гр., № 137, 77, 1696); *Смилуитеся, гсдри, и помилуите,* гсдрня.., гсдрь.., *перемѣните,* гасдари наши, *приказнова* сего *человека* (ИНРЯ, С, № 65, 208, XVII — нач. XVIII в.); *Пожалуи, гсдрь.., прикажи*

ему [отчиму] хатя матери моеи пожитокъ *оддать.., пожалуи,* гсдрь.., *не даи* мне вконецъ *розаритца* (ИНРЯ, С, №64, 207, XVII—нач. XVIII в.); *Пожалуйте, государи, умилостивитеся, заплатите* и намъ *пришлите* отписи.., *учините* вы, государи, ..въ томъ пустѣ [заброшенном, пустом месте] *указъ* (КЧ, №6, 44, втор. пол. XVII в.); *Помилуи, гсдрь, не вели* приказному члвку с нас [деньги] *править* (ИНРЯ, С, №68, 209, XVII—нач. XVIII в.; *Помилуи, гсдрь.., не даи* нам, сиротам, *роззоритца* вконецъ бѣз остатку, *прикожи,* гсдрь, по очереди *ходит* в старостах.., *помилуи,* гсдрь, *прикожи выбрать* по череде из оных артелеи (ИНРЯ, С, №77, 212—213, XVII—нач. XVIII в.); *Пощади, гсдрь, нас,* сирот своих, своим боярским *оброкомъ* денежьным *и* столовым *запасомъ* (ИНРЯ, Ч, №20, 233, XVII—нач. XVIII в.); *Пощади и помилуи сироту своего обороком* своим.., *пощади,* Мартын Василевичь, *сироту своего,* потому что скуденъ и бѣденъ.., *пощади,* гсдрь.., *прикажи,* гсдрь, овса *дат* на симяна (Гр., №136, 76, 1696) и др.

Повторением в этих вариантах глаголов просьбы, мольбы, многократным использованием обращений, эмоционально-экспрессивных приложений, эпитетов и т. д. челобитчик (или писец) старался усилить воздействие на чувства адресата, побудить его обязательно выполнить изложенную просьбу. Эти трансформации формулы просьбы бесспорно носят разговорный характер, связаны с обиходно-бытовой речью.

4. В части крестьянских челобитных (17 актов) формула просьбы отсутствует, и после изложения сущности дела следует конечный протокол. В 23 частно-деловых челобитных описанные выше формулы просьбы, характерные для официальных и частных челобитий, выступают в какой-то одной своей части. Это либо обращение, после которого следует повелительная форма глагола волеизъявления, глагола со значением мольбы, просьбы + глагол (не)желаемого действия или же дополнение в творительном падеже без предлога (в предложном падеже с предлогом *в*): *пожалуйте меня чем (в чем),* либо повелительная форма глагола волеизъявления, за которым шло обращение и далее глагол (не)желаемого действия или дополнение в родительном падеже: *велите дать; дайте льготки* и др.

Таким образом, в этих актах обнаруживаем замену традиционных делопроизводственных формул конструкциями повседневной обиходно-бытовой речи: *Государь боярин Борис Иванович, вели* тое корову мне *отдати... и вели,* г., мне *дать...* грамоту (АХБМ, 2, №441, 128, 1660); *Гсдрь Бетрь Аньдреявичь* (!), *не даи* мнѣ, сираты, от того бывьшаго зятя *розаритьця* (ИНРЯ, С, №67, 209, XVII—нач. XVIII в.), см. также ИНРЯ, С, №60, 61, 67 и др.; *Федор Максимавичъ, смилуися и пожалу*[*и*], *не пусти* мижи двор, *не даи умерет* голоднаю смерютью (!) (ИНРЯ, Ч, №35, 242, XVII—нач. XVIII в.), см. здесь же №: 10, 34, 44 и др.; с инверсией обращения и с дополнениями к глаголу *пожаловать* (*пожалуй* кого, что): *Пожалуи-*

те меня, сирату свою, на Кучи *Кириловь дворь, гасударь Ондреи Никитичь и гасударня Оксинья Семеновна* (ИНРЯ, С, №42, 198, XVII — нач. XVIII в.) и др.; *Вели, г.,* тот хлеб *дозри(ть),* кому ты, г., изволишь (АХБМ, 2, №323-1, 47, 1652); *Вели, государь,* с меня земли *зъбавить* десятину... или, государь, *пожалуй меня в* Рожественскомъ *оброкѣ, польготь, дай льготки* (ЧО, №35, 82, 1673), см. здесь же №43, 59 и др.; *Прикажи, гсдрь Петрь Андеревичь* (!), *не даи* мне вконец *розаритци.., помилуи,* гсдрь, ..(ИНРЯ, С, №73, 211, XVII — нач. XVIII в.); *Не даи, гсдрь..,* мнѣ, сироты, *разарица,* ат то(и) я... пуеьтоши кормился (ИНРЯ, С, №56, 204, XVII — нач. XVIII в.), см. здесь же №54 и 69; *Дайте, государи,* ф томъ своемъ хлѣбе *сроку.., не велите,* государи, на правеже *замучить... и* из вотчины *изгонить* (ЧО, №62, 98, втор. пол. XVII в.) и др.

В одной из крестьянских челобитных просьба о разрешении племяннице челобитчика жить в вотчине А. Н. Самарина выражена при помощи воспросительного предложения: *Изволиш ли ты, гсдрь, тое вьдовицу дерьжатъ въ вотчине твоеи... въ селе Ельцахъ?* (ИНРЯ, С, №44, 199, XVII — нач. XVIII в.).

Итак, рассмотрение формулы, в которую заключается содержание просьбы в частно-деловых челобитных, показывает, что она и по своему строению и частично по лексике, входящей в ее состав, отличается от аналогичной по назначению формулы официально-деловых челобитных: на первое место выдвигаются глаголы с эмоционально-экспрессивным значением — *умилостивись, умилосердись, смилуйся, пожалуй, пощади, помилуй.*

Подавляющее большинство челобитных (64%) использует формулу *умилостивись (умилосердись), государь.., пожалуй меня (нас).., вели (прикажи, укажи* и др.).., которая была нормой при оформлении частно-деловых челобитий. Вместе с тем более одной трети актов употребляют при оформлении просьбы другие средства: формулы, начинающиеся с предложения-штампа *милости у тебя... прошу (прошаю),* с глаголов *смилуйся, пожалуй, помилуй, пощади;* варианты формул просьбы официально-деловых челобитных, начинающиеся с обращения; какая-нибудь отдельная часть формулы просьбы. Обилие вариантов формул просительного раздела свидетельствует и о меньшей обученности, профессиональности авторов (писцов), писавших эти акты, а следовательно, о большем проявлении здесь стихии разговорной речи, и о стремлении авторов и писцов с помощью отступления от трафарета добиться большего воздействия на адресата, побудить его к выполнению просьбы. Это стремление к эмоциональности просительной части обусловлено тем, что частно-деловые челобитные являются по преимуществу всякого рода прошениями. В отличие от официально-деловых прошений, в которых обращались с просьбой главным образом о том, что просителю было положено

юридически (выплатить жалованье, установить поместный или денежный оклад, выдать кормовые деньги или деньги за переход на службу и т. д.), в частно-деловых челобитных излагались просьбы, которые вотчинник или помещик волен был удовлетворить или не удовлетворить (уменьшить оброк или перенести срок его выплаты, сократить тяглый участок, отпустить на заработки, дать ссуду и т. д.).

Лексика, которой наполняется формула просьбы в частно-деловых челобитных, значительно разнообразнее, чем в официальных челобитьях. В ней представлено большое количество обиходно-бытовых слов, глаголов, характерных для разговорной речи, например: *ознобить (озяблою смертью), польготить, поморить (голодом), посправиться, прошать, усечь (дров), сослать* 'прислать, переслать' и др. Элементы разговорной речи проникают даже в состав самой формулы просьбы, см., например, замену глагола *велеть* глаголом *поволить* 'соизволить, приказать' (ЧО, № 79, 107, 1684 и др.), который по данным исторических словарей (Срезневский, II, 1002), памятников XVI—XVII вв. употреблялся преимущественно на северно-русской территории.[46]

Глаголы *умилосердиться* и *смиловаться,* входящие в состав формулы просьбы частно-деловых челобитных,[47] издавна известны в древнерусской письменности. *Умилосердиться* 'почувствовать к кому-н. жалость' встречается в церковно-богослужебной и проповеднической книжности, а также агиографии с XI—XII вв. (Срезневский, III, 1206; Востоков, 505) и в этом значении сохраняется до конца XIX в. как книжное слово. *Смиловаться* 'проявить милосердие, сжалиться' впервые отмечен в религиозном отступлении Хождения Афанасия Никитина: И господь Богъ *смиловаса* на свои честныи праздникъ... (Срезневский, III, 747) и также сохраняется до наших дней.

Глагол *умилостивиться* 'проявить милость, смиловаться, сжалиться' историческими словарями в древнерусской письменности не отмечен,[48] в них представлено лишь существительное *милость* 'доброе, великодушное отношение, милосердие', зафиксированное уже в памятниках старшей поры (Срезневский, II, 137), и производные от него *милостивый* 'благорасположенный, склонный к милосердию', *милостник (-ница)* 'любимец (любимица)' и др. Глагольное значение передавалось глаголом *миловать* 'любить', 'проявлять милосердие, поддерживать, помогать', а также глагольно-именными сочетаниями: *творити милость, держати в милости, явити милость, показовати милость* (см. под *показовати* — Срезневский, III, 747), *показати милость* (сер. XVI в., примеры см. выше). Все отмеченные слова и глагольно-именные словосочетания использовались в церковно-богослужебной, поучительно-проповеднической письменности, агиографии и летописях.

Глагол *умилостивить(-ся)* возник, по-видимому, в церковно-книжной письменности не ранее XV—XVI вв., он образован от прилагательного *милостивый:* *у + милостив(ый) + -и-(-ти-ся),* по модели — *у-мил(ый) -и(-ти, -ся), у-мудр(ый)-и(-ти, -ся), у-милосерд(ый)-и(-ти, -ся)* и др. В XVI в. глагол этот обычен в деловой письменности. Это могло быть обусловлено и тем, что в связи с укреплением царского самодержавия и

---

[46] Ср. данные диалектных словарей XIX—XX вв. (ООС, 161: новг., яросл.; Даль, 3, 146: сев.; Мельниченко, 148: яросл; и др.).

[47] См. уже в жалобнице 1533—1536 гг.: Государь князь великий, *умилосердись,* обыщи, о чемъ есмя, государь, загибли, служачи тобѣ, государю (АИ, 1, № 136, 198).

[48] Но см.: Востоков, 505 — без ссылки на источник.

обожествлением монарха ему стал присваиваться эпитет *милостивый*. Так, в жалобницах 1533—1536 гг. (пример см. выше) и 1667 г. в обращении к царю эпитет отсутствует: Государь царь князь велики, смилуйся (АЮБ, 1, № 52-8, 230), но в жалобнице 1569 г.: *Милостивый* государь царь... Иванъ Васильевичь ... покажи милость... (АЮБ, 3, № 367-1, 467), ср. также обычный во второй половине XVI — начале XVII в. эпитет *милосердый*, который после 1613 г. почти полностью заменяется эпитетом *милостивый*. Одновременно с прилагательным-эпитетом *милостивый* начинает употребляться в жалобницах (челобитных) и глагол *умилостивиться*, сначала, видимо, в актах официальных, а затем и в частных. В XVII в. *умилостивиться* встречается не только в частно-деловых челобитных, но и в письмах, где он выполняет ту же функцию — выражение эмоционально усиленной просьбы, мольбы, например: И ты, гсдрь [московский купец К. П. Калмыков], *умилостивис*, призри нас на (!) убогих, отпиши в Страхнъ..., чтобы его [сына приказчика А. Лукьянова] выкупить [из плена] (Гр., № 336, 178, 1694) и др.

В лексикографических трудах глагол *умилостивить(ся)* или его производные представлены с начала XVII в.: *умилостивение* (Берында, 139), *умилостивляю* (Поликарпов, 1704), *умилостивить(ся), умилостивлять(ся), умилостивительный, умилостивление* (Лексикон 1762 г., САР, Словарь П. С. и др.).

При изложении содержания просьбы наряду с глаголами того или иного желаемого (или нежелаемого) действия очень часто включаются глагольно-именные устойчивые сочетания, относящиеся к приказно-деловой, юридической (судопроизводственной) терминологии: *учинить указ* 'вынести решение', *дать (давать) суд (суд и управу)* 'назначить (назначать) судебное рассмотрение дела', *дать* кого-н. *на поруки, (за) пристава* 'передать кого-н. на чье-н. поручительство (под охрану)', *дать (давать) очную ставку* или *поставить* кого-н. с кем-н. *на очную ставку (с очей на очи), поставить в приказе* 'допросить в судебном органе', *дать сроку* 'отсрочить судебное разбирательство', *взять* (челобитную или другой документ) *к делу, взять поруки* по ком-н. 'то же, что *дать на поруки*' и др.

Использование этих широко известных, вошедших в общенародное употребление приказно-деловых и судопроизводственных устойчивых словосочетаний с глагольным значением характерно для официально-деловых исковых (реже изветных, явочных), отсрочных и ставочных челобитных, которые были документами судебными, например: И вели, гсдрь, людеи ево [В. В. Зубова] *поставит [в приказе]*... и по своему... указу свои, великого гсдря, млстивои *указ учинить* (МДБП, 2, № 61, 74, 1666, ср. в помете: гсдрь пожаловал, велѣл зятя ево *поставит в Розряд* и... роспросит), см. также РБС, № 79, 1629; МАМЮ, № 5-6, 1631 и мн. др.; Велите, государи, въ том на нихъ, Остафья и на сына ево, Спиридона, *дать* свой царьской *судъ* (КА, № 37, 96, 1686), см. также МАМЮ, № 84-2, 1688 и мн. др.; Вели... *дать* на н(его), Ивана... въ ево Ивановѣ носилствѣ и въ продажѣ свой царской *судъ и управу* (МАМЮ, № 76, 381, 1638), то же МДБП, 2, № 7, 1626; КА, № 5-1, 1688 и мн. др.; Вели, гсдрь, ево, Прохора за поруками *выслать* к Москве в Устюжскую четверть *к суду* (МДБП, 2, № 65, 77, 1668) и др.; Велите, государи, ея, Марью, на Кунгурѣ въ при-

казной избѣ допросить и *дать* мнѣ... съ нею *очную ставку* (КА, № 37-7, 85, 1686) и др.; Вели, государь, мне *дать пристава* и того моево человека *взять в Розряд* и роспросить и по роспросу свой государевъ *указ учинить* (РД, I, № 34-1, 66, 1666) и др.; Вели, гсдрь, *дат* мнѣ *сроку,* покаместо сын мои будет ис Трубчевска (МДБП, 2, № 54, 70, 1656) и др. Вели, государь, сю мою челобитную *къ дѣлу взять* (МАМЮ, № 76-7, 390, 1638) и др.

Более редки эти элементы деловой и судебно-процессуальной терминологии в частно-деловых челобитьях, последовательно используется в них лишь *учинить указ:* Вели, г., мне, х. с., с ним, Игнатьем, в том карабине свой государев *указ учинить* (АХБМ, 2, № 471, 148, 1660), см. также ИНРЯ, С, № 40, 1677; ЧО, № 36, 82, втор. пол. XVII в. и мн. др.[49]; Вели, государь, на тово Прокофья въ насилствѣ... *дать судъ и управу и* по суду *указъ* свой *учинить* (ЧШ, № 1, 46, 1639) и др.; И вели, г., *поруки* по мне *взять* в селе Лыскове (АХБМ, 2, № 371, 80, 1659).

В повинных челобитных используется постоянно фразеологическое сочетание *отдать вину* 'простить' или формула-штамп *а в вине моей (нашей) ты... волен:* Милостивый царь.., смилуйся надъ нами, *вину* нашу *отдай* (АИ, 2, № 101, 133, 1608); Вели, г., мою *вину отдать* (СиД, № 25, 27, 1626) и мн. др.; ср. в Разговорнике 1609 г.: Ja tebe *vinu oddam.* Ich wyll du de schult tho geuen (ТФ., л. 209, с. 155).: *А в вине нашей ты,* великий государь, *волен* (РД, II-1, 325, 411, 1670) и др.

Рядом с этими обычными формулами-штампами в повинных челобитных встречаем также отмеченное выше *пожалуй меня (нас) ...в моей (нашей) вине:* Милосердый г., *пожалуй насъ,* х. с. бѣдныхъ и безпомошныхъ, *въ нашей винѣ* (СиД, № 132, 215, 1648) и др.; *положить (вину) на милость свою:* Вели, г., пожаловать, мою страдничью *вину положить на милость свою* государскую (СиД, № 260, 479, 1637), ср. АИ, 2, № 101, 1608 и др.; *учинить указ в моей (нашей) вине (о...вине):* Вели, г., въ той *моей винѣ* свой царский *указ учинить* (СиД, № 88, 150, 1645) и др.; Вели, г., мнѣ *о* той *моей винѣ* свой ц. *указъ учинить* (СиД, № 292, 544, 1648).

Из двух частно-деловых повинных челобитных в одной обнаруживаем обычную формулу: *А в моей страдничье вине волен ты,* г. (АХБМ, 1, № 79, 145, 1650); а в другой используется, по-видимому, разговорный вариант: глагол *простить* с дополнением в предложном падеже с предлогом *в (в вине):* Смилуйся, гсдрь, *прости в вине моей,* я и сам тому не рад, что так сотворил (ИНРЯ, С, № 47, 200, XVII — нач. XVIII в.).

В изветных, мировых, ставочных и явочных челобитных

[49] Ср. также ошибочное употребление глагола *указать* вместо *учинить: Укажите,* государи, о томъ свой государъской *указъ,* имать ли с тѣхъ льготчиковъ въ мирские державы с миромъ в рядъ — ЧО, № 6, 67, 1673.

официального характера обычной является клаузула о записи (приеме и записи) челобитья, т. е. просьба об официальной регистрации акта и включении его в столпцы приказной документации. Такая запись была охранной мерой, она избавляла челобитчика от обвинения в недонесении о «государевых словах или делах» (изветные челобитные), от подозрения в совершении преступления при несчастных случаях и т. д. или обеспечивала от угроз (явочные челобитные), предупреждала обвинение в неявке на суд, а тем самым признание виновным (ставочные челобитные). Подача и запись челобитной прерывала ход судебного процесса (отсрочные, мировые челобитные).

Укажем все варианты выражения клаузулы о записи (и приеме) акта: Милосердый государь, пожалуй меня, х. своего, вели мое *челобитье записать* (СиД, № 2, 2, 1616 — извет), ср. КА, № 48, 114, 1686 — мировая; МДБП, 2, № 98, 95, 1675 — ставка; РБС, № 79, 102—103, 1629 — явка и мн. др.; Вели, г(осударь), мою *челобитную принять и подписать* (СиД, № 164, 294, 1623 — извет); Вели, государь, сию мою *явку принять* на Кунгурѣ въ съѣзжей избѣ воеводѣ... *и подписать* (КА, № 11, 20, 1670 — явка) и др.; Вели, г., *челобитье* наше *и извѣтъ записать* (СиД, № 209, 368, 1642); Вели, гсдрь, *челобите* наше *и миръ записать* (МДБП, 2, № 67, 78, 1668); Вели, гсдрь, *челобитье* мое *и ставку записать* (АЮБ, 3, № 369-6, 1648); Вели, государь, мое *челобитье и явку записати* (ЧП, № 1, 53, 1641) и мн. др.; ср. также ошибочное использование в явке формулы, характерной для изветных челобитных: Вели, гсдрь, *челобите* мое *и извет* [вм. *явку*] *записат* (МДБП, 2, № 106, 100, 1677). Клаузула о записи челобитной может совмещаться с просьбой *принять (взять) челобитную:* Вели, государь, сию нашу *мировую челобитную къ дѣлу взять и миръ* нашъ *записать* (КА, № 8, 18, 1669); Вели, государь, сию нашу *мировую челобитную принять и миръ* нашъ *записать* (КА, № 12-2, 27, 1675); Велите, государи, на Кунгурѣ въ приказной избѣ сию нашу *мировую челобитную взять и миръ* нашъ *записать* (КА, № 35, 92, 1687).

Клаузула о записи челобитья (челобитной) могла использоваться и в других разновидностях челобитных. Особенно часто встречается она в повинных: Милосердый государь.., пожалуй насъ.., вели, г., наше *челобитье записать* (СиД, № 56, 73, 1633); Вели, г., *челобитье* мое *и повинную записать* (СиД, № 111, 183, 1647); Вели, г., мою страдничью *вину записать* (СиД, № 122, 204, 1648) и др. Вместо клаузулы о записи могла выступать в повинных челобитных просьба *принять челобитную (повинную):* Вели, г., мою *повинную принять* (СиД, № 208, 367, 1641); Вели, г., *челобитьишко* мое *и повинную принять* (СиД, № 308, 569, 1649) и др.

Изредка формула о записи челобитья встречается в исковых челобитных: Вели, государь, тую нашу *челобитную записать* и к Москве послать [ответчик находился в Москве, а ист-

цы в Вязьме] (РБС, № 129, 151, 1637); см. также АЮБ, 3, № 369-10, 1682—1683; АЮБ, 1, № 95, 1693.

В частно-деловых челобитных клаузула о записи челобитья отмечена только один раз в извете (точнее явке) таможенного головы «с товарищи» боярину Морозову: Вели, государь, се *челобитье и извет записать,* чтоб нам... в недоборе в конец не погибнуть (АХБМ, 1, № 64, 132, 1650).

Рассмотренные выше устойчивые словосочетания приказно-деловой и судопроизводственной терминологии и носящая традиционный характер клаузула о записи (и приеме) челобитной сплетаются с элементами формулы просьбы, создавая юридическую завершенность челобитной как одного из видов актовой письменности.

В состав просительной части челобитных-прошений, исковых, изветных и иногда других довольно часто вводились специальные формулы-предложения, которые не имели юридического характера, а выполняли экспрессивно-эмоциональную роль. К ним относилась прежде всего формула — придаточное предложение, — которая подчеркивала свободу того, кому адресована челобитная, в той или иной степени удовлетворить просьбу челобитчика, самостоятельно избрать того, кому будет поручено выполнять решение по делу, и т. д. Хотя челобитная как документ была униженным прошением, удовлетворить или не удовлетворить которое всецело зависело от адресата, челобитчик включает в него эту специальную формулу, чтобы подчеркнуть, что он, обращаясь с просьбой или заявлением, рассчитывает на добрую волю того, к кому обращается. Наиболее нейтральным выражением была формула: *что (кому, где, как, по чему, чем) ты... укажешь (пожалуешь).*

В официально-деловых челобитных: Вели, гсдрь, про тот позор и лаю отца моево и матери моеи и мои... сыскат, *кому ты,* гсдрь, *укажешь* (МДБП, 2, № 33, 61, 1639); ср. СиД, № 66, 1638; РД, III, № 140, 1671 и мн. др.; Вели, гсдрь, мнѣ дат в откуп...кабакъ и таможенною пошлину и судовои мыт, а откупу, *чем ты,* гсдрь, *укажешь* (МДБП, 2, № 41, 64, 1642) и др.; Вели, гсдрь, мнѣ дати на откуп... кабак... и мыто, а откупомъ, *чемъ ты,* гсдрь, *пожалуешь* (МДБП, 2, № 40, 63, 1642) и др.; Вели, государь, нам служити свою государеву службу, *где ты,* великий государь, *укажешь* (РД, I, № 11, 37, 1666) и др.; И в моемъ безчестье и в бою человеченка моево, *что ты,* великии гсдрь, *укажешь* (МДБП, 2, № 63, 76, 1668); ср. АЮ, № 41, 1647; СиД, № 132, 1647 и др.

В частно-деловых челобитных: А в... заемном моем вине в двух бочках и... в пропажих моих лошедях в сыску, *что ты,* г., *укажешь* своим милостивым указом (АХБМ, 2, № 456-1, 138, 1660); Или за то вино вели, г., на мне деньгами взять, *по чему ты,* г., *ни укажешь* (АХБМ, 2, № 414-1, 111, 1660) и др.; Вели, г.,.. пожаловать, дати на ссуду... 2000 руб. денег, или *кольки ты,* г., *пожалуешь* (АХБМ, 2, № 371, 80, 1659) и др.

Формулу о том, что челобитчик в решении того или иного вопроса целиком полагается на волю феодала, к которому он обращается с челобитьем, не следует смешивать с конечным протоколом отписок (служебных донесений) — *и о том, государь, мне (нам) что (как) ты укажешь* (см., например: СиД, № 173, 315, 1629 и др.),[50] — хотя они, по-видимому, связаны, поскольку рассмотренная выше формула представляет собой трансформацию конечного протокола отписок (ср.: А тот, гсдрь, дворянин Иван Дубасов напрасно в тое женку [жену крестьянина-челобитчика] вклеповаетца, потому что та женка не ево и не крепка ему. Смулуися, гсдрь.., *как ты*, гсдрь, *о томъ укажешь* — ИНРЯ, С, № 46, 200, 1684).

Большей эмоционально-экспрессивной окраской обладала используемая в этих же целях в челобитных-прошениях формула, употреблявшаяся как придаточное предложение к глаголу *пожаловать (пожалуй нас), — как (что, чем, где, сколь, сколько) тебя (тебе)... (обо мне, о нас)... бог (господь бог, дух божий) известит*. Эмоциональность этой формулы усиливалась с помощью включавшихся в нее постоянных эпитетов к слову *бог*, приложению *государь (великий государь): всемогущий, милосердый, пресвятой, праведный* и др. Примеры: Милосердый государь.., милость покажи, *пожалуй нас...* за тот разбой, *как тебѣ*, государю, *богъ известит* (СПП, 1, 5, 1613) и мн. др.; Милосердый государь.., *пожалуй насъ...* своимъ царьскимъ денежным жалованьемъ, *чемъ тебѣ*, милосердому государю, *богъ извѣститъ* (ДД, 2, № 8-1, 141, 1641) и мн. др.; Вели, государь, в Суздаль дать городового наряду... и к ратному делу пушкарей, *сколько тебе*, великому государю, *милосердый господь бог известит* (РД, II-1, № 111, 151, 1670) и мн. др.; А вели, государь,.. о томъ свой... указъ учинити, *какъ тобѣ*, великому государю, *пресвятой духъ божий извѣститъ* (МАМЮ, № 32, 152, 1666) и мн. др.; Милосердые государи.., *пожалуйте меня...* для того, что вор Стенька у меня... взял животишек моих на 4000 рублев с лишком, *как вам*, великим государем, *всемогущий господь бог известит* (РД, III, № 302, 380, 1683) и др.; *Пожалуйте меня*, бѣдного своего г. богомольца, въ винѣ моей страдничьей, *какъ тебѣ*, милосердому г., *обо мнѣ богъ извѣститъ* (СиД, № 249, 450, 1637) и др.; *Пожалуйте меня...* дочеришкам моим, дѣвченкам, на приданое.., *чемъ вамъ*, великимъ гсдремъ, *о мнѣ бгъ известит* (МДБП, 2, № 125, 113, 1685) и мн. др.

Использовалась эта формула и в частно-деловых челобитьях: Вели, г., дать из нижегороцких своих вотчин на пропитанье братье хлеба, *что тебе*, г., *бог известит* (АХБМ, 2, № 358, 73, 1658) и др.; Умилостивися, государь.., *пожалуй меня*, вели

---

[50] Формула *и о том великий государь что укажет* была в XIV—XV вв. принадлежностью докладных судебных списков, выписок (Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, с. 26, примечание).

мне в Арзамаском уезде дати кормцу, *чем тебя,* г., *бог известит* (АХБМ, 2, № 446, 145, 1660) и др.; Умилосердися, государь.., *пожалуй нас.., как тебе,* государю нашему, *об нас,* бедных сиротах, *бог известит,* на нынешний год в своем... оброке и в столовых запасех (АХБМ, 1, № 56, 126, 1650) и др.; ср. в частной переписке: *Пожалуй меня* [М. Черкасского], *как тебя,* гсдря моево, *бог наставит* (Гр., № 202, 110, XVII — нач. XVIII в.) и др.

Вариантами этой формулы в официальных челобитных выступает *как тебе... об нас бог твое сердце известит,* а в частно-деловых актах — *чем тебе... бог по сердцу положит (благоволит): Пожалуй насъ* [донских казаков]... своимъ государевымъ жалованьемъ и хлѣбными запасы и пороховою казною, *какъ тебѣ,* праведному и великому государю, *объ насъ,* бѣдных и безпомошныхъ, *господь богъ твое царское сердце извѣститъ* (ДД, 2, № 45-51, 622, 1644) и др.; Смилуйся, государь.., подай нам... милостыню, *чем тебе,* г., *Христос бог по сердцу положит* (АХБМ, 2, № 443, 129, 1660) и др.; Умилостивися, гсдрь.., прикажи намъ ржи дать, *чем ты* (!) *бгъ по сердцу блговолит* (Гр., № 181, 103, XVII — нач. XVIII в.) и др.

Описанная формула, в которой говорящий или пишущий как бы вверяет богу решение того или иного дела, имеет давнюю традицию. В Псковской I летописи находим: А дѣлали бы [псковские и московские воеводы] дѣло [вели войну с немцами] с пословицы [т. е. по договору], *как вам богъ поможет на сердцы* (Пск. I лет., л. 650 об., 1501 г.). Использованное здесь выражение *как вам бог поможет на сердцы* 'в зависимости от того, как сложатся обстоятельства; по здравому разуму' представляет собой контаминацию обычных, очевидно, в разговорной речи того времени выражений *бог поможет* и *как бог по сердцу положит.*

В формуле просьбы в одном ряду с конкретными мольбами могли выступать в частно-деловых челобитных и пожелания быть внимательным, благожелательным и т. д., усиливающие значение глаголов *умилостивиться, помиловать* и др.: Умилостивися, государь.., *воззри,* г., *своим милостивым оком,* вели, г., дать... (АХБМ, 2, № 358, 73, 1658); Умилостивися, государь.., *призри... на мою конечную старость и увѣчье и дряхлость,* пожалуй меня.., вели... (ЧО, № 70, 103, 1684); Умилостивися, государь.., пожалуй нас.., *не отгони,* г., *от своей боярской милости,* вели... (АХБМ, 2, № 524-2, 178, 1660); И мы все вконец погибли, *вступитеся,* гсдри, на (!) *в нашу бѣдность* (ИНРЯ, Ч, № 2, 223, 1672) и др. Входя в формулу просьбы, эти элементы выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию.

Такую же роль играют и обращения к богу, например: Помилуй, гсдрь.., *зостав вешно бга молить,* извол допросит... про наши пожитьки, кокии (ИНРЯ, С, № 79, 213, XVII — нач. XVIII в.) и др. Обычны такие обращения к богу, обещания

молиться за феодала в благодарность за пожалование или исполнение просьбы в монастырских челобитных-прошениях: Вели, г., дать... на пропитанье братье хлеба, что тебе, г., бог известит, *а мы ради за тебя,* г., *за твое многолетное здоровье бога молить и родители твои поминать,* и вели, г., дать родителем своим роспись (АХБМ, 2, № 358, 73, 1658); см. также № 426-2, 1660 и № 443, 1660 и др.

Традиционным элементом просительной части официальных и частных челобитий был ряд формул, указывавших на возможные последствия, к которым могло привести неудовлетворение просьбы челобитчика, невнимание к его жалобе или заявлению. Эти формулы подключались к формуле просьбы при помощи придаточного предложения с союзом *чтобы,* относящегося к словосочетанию *пожалуй меня (нас)* или к одному из глаголов желаемого (нежелаемого) действия: *пожалуй меня.., вели мне дать.., чтобы...* По конструктивным особенностям это придаточное цели, а по смыслу своему — придаточное следствия. Входящие в состав придаточного формулы являлись одним из эмоционально-экспрессивных средств и были характерны для всех разновидностей челобитных, кроме, пожалуй, мировых.

Прежде всего к числу этих формул относится выражение *отбыть (остать, отстать) дела (службы, податей, пашни, работишки, тягла* и т. д.) 'перестать исполнять какие-н. обязанности, обусловленные социальным положением челобитчика; перестать быть кем-н. (служилым человеком, тяглецом и т. д.)'. Формула эта всегда употребляется с отрицанием, а глагол выступает в форме инфинитива, реже в формах прошедшего времени или сослагательного наклонения: Вели, государь, мнѣ додати... жалованье.., *чтоб,* государь, твоему царскому дѣлу мотчанья не было, а *я* [подьячий и золотописец] б.., будучи у твоего царского дѣла... *впрѣд бы твоего царского дѣла не отбыл* (СПП, 1, 10, 1613); Вели, гсдрь, в Новую чети (!) послат памет.., *чтоб мнѣ* [кадашевцу] в том приказе напра[сно] испродану не быт и *твоего црьского кадошевскаго дела в болшой волоките не отбыть* (МДБП, 2, № 51, 68, 1649); Вели, государь, о тѣхъ подводахъ... указъ учинить, и не вели... кочей и кочевыхъ снастей имать и править, *чтобъ нам* [пустозерцам]... не быть убитымъ на смерть и въ конецъ не погинуть, и *твоихъ,* великого государя, *податей и службъ впредь не отбыть* и врознь не розбрестись (ДАИ, 5, № 35, 172, 1667) и мн. др.; Милосердый государь.., пожалуй нас [казаков]... жалованьемъ.., *чтоб нам...* до конца не погинуть и *вперед твоей царской службы не остать* (СПП, 1, 6—7, 1613) и др.; Милостивый государь.., пожалуй меня [есаула]... жалованьем.., *чтоб я...* в конец не погиб и *твоей бы царской службы не отстал* (СПП, 1, 19, 1613) и мн. др. Ср. также в челобитье монахов Макарьевского Желтоводского монастыря: Не велите, государи,.. въ ярмоночное торговое время... богомолцовъ и всякихъ торго-

выхъ купецких людей съ ярмонки имать.., *чтобъ* вашему государеву богомолью святѣи обители... во оскудѣнии не быть, а *богомолцомъ и всякихъ чиновъ людямъ отъ святого чюдотворца дому вовсе не отстать* ['не перестать посещать церковь, не стать безбожниками'] и ярмоночному сбору въ конецъ не розоритца (ДАИ, 10, № 41, 128, 1682).

В частно-деловых челобитных наряду с *отбыть (остать, отстать) тягла (податей, пашни, изделья* 'барщины' *заделья* 'барщины') в значении 'перестать выполнять крестьянские обязанности' встречается также *отбыть (отстать) домишка (домишки, от домишка)* 'перестать быть крестьянином, отправиться побираться': А дост(аль)ные, государь, деньги 20 руб., вели мне... в год кабалу с порук(ами) собрать.., *чтобы мне,* с. т., *твоих государевых податей не отбыть* (АХБМ, 2, № 357, 73, 1658); Вели, г., про то... сыскать... и по сыску... указ учинить, *чтоб мне...* вконецъ не погинуть и *впредь твоего государева тегла и податей не отбыть* (АХБМ, 2, № 450-2, 134, 1660) и мн. др.; Польготь, государь, въ... оброкѣ.., *чтобъ мнѣ* за вами, государи, прожить въ мочь и *домишку не отбыть* и въ конецъ не погинуть (ЧО, № 1, 64, 1673) и мн. др. См. использование формул с нарушением обычных синтаксических связей: Смилойся, государь.., дайте льготы пока справитца, и *мнѣ, бѣдному, отъ домишку своево не отстать* и за вами, государи, жить (ЧО, № 2, 65, 1673).

Особые конструкции использовались тогда, когда челобитчик хотел подчеркнуть возможные имущественные, финансовые последствия, которые вызовут неудовлетворение его просьбы (жалобы, иска): глагол *быть* с отрицанием *(не быть)* + краткое или полное страдательное причастие в дательном или творительном падежах *(забиту, замучену, испродану, испроданной, истощенной, разорену* и др.): Вели, государь, сю мою челобитную послать... к Москве, *чтоб мне... в той твоей, великого государя, казне на правеже до смерти забиту не быть* (РД, II-1, № 153, 181, 1670); Вели, государь, об том грабеже и разоренье свой... указ учинити, чтоб нам... в том грабеже и в разоренье... и в недоборной казне досталь вконец не погинуть и *в правеже замученым не быть* (РД, II-1, № 286, 360, 1670) и др.; Велите, гсдри,.. дат мнѣ сроку.., *чтоб мнѣ, рабѣ вашеи, от него, Лариона, напрасно испроданной не быт* (МДБП, 2, № 121, 110, 1683) и др.; ср. МДБП, 2, № 51, 68, 1649: *испродану не быть*; Вели, г., ево, строителя Аврамья, переменить.., *чтоб* нам... от него, Аврамья, впредь в великих убытках не быть и *монастырской казне от него истощеной досталь не быть* (АХБМ, 2, № 426-1, 119, 1660) и др.; Вели, государь, челобитье мое записать, *чтоб мне... от их, казаков, и тово своево человека разорену не быть* и в конец не погинуть (РД, I, № 19, 47, 1660) и мн. др.

Традиционность и книжный (приказно-деловой) характер рассматриваемых формул проявляются и в обязательном раз-

мещении глагола на конце, и в смешении разных по конструкции формул; см., например, контаминацию формул *не отбыть службы* и *не быть разорену:* Вели, гсдрь, по них, Бориску с товарыщи, послать... и указ учинить.., чтоб мнѣ, холопу твоему, о (!) них, Бориски с товарыщи, *разорену не отбыть* и вконец не погинуть (МДБП, 2, № 115, 106, 1682).

Если речь шла о возможных последствиях общего характера (наказание, денежный штраф, разорение и т. д.), то использовалась формула, представлявшая собой конструкцию из глагола *быть* с отрицанием и предложного падежа отглагольного существительного с предлогом *в*: *не быть в опале* (*в пене* 'денежном штрафе', *в смертной казни, в позоре, в попреке* 'осуждении', *в разоренье* и др.), причем глагол всегда располагался в конце формулы. Такие конструкции встречаются только в официально-деловых челобитных (изветных, явочных и иногда повинных): Вели, г., наше челобитье и извѣстку записать, *чтобъ намъ, х. т., отъ тебя, г., въ опалѣ не быть* въ той его Федоровой промолкѣ (СиД, № 267, 498, 1640) и мн. др.; Вели, гсдрь, челобитье мое и явку записат, буде он, Андрюшка, в каком воровствѣ обявитца, *чтобъ мнѣ, холопу твоему, от тебя, великого гсдря, в пенѣ и в опалѣ не быт* и вконец не погинут (МДБП, 2, № 81, 86, 1674), также РД, III, № 118, 1671 — *в опале и в пене* и мн. др.; Вели, государь, челобитье наше и извет записать, *чтоб нам... от тебя, великого государя, в опале и в смертной казне не быть* (РД, II-1, № 151, 179, 1670) и др.; Пожалуи меня... на подем, чемъ тобѣ, праведному гсдрю, обо мнѣ бгъ извѣстит, *чтоб мнѣ... на твою гсдрву службу было чем поднятце и при своеи брате не быт в позоре* (МДБП, 2, № 48, 66, 1646); Велите, гсдри, токих плутов смирит, *чтоб мнѣ... от токихъ плутов в безчестьи и в попреке не быт* (МДБП, 2, № 131, 117, 1691) и др.; Вели, г., мнѣ... г. указъ учинить, *чтобъ мнѣ, х. т., въ конечномъ разореньѣ не быть* и впредь твоей царской службы не отбыть (СиД, № 87, 150, 1646) и др.

Формула *быть в опале* появляется в деловой письменности в начале XVI в.: А кто у нихъ станетъ, тому отъ насъ отъ великихъ князеи *быти въ опалѣ* (Жал. несуд. гр. Волот. мон. 1500 г. — Срезневский, II, 676), ср. также в памятниках с XV в.: Гсдрю пени нѣт (Псковск. судн. гр. — Срезневский, II, 895); А в ыных делех судити по тому ж, хто в чем скажетца виноват, то на нем взяти, а *в пене,* что государь укажет (Судебник 1550 г., ст. 25 — ПРП, 4, 238) и др.

Только в одной челобитной отмечена конструкция с кратким прилагательным: Вели, государь, за [убитую в бою]... лошедь выдать свое царьское жалованья... 5 рублов, *штоб я* [сын боярский]... на твоей царьской службе *пѣшъ не был* и твоей царьской службы впредь не остал (СПП, 1, 12, 1613). Челобитчик просит денег на покупку коня, без которого нести службу он не может. Ср.: И нынѣ я [казачий пятидесятник]... *сталъ пѣшъ* и ...службы служить нѣчемъ, *сталъ бесконенъ* и всѣмъ оскудалъ (ДД, 1, № 59-2, 860, 1639); А нам [кадомцам]... в осаду сесть не

с ким и не с чим, потому что городишка пустой и безлюдной, и *людишка безружейные* (РД, II-1, №250, 301, 1670) и др.

Возможность физической гибели челобитчика и членов его семьи выражалась с помощью формул *умереть (померетъ) голодною (напрасною, нужною, холодною* и др.) *смертью* или *умереть (помереть) с голоду (голодом)*. Первая из них (с творительным тавтологическим) носит более книжный (приказно-деловой) характер, вторая, в которой глагол выступает всегда в форме прошедшего времени, имеет обиходно-бытовую окраску: Вели, государь, нам... мѣсячной кормъ... выдать, *чтобъ намъ... безъ корму голодною смертью не умереть* (АЮ, №40, 88, 1645) и мн. др.; Не вели, г., мнѣ всякою нужною смертью умереть, и вели, г., меня на поруки выкинуть.., *чтобъ мнѣ, бѣдному и безпомошному, съ пыточной муки и со всякой нужи безпризорно нужною смертью не умереть* (СиД, №75, 135, 1645) и др.; Вели, государь, меня из Галича взять к... Москве, *чтоб мне... от ран напрасною смертью не умереть* (РД, III, №140, 154, 1671) и др.; Пожалуи меня... на подем.., *чтоб мнѣ... и дѣтишкамъ моимъ без меня, волочас(ь) межу двор, голодною смертью не померет(ь)* (МДБП, 2, №48, 66, 1646) и мн. др. Ср.: Вели, государь, мнѣ... жалованья дати.., *чтоб я, будучи у твоих государевых дѣл, з голоду не умер* и в конец не погиб (СПП, 1, 18, 1613) и др.; Вели мнѣ свое... жалованье дать, как моимъ товарищем, *чтоб я, холоп, голодом не умер* (СПП, 1, 26, 1613) и др.

Рассматриваемые формулы могли использоваться не только в составе придаточного предложения, но и в составе формулы просьбы. Особенно часты такие случаи в частно-деловых челобитьях, а это позволяет утверждать, что в данном случае мы имеем дело с разговорно-бытовыми трансформациями традиционных для челобитных формул: Умилосердися, государь.., вели... меня из тюрьмы свободна учинить, *не вели голодною смертью уморить* (АХБМ, 1, № 79, 145, 1650), ср. АХБМ, 2 №362, 76, 1659 и др.; И ты, гсдрь, умилосердися до мѣня, убогова, *не озноби озяблою смертию,* извол, гсдрь, ту клячю [взятую у крестьянина лошадь] сослати ко мнѣ (ИНРЯ, Ч, №2, 223, 1671), см. также в официально-деловых челобитных: Вели, государь, мнѣ, бѣдному, дати... тѣ 2 рубли... *Не умори, государь, меня, бѣднова, з женишкомъ и з дѣтишкам(и)* (СПП, 1, 1, 1613) и др.

Возможность полного разорения и связанной с этим физической гибели выражалась как в официальных, так и в частных челобитьях с помощью формулы *вконец (до конца) погибнуть (погинуть)*: Милосердый государь.., вели... про выѣзжево нѣмчина зъ женою... роспросить, *чтобъ я... отъ того Офонасьева насилства и поклепу и отъ человѣка ево, отъ Ывашково, воровства въ конецъ не погибъ* (МАМЮ, №55-8, 327, 1632) и мн. др.; Не вели, г., у нас... тое мельницу напрасно отнять..., *чтоб нам, с. т., от того Завьялова ложнова челобитья и оглашенья в конец не погибнуть* и... тягла не отбыть (АХБМ, 1, №55-1, 123, 1650)

и мн. др.; Вели, государь, намъ дати... судимую грамоту, ...*чтоб намъ* ...отъ ихъ [воевод] *насилства оборонным быти и до конца не погинути* (МАМЮ, № 18, 86, 1638) и мн. др.; Не вели, государь, нас напрасно мечному сечению предать.., *чтоб нам, бедным, в конец не погинуть душевно и телесно* (РД, II-1, № 125, 150, 1670).

Традиционность, книжно-деловой характер рассматриваемых формул, являвшихся одним из стилевых средств челобитных, раскрывают случаи их бытового переосмысления, трансформации в живой речи: Вели, г., того Матфея... поставить и разспросить.., *а мнѣ, х. т., отъ ихъ ложного челобитья, сидя въ тюрьмѣ, въ концѣ* [вм. вконец] *напрасно не погибнуть* (СиД, № 75, 134, 1645); А только твоей государевы милости и жалованья... не будетъ, и намъ, сиротамъ, и *достать* [вм. досталь] *въ конецъ погинуть и домишковъ своихъ избыть и врознь розбрестися и с робятишки* (ЧО, № 14, 72, втор. пол. XVII в.); *И мнѣ, сиротѣ, и достать конецъ* [вм. досталь вконец] *погинуть и с робятишки розно розбресться, и домишка своево избыть* (ЧО, № 24, 76, втор. пол. XVII в.) и др.

В крестьянских челобитных феодалам, как видно из приведенных выше цитат, употребляется также устойчивое словосочетание *ра(о)збрестись врозь (розно)* 'разойтись поодиночке; покинуть землю, перестать выполнять крестьянские обязанности': Умилостивися, государь.., учини свое боярское разсмотрение в нашей работешке, *чтоб нам, с. т., вконец не погинуть и врозни не разбрестись* (АХБМ, 2, № 375, 84, 1659); Не велите, государи, править по третьему рублю.., *чтобъ намъ, сиротамъ, врознь не розбрестися* (ЧО, № 6, 67, 1673) и др.; Будит сего приказнова человеѣ[ка] не перемѣнити [вм. перемените], *и нам, гсдри наши, от него, приказного, вконѣцъ разорица и разбредемъся все розно* (ИНРЯ, С, № 65, 207, XVII—нач. XVIII в.). Ср. также индивидуальную переработку этого традиционного для челобитных выражения понятия 'разойтись, перестать заниматься крестьянским трудом': И буде... не пожалуешь насъ, не велишъ перепустить, и мы, государони, *разбредемся все, что капустные черви* (КЧ, № 11, 47, 1699).

Итак, анализ просительной части челобитных показывает, что рассмотренная часть акта, содержащая изложение просьбы, начинается с формул: *милосердый (милостивый) государь царь.., пожалуй меня... чем* (или: *вели, государь*); *умилосердись (умилостивись), государь.., пожалуй меня... чем (в чем;* или: *вели, государь*),— в которые вводятся те или иные конкретные просьбы. В изветных, повинных, мировых и ставочных челобитных просьба может содержать лишь клаузулу о записи (приеме и записи) акта. В повинных челобитных обычна просьба *отдать вину* ('простить'), хотя могли быть и просьбы об освобождении из тюрьмы, о даче на поруки и др. В качестве дополнений к глаголу *пожаловать (пожалуй меня, нас*) в формулу просьбы включались обобщенные формулировки мотивов

пожалования (*за кровь* 'за ранение', *за раны, за службишко* и др.), добавочных мотивировок (*для ангела-хранителя, для своего многолетнего здоровья, для твоего царского величества, ради великого чудотворца Христова Николы* и т. п.), которые более свойственны челобитным-прошениям.

К формуле просьбы присоединяется ряд традиционных устойчивых выражений-штампов, которые подчеркивают свободу воли адресата челобитной так или иначе выполнить изложенную просьбу, тому или иному лицу поручить выполнение решения и т. д. (*что* или *кому ты, государь, укажешь; как тебе, государю, бог известит* и др.), указывают на последствия, которые может вызвать неудовлетворение просьбы или иска, невнимание к жалобе или заявлению челобитчика (*чтоб мне... в конец не погибнуть; в пене и в опале не быть; разорену не быть; службы не остать; врознь не разбрестись; голодною смертью не умереть* и др.). Все эти дополнительные формулы-штампы, как и обращения к богу (*заставь вечно бога молить; а мы за тебя рады вечно бога молить* и др.), просьбы быть внимательным (*воззри в нашу бедность* и др.), выполняли в челобитных не столько коммуникативную, сколько экспрессивно-эмоциональную функцию, являлись одним из стилевых средств этой разновидности деловой письменности. Отдельные традиционные формулы были социально ограничены в употреблении, см., например: *отбыть (остать) службы* или *дела* (для служилых людей) — *отбыть (остать) тягла, податей, работишки* (для посадских людей и государственных крестьян) — *отбыть (остать) пашни, изделья* (для частновладельческих крестьян).

В. Конечный протокол

Заключительная формула (конечный протокол) челобитных весьма единообразна как в официально-, так и в частно-деловых актах. Она состоит из обращения (первые два элемента титула царя, царицы, патриарха, митрополита и т. д. — в официальных челобитных, титула *государь* — в частных челобитьях) и глаголов *смиловаться, пожаловать* в повелительной форме: *Црь гсдрь, смилуися* (МДБП, 2, №11, 50, 1633); *Великий государь царь, смилуйся* (ДАИ, 5, №55-3, 319, 1668); *Великии гсдрь стль* [патриарх], *смилуйся* (МДБП, 2, №52, 69, 1655) и др. В частно-деловых актах: *Г(осударь), смилуйся* (АХБМ, 1, №142, 185, 1652); *Государи* [Н. И. и Я. Н. Одоевские], *смилуйтеся* (ЧО, №57, 95, 1673) и др. Такая форма конечного протокола представлена в 154 (из 502) официально-деловых челобитьях и в 72 (из 297) частно-деловых.

Более распространена была форма конечного протокола, в которой употреблялись оба глагола: *Царь государь, смилуйся, пожалуй* (РБС, №106, 130, 1636); *Великие государи цари, смилуйтеся, пожалуйте* (КА, №33-3, 72, 1686); *Великий государь, смилуйся, пожалуй* (АЮБ, 1, №97, 607, 1696); *Гсдрня* [царица],

смилуся, пожалуи (МДБП, 2, № 16, 53, 1636); *Государь святитель* [архиепископ], *смилуйся, пожалуй* (АЮБ, 3, № 370-2, 491, 1672) и др. (в 313 челобитных из 502). В частно-деловых: *Государь* [Б. И. Морозов], *смилуйся, пожалуй* (АХБМ, 2, № 247-2, 16, 1552); *Государи* [Н. И. и Я. Н. Одоевские], *смилуйтеся, пожалуйте* (ЧО, № 46, 88, 1673); *Гсдрня* [А. Н. Нарышкина], *смилуися, пожалуи* (Гр. № 54, 42, XVII — нач. XVIII в.) и мн. др. (в 121 челобитной из 293).

Отступления от этого трафарета отмечены в 35 официально-деловых челобитных (7%), причем в четырех из них формула конечного протокола отсутствует: МДБП, 2, № 131, 1691 и АЮБ, 1, № 92, 1690; см. также в двух челобитных-черновиках: АХБМ, 2, № 385, 1659 и МДБП, 2, № 128, 1687.

В 7 официально-деловых челобитных в обращении к царю использована формула, свойственная жалобницам-челобитным XVI в.:

Государь царь [вместо: царь государь], *смилуйся, пожалуй* (РБС, № 79, 103, 1629); см. также СПП, 1, с. 3, 5, 9, 17, 1613 г.; МДБП, 2, № 21, 1635; ср. в XVI в.: АЮБ, I, № 52-8, 1567; АЮБ, 3, № 367-3, 1579 и др. В одной челобитной (к архиепископу) в заключительной формуле обращение опущено (АЮБ, 3, № 370-1, 1653).

В остальных 23 актах титул царя или царицы приводится в обращении (из-за оплошности, от лишнего усердия, боязни сделать промашку) в полном составе: *Царь государь и великий князь Борис Федорович всея Русии,* смилуйся, пожалуй (РБС, № 41, 61, 1604) и др. Подобные случаи характерны для источников, относящихся к 1605—1613 гг. Более поздних только два: *Црь гсд(арь) и великии кнзь* Михаило Федорович, смилуися (МДБП, 2, № 1, 44, 1617); *Гсдрня црца вѣликая княгиня* Евдакѣя Лукьяновна, смилуися, пожалуи (МДБП, 2, № 37, 62, 1641).

В частно-деловых челобитных отступления от обычной формы конечного протокола наблюдаются значительно чаще (в 100 актах из 293), кроме того они более разнообразны.

Отсутствие заключительной формулы отмечено в 25 челобитных (см. ИНРЯ, С, № 16 и 76, XVII — нач. XVIII в.; ИНРЯ, Ч, № 34, 44, XVII — нач. XVIII в.; АХБМ, 2, № 459, 1660 и др.), среди них 6 актов — копии-черновики.

Обращение имеет в своем составе не только титул, но и личное имя адресата: Государь *Борис Иванович,* смилуйся (АХБМ, 2, № 327, 50, 1652); см. также ЧО, № 76, втор. пол. XVII в.; ПНРЯ, № 99, 1682 и др. (21 челобитная).

Обращение следует после глагола: Смилуися, *гсдрь* (Гр., № 26, 27, XVII — нач. XVIII в.); Смилуйся, *государони Мавра Семеновна* (КЧ, № 11, 47, втор. пол. XVII в.) и др.

Обращение помещено в центре формулы: Смилуйся, *г(осударь),* пожалуй (АХБМ, 1, № 167, 194, 1652); см. также АХБМ, 1, № 95, 1651; ИНРЯ, Ч, № 1, 1671; КЧ, № 6, втор. пол. XVII в. и др. (22 акта).

В формуле отсутствует обращение: Смилуися, пожалуи (ИНРЯ, С, №50, 201, XVII — нач. XVIII в.), см. здесь же №54, 70, 71, 72; ИНРЯ, Ч, №36, XVII — нач. XVIII в. (6 челобитных).

Повтор глагола в заключительной формуле: *Смилуйся,* государь Борис Иванович, *смилуйся,* пожалуй (АХБМ, 2, №422-1, 116, 1660).

К формуле конечного протокола сделаны приписки (повторение просьбы, ее мотивировки и т. д.): Государь, смилуйся, *вели земли зъбавить* (ЧО, №48, 89, 1672); Гсдрь, смилуися, *и дровъ привести (!) некому без мужа, зимою озябь*... [оборвано] (Гр., №122, 70, XVII — нач. XVIII в.); Г(осударь), смилуйся, пожалуй, *и не отгони,* г., *от своей боярской милости* (АХБМ, 2, №523, 177, 1660) и др. (11 челобитных).

Кроме того в 9 крестьянских челобитных представлены варианты конечного протокола, в которых наряду с глаголами *смиловаться* и *пожаловать* используются *помиловать, сжаловаться, пощадить, умилоститься:* Смилуиси, гсдрь, и *помилуи* (ИНРЯ, С, №62, 206, XVII — нач. XVIII в.), см. здесь же №64, 69, 74; Смилуиси, *помилуи,* гсдрь (ИНРЯ, С, №63, 207, XVII — нач. XVIII в.); *Помилуи,* гсдрь Петрь Андреевич, смилуиси и *помилу(и)* (ИНРЯ, С, №73, 211, XVII — нач. XVIII в.); *Сжалуйся,* государь, *помилуй* (КЧ, №5, 44, втор. пол. XVII в.); *Пощади* сироту своего и пожалуи (Гр., №136, 76, 1696); Государь Борис Иванович, *умилостивися,* пожалуй (АХБМ, 1, №78, 144, 1650).

Таким образом, конечный протокол челобитных в двух его вариантах: обращение + *смилуйся (смилуйся, пожалуй)* — был единым и для официально- и для частно-деловых челобитных. Он строго выдерживается в официальных актах: отступления обнаружены лишь в 7% рассмотренных документов. Бо́льшая часть отступлений заключается в использовании в обращении полного титула и личного имени царя или царицы по аналогии с начальным протоколом.

В частно-деловых челобитных отступления от трафарета обнаружены в 34% изученных актов. Включение в состав обращения личного имени адресата, инверсия обращения, его расположение в центре формулы, создание вариантов формулы конечного протокола с глаголами *помиловать, сжаловаться, пощадить, умилосердиться* следует объяснять не только отсутствием у авторов (писцов) необходимых навыков оформления челобитий, но и стремлением усилить эмоциональность заключительной части акта.

* * *

Анализ построения и формуляра 1167 челобитных, 874 из которых относятся к официально-деловым, представленным в различные административные органы (приказы, воеводские управления, земские избы и т. д.) и адресованным царям, царицам, светским и духовным властителям, и 293 — к частно-деловым, преимущественно крестьянским челобитным феодалам-вотчинникам и помещикам, показывает:

1. В построении и формуляре официальных и частно-деловых челобитных XVII в., написанных от имени лиц разного общественного положения, большинство которых составляют представители эксплуатируемых социальных групп русского общества того времени (посадские жители, крестьяне), обнаруживается полное единообразие. Нет оснований для утверждения о существовании каких-либо местных (территориальных) вариантов этой разновидности актов.

Вместе с тем отчетливо выступает различие челобитных официально-деловых и частно-деловых. Оно проявляется в употреблении в последних особого варианта челобитья в формуле начального протокола *бьет челом и плачется,* специальной формулы, вводящей казусную часть *милости у тебя... прошу,* а также в использовании специальной формулы просьбы в нескольких ее вариантах, в отсутствии клаузул о записи челобитья, в наличии особых вариантов конечного протокола акта. Поскольку подавляющее большинство этих специфических особенностей частно-деловых челобитных представлено в челобитьях крестьян, по-видимому, можно говорить не только о различии челобитных по сфере применения (официальные — неофициальные, частные), но и о различиях социального характера.

2. Формуляр челобитных складывается из ряда устойчивых предложений. Во-первых, к ним относятся предложения-формулы, синтаксическая структура (последовательность расположения главных и второстепенных членов) и в значительной степени лексический состав которых носят традиционный характер. Только часть лексических элементов в этих предложениях-формулах (начальный и конечный протоколы челобитной) является переменной и зависит от того, кому данный акт адресуется (титул и личное имя адресата) и от кого он исходит (формула вассальной зависимости, личное имя и приложения — дополнительные данные об адресанте). Во-вторых, это — формулы-трафареты, строго определенные, традиционные в своих начальных опорных (стержневых) элементах, являющихся обычно главными членами предложения (формула просьбы, формула *жалоба мне...* в начале казусной части исковых челобитных, формула даты и др.). В зависимости от необходимости или же в целях усиления эмоционально-экспрессивного воздействия на того, кому адресуется челобитная, эти формулы-трафареты дополнялись, распространялись разного рода второстепенными членами, обязательными (дополнениями—глаголами желаемого или нежелаемого действия с зависимыми от них словами, именными дополнениями, обозначающими просимое) или факультативными (дополнениями, мотивирующими, подкрепляющими просьбу: *пожалуй меня... за службишко, за раны, за кровь* и т. д.; обстоятельствами эмоционального характера: *пожалуй меня... для своего многолетного здоровья и др.).* К этим формулам-трафаретам могли присоединяться придаточные предложения, содержащие традиционные словосочетания — обозначения тех по-

следствий, к которым приведет неудовлетворение просьбы челобитчика (*пожалуй меня.., чтоб мне вконец не погибнуть* и др.). Кроме этих предложений — формул и трафаретов в челобитных выделились установившиеся традиционные способы зачина казусной части акта.

3. Поскольку челобитные являются разновидностью актов, которая сложилась в середине XVI в., лексика, составляющая элементы формуляра, относится к активным элементам словаря русского языка XVII в. Отдельные архаизмы обнаруживаются лишь в составе общеупотребительных фразеологизмов, входящих в состав той или иной формулы (*бить челом, сирота твой* и др.). Бо́льшая часть лексики, входящей в формуляр челобитных, лишена экспрессивности, однако отдельные формулярные элементы, особенно в частно-деловых челобитных, имеют яркий экспрессивно-эмоциональный характер. К ним принадлежат формула вассальной зависимости (*холоп твой, сирота твой* и др.), челобитье в частных актах (*бьет челом и плачется*), широко употребительные здесь же глаголы со значением мольбы, просьбы (*умилосердиться, умилостивиться, помиловать, пощадить* и др.), использование которых, так же как и формул типа *судом (изволением) божиим, по грехом своим* и других, определялось религиозным мировоззрением людей того времени и было тесно связано с традициями церковной книжности.

4. Сопоставление формуляра челобитных XVII в. с жалобницами-челобитными XVI в. позволило показать некоторые изменения формулярных средств, произошедшие в конце XVI — начале XVII в.

Сравнение же формулярных элементов с аналогичными по функции формулами других разновидностей актов XVII в. и предшествующего периода (грамот, указов, воеводских отписок, судных списков и др.) дало возможность отметить как черты сходства, обнаруживающие стилевое единство приказно-деловой письменности в целом (способы датировки, приемы начала казусной части, использование формулы вассальной зависимости и др.), так и специфические особенности челобитных — особой разновидности актовой письменности рассматриваемого периода. В некоторых случаях удалось обнаружить источники, проследить историю отдельных формул, вошедших в состав формуляра челобитных (*жалоба мне на..., что ты... укажешь* и др.).

5. Описание особенностей формуляра позволяет точно разграничить отдельные разновидности челобитных (челобитных-прошений, исковых, изветных, мировых, явочных и др.).

6. Выделение и описание всех традиционных формулярных элементов челобитных создает основу для отграничения тех лексико-фразеологических средств, которые использовались челобитчиком (писцом) свободно в зависимости от конкретных бытовых ситуаций, явившихся причиной составления челобитной.

Глава II

ЭТИКЕТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЧЕЛОБИТНЫХ

Кроме формуляра и примыкающих к нему устойчивых словосочетаний, челобитным, как и другим видам деловых памятников XVII в., свойственно широкое использование разного рода этикетных элементов. Литературный этикет — «своеобразные устойчивые словосочетания и формулы, приспособленные для выражения общеобязательных и общепринятых понятий и представлений феодального строя», они «сложились еще в киевскую эпоху и стали по-своему характерными и для стилей исторического или житийного повествования, и для стиля нравоучительного проповедничества, и для юридических актов, и для всех стилей и жанров древнерусского литературного языка»[1] как старшего периода, так и позднего средневековья. Говоря об этикетных элементах деловых памятников, в частности челобитных, следует относить к ним и устойчивые словосочетания, и формулы, которые служат выражением общепринятых понятий и представлений эпохи (их называют: «стилистическими формулами» — Н. К. Гудзий, С. К. Богуславский; «постоянными формулами» — А. С. Орлов; «стилистическими трафаретами» — Д. С. Лихачев, С. К. Богуславский; «устойчивыми формулами» — И. П. Еремин; «стереотипными формулами» — В. Мансикка; «стилистическими

[1] Мещерский Н. А. Ответ на вопрос № 2: Что унаследовал литературный язык XIII—XIV в. от предшествующего периода? — «Вопросы языкознания», 1960, № 1, с. 64. — Проблема литературного этикета впервые была поставлена в работе А. С. Орлова (Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — Чтения ОИДР. М., 1902, кн. 4). Особенно яркое освещение она нашла в исследованиях Д. С. Лихачева. См.: Лихачев Д. С. 1) Литературният етикет в старорускага книжина. — «Език и литература». София, 1960, № 4; 2) Повесть временных лет (историко-литературный очерк). — Повесть временных лет, т. 2. М.—Л., 1950; 3) Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963; 4) Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке древней Руси. — В кн.: Историко-филологические исследования. (Сб. статей к семидесятипятилетию акад. Н. И. Конрада.) М., 1967; и др.

шаблонами» — Б. А. Ларин и «традиционными формулами» — О. В. Творогов), и отобранные практикой, обязательные при оформлении какого-нибудь делового документа приемы изложения (введение в текст обращений к адресату, использование уточняющих членов предложения — приложений и т. п.), и набор традиционных определений и эпитетов, метонимические замены этикетного характера, и использование тех или иных лексико-грамматических средств (например, существительных с суффиксами субъективной оценки), а также типовые, обобщенные способы передачи определенной информации (клише), например (если говорить о челобитных), о ситуации, в которой находится адресант, о последствиях, которые может вызвать неудовлетворение его просьбы (они были рассмотрены выше), и т. д.

В отличие от формуляра (по сути своей он также является литературным этикетом), который выступает в качестве своеобразной внешней рамки, заключающей в себе содержание челобитной, этикетные элементы входят в состав собственно информационной части акта. Этикетные элементы выполняют не только номинативную функцию, называя те или иные понятия, явления действительности, но и функцию эмоционально-экспрессивную, соответствующим образом окрашивая весь контекст акта.

По своему происхождению и стилевой принадлежности этикетные средства челобитных могут быть книжными (церковно-религиозными, приказно-деловыми) или разговорно-бытовыми, но в тексте челобитных, повторяясь из акта в акт в тех же самых позициях, в аналогичных сочетаниях, с одной и той же функцией, они становятся одним из стилевых средств данной разновидности деловых памятников или деловой письменности в целом, как бы утрачивая связь с той языковой средой, к которой они генетически восходят. Поэтому, ставя перед собой задачу описать лексику разговорно-бытовой речи эпохи в той ее части, которая представлена в челобитных XVII в., мы должны выделить в челобитных слова и словосочетания, относящиеся к литературному этикету, учитывая, однако, что вне обычных для челобитных (или деловой письменности в целом) контекстов, сочетаний с другими лексемами, лексика, входящая в состав этикетных элементов или составляющая их, могла использоваться и в обиходно-бытовой речи эпохи.

Обращения

Для челобитных как разновидности документов, относящихся к деловой переписке и адресованных конкретному лицу, обычными являются введение в изложение дела (текст казусной части) и содержание просьбы обращений к адресату (текст просительной части). Обращение в челобитных выполняет двоякую функцию.

Развернутое обращение в начале просительной части используется, так же как и дательный падеж адресата в вводной формуле, для называния лица, которому адресована челобитная.

Существительное *государь* имеет здесь значение 'феодал, господин, владыка' и либо выступает в составе титула, либо составляет почетный титул адресата, а также служит для его прямого называния.- Например: *Млстивы(и) гсдрь црь и великии кнзь Михаило Федорович всеа Русии,* пожалуи меня, бгмолца своего, вели дати... (МДБП, 2, № 1, 44, 1617) и мн. др., или: Умилостивися, *государь Федоръ Ивановичъ,* пожалуй, вели... (ЧШ, № 2, 47, 1639) и др., а также обращение в заключительной формуле: *Царь государь,* смилуйся, пожалуй (СПП, 1, 1, 1613); *Государи,* смилуйтеся (КЧ, № 2, 43, втор. пол. XVII в.).

Однако наряду с называнием адресата обращения в челобитных могут играть и эмоционально-экспрессивную роль, являясь средством, характеризующим адресата, выражающим отношение к нему. Эта эмоционально-экспрессивная функция свойственна обращениям *государь (государи), государыня,* которые включаются в текст повествовательной или просительной части челобитных. Слова *государь, государыня, государи,* выступая здесь, своеобразно десемантизируются: это вежливая форма обращения к старшему по социальному положению.[2] Нет необходимости приводить большое число примеров, чтобы показать обычность употребления обращений *государь (государи), государыня* в казусной или просительной части, ограничимся двумя примерами, одним из официально-деловых, другим из частно-деловых челобитных: До Московского, *государь,* разоренья сидѣло нас на Казенном дворѣ подьячих 4 человѣки... А нынѣ, *государь...* сижу я [подьячий Д. Русинов]... один... А на нынешней 123 год только мнѣ... жалованья Ефим Григорьевич Телепнев дал 5 рублев, а товарищем же, *государь,* моимъ... денежное жалованье... дано в полы, а мнѣ, *государь,* бес подписной челобитной не дастъ... Да и в ыных, *государь,* приказех подьячим... жалованье дано ж (СПП, 1, 26, 1613), ср. МДБП, 2, № 3, 1624; ДД, 1, № 54-26, 1638 и мн. др.; Жалоба, *государь,* мнѣ на твоево... бобыля... на Казарина Михайлова сына: в нынѣшнемъ, *государь,* въ 147-мъ году... покралъ, *государь,* тотъ Казаринъ у меня..., а укралъ, *государь,* манисто... Умилостивися, государь Федор Ивановичъ, пожалуй, вели, *государь,* на того... бобыля дать свои праведной судъ и управу в тои гибели (ЧШ, № 2, 47, 1639), ср. АХБМ, 1, № 64, 1650; ИНРЯ, С, № 1, 1686 и мн. др.

Обязательным было употребление обращения *государь (государи, государыня)* в составе формулы, открывающей казусную часть исковых челобитных: Жалоба, *гсдрь,* мнѣ на подячего Приказу Малыя Росии на Нифантья Парфентьева (МДБП, 2, № 109, 102, 1679) и мн. др., в датировке: Въ прошломъ, *г(осударь),* во 155 г. послѣ Петра и Павлова дни... посаженъ я... въ тюрьму... (СиД, № 122, 204, 1648), в начале казусной части: Дѣялось, *государь,* в нынешнем во 133 году... (РБС, № 64, 87,

[2] Об истории слова *государь* см.: Волков С. С. Семантические неологизмы в общественно-политической и социально-экономической лексике судебных актов начала XVII в. — Вестник Ленингр. ун-та, 1960, № 2, с. 111.

1625); Хочется, *государь,* мнѣ... за тобою, государемъ, въ селѣ въ Болтинѣ на старинѣ, гдѣ прежи сего живалъ, жити и кормитися... (АИ, 2, № 126, 152, 1608—1609) и мн. др., а также в просительной формуле после каждого глагола в повелительной форме: ...Вели, *государь,* тем людем торговать в Вязьме попреж(нему)... не вели, *государь,* Вязьмы объезжать... И-вели, *государь,* о том дать в Вязьму к воеводам свою государеву грамоту или вели, *государь,* с меня тое таможенную пошлину снять (РБС, № 187, 208, 1647) и мн. др. По существу этикета того времени обращение *государь (государыня, государи)* полагалось употреблять, как это видно из приведенного выше примера — челобитной Д. Русинова (СПП, 1, 26, 1613), — в начале каждого самостоятельного положения (предложения) челобитной.

О традиционности использования обращения *государь (государыня, государи)* свидетельствует применение именно этого обращения в казусной и просительной части челобитных, которые адресованы царю(царице) или патриарху, в титул которых входит уже не слово *государь (государыня),* а словосочетание *великий государь (великая государыня): «Великимъ государемъ царемъ...* Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю и великой государынѣ... Софии Алексѣевнѣ... Доведетца, *государи,* взять мнѣ... на крестьянинѣ на Еремиѣ Обросимовѣ сынѣ Ляшихинѣ... ссудныхъ денегъ 20 рублевъ 8 алтынъ... и тѣхъ денегъ послѣ строковъ не платили. Милосердые *великие государи...* и *великая государыни...,* велите, *государи,* въ томъ ево, Еремия, допросить. *Великие государи,* смилуйтеся, пожалуйте (КА, № 54, 127, 1687) и др.

Отсутствие обращения *государь (государи, государыня)* в тексте челобитных — показатель неопытности автора (или писца), неумения правильно оформить челобитную (см., например: МДБП, 2, № 2, 1617; № 19, 1635; № 25, 1637 и др.). О неопытности автора (или писца) челобитной говорит также смешение форм единственного и множественного числа обращения *государь (государыня)* при апелляции к одному или нескольким лицам, отмеченное в крестьянских челобитных помещикам, например: Государю князю Никитѣ Ивановичю... По грѣхомъ своимъ волею божиею оскудалъ отъ хлѣбного недороду.., а что было животинишка, кляченко да коровенко, и то, *государи,* все на хлѣб испроѣлъ.., все, *государи,* перевелося... (ЧО, № 1, 64, 1673), см. также ЧО, № 6, 1673, где вместо формы множественного числа употребляется форма единственного числа, и некоторые другие.

По использованию обращения *государь (государи, государыня)* челобитные объединяются с воеводскими отписками, донесениями приказчиков вотчинникам, помещикам и купцам, а также частными письмами. Приведем примеры: В нынешнем, *государь,* во 179-м году сентября в 18 день... пошли мы... из Белагорода с... ратными людьми... к Острогожскому. А сколько, *государь,* со мною... ратных людей..., и о том я... перечне-

вую роспись послал... А Белагородцкого, *государь,* полку... перечневой росписи... послать нам... ныне не мочно... А иных, *государь,* полков ратные люди по дороге к Острогожскому напереди... (Отписка Г. Ромодановского — РД, II-2, № 30, 39—40, 1670) и др.; И... велено, *г(осударь),* им, кузнечижским крестьяном, ...дати на обмену лысогорским крестьяном полевой земли... И те де, *г(осударь),* лысогорские крестьяня... твоево государева указу не послушали.., а им де, *г(осударь),* кузнечижским крестьяном, обиду и налогу чинят большую... А обида, *г(осударь),* им, кузнечижским крестьяном, и потрава есть... (Отписка приказчика М. Гомзякова боярину Морозову — АХБМ, 1, № 99, 162, 1651); Вѣдомо тебѣ, *гсдрю,* буди: по грамотке, *гсдрь,* твоеи по городомъ и до Казани ѣздил и в Казани хлѣбъ принимает прикащик Мирон Голохтионов... и в приемѣ хлѣба, *гсдрь,* по записашнои их тетрате по (о)днои 2093 ясака рьжи, овса тож... а хлѣб, *гсдрь,* в Казани везут велми плох.., и млсти, *гсдрь,* твоеи послал в дву мешечках портяных с рожю опыты.., и ты, *гсдрь,* розсмотря, изволишь... (Отписка П. Акулова К. П. Калмыкову—Гр., № 385, 225, XVII—нач. XVIII в.); Блгдател, *гсдрь* мои Иван Иванович, многолѣтно, *гсдрь,* здравствуи в гсде, челом, *гсдрь,* бью за млсть твою, что жаловал, поил и кормил, а на том тебѣ, *гсдрь,* не спаси бгъ, что напоилъ пьянова, еи, *гсдрь,* и по се число валяюся чудь жив (Письмо И. И. Киреевскому — ИНРЯ, К, № 48, 42, XVII — нач. XVIII в.).

Традиция употребления обращений в литературных памятниках весьма давняя. Она опирается на диалогическую речь и отмечается уже в памятниках старшего периода истории русского языка. Таковы обращения *господине, княже* в Слове о полку Игореве: Вступита, *господина,* въ злата стремень за обиду сего времени (с. 60), Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, *господине,* простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? (с. 63) и др.,[3] и в Слове Даниила Заточника: Азъ бо есмь, кнже *г(с)не,* аки трава блещена, растяще на застѣнии, на ню же ни слнце сиаеть, ни дождь иде(т) (с. 276) и др.,[4] ср. также обращения *господи, дети мои, братие* и другие в церковной и религиозно-проповеднической литературе.

В XIV—XV вв. обращения *господине,* а позднее, с XVI в., *государь* обычны в посланиях, мирных грамотах, судебных актах (судных списках, правых грамотах), которые фиксировали ход устного судебного процесса, в разъезжих, отводных, и других грамотах; обычно обращение *господин* и в новгородских грамотах на бересте. Приведем некоторые примеры: А кто будет, *г(о)с(поди)не,* тобѣ друг, князю великому, то и мнѣ друг. А кто будет, *г(о)с(поди)не,* тобѣ недруг, то и *мнѣ* недруг. А не канчи-

---

[3] Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1952. См. также: *господине* — 'в смысле князя и вообще властителя присоединяется к титулу и заменяет его', 'как выражение почтения' (Срезневский, I, 564).

[4] Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. Изд. 2-е. М., 1952.

вати ти, г(о)с(поди)не княз(ь) велик(и) безъ меня ни с кѣм (Грамота кн. Юрия Дмитриевича Галицкого ок. 1390 г.— ДДГ, № 14, 40) и др.; Поклоно от Карпа к осподину моему Фоми. Было есми, *оспадинь,* на Пустопьржи, рожь есмь роздилило с Ольксои, съ Гафанкомо. Ньмного, *осподинъ,* ржи на твою цасть, два овина цьтвьрти (НГБ, № 23, 25, рубеж XIV—XV вв.); Тягался Ондрон с Сидором с попом.., тако рек Ондрон: жалоба ми, *господине,* на попа на Сидора,— перекосил, *господине,* у меня поп Сидор Самонискои земли через межу... И поп Сидор так рек: косил яз, *господине,* тое земли Самонискои половину свою, а через межу есми, *господине,* Самонискои земли не кашивал... (Судн. сп. 1462—1473 г.— АСЭИ, 1, № 326, 235) и др., ср. в Правой грамоте 1525 г. обращение *государь* на суде великого князя (АЮ, № 17); А ты, *государь,* смилуйся бога ради, мене, грѣшнаго, благослови и прости.., дабы... твоими, *государь,* святыми молитвами наставилъ на путь покаания (Посл. еписк. Никона митр. Симону — АИ, 1, 166—167, 1504—1505) и др.

Таким образом, в письменности эпохи, непосредственно предшествующей появлению новой разновидности актов — жалобниц (челобитных), этикетные обращения *господин, государь* были довольно широко распространены. Поскольку жалобницы сложились как документ, начинающий судебный процесс, заменяющий устное обращение к суду,[5] то, по-видимому, именно судебные акты XIV—XV вв. явились тем источником, из которого жалобницы усвоили традицию употребления в тексте казусной и просительной частей обращения *государь.* См., например, жалобницу И. Яганова 1533—1536 гг. (АИ, 1, № 136), жалобницы 1561 и 1567 гг. в правой и судной грамотах (АЮБ, 1, № 52-7 и -8), жалобницу 1571 г. в правой грамоте (АЮ, № 23) и др. Интересно отметить, что челобитные XVII в. сохраняют этикетное обращение *государь,* хотя характер изложения судебного процесса в правых грамотах, судных грамотах и списках XVII в. становится иным: прямая речь истца и ответчика заменяется косвенной, в связи с этим в них перестает употребляться обращение *государь:* И ставъ старецъ Максимъ да старецъ Мокѣй, и сказали: какъ де они искали на отвѣтчикѣхъ своихъ... земляного ихъ насилства.., и тѣ де ихъ отвѣтчики сказали на судѣ, что де они будто ся тѣхъ ихъ оброчныхъ земель не пашутъ, а пашутъ де они будто ся свою тяглую землю... (Правая грамота 1612 г.— АЮ, № 26, 69), ср. Правую грамоту 1627—1633 гг. (АЮ, № 29) и др.[6]

---

[5] Ср. в судных списках XV в. устное обращение истца к суду (пример см. выше), сменяющееся во второй половине XVI в. изложением (прочтением) на суде жалобницы (см. АЮБ, 1, № 52-8 — Правая грамота 1567 г. и др.).

[6] Возможно, что такая переработка правых грамот, судных грамот и списков в начале XVII в. после «смутного времени» обусловлена стремлением официальных органов использовать слова *государь, государыня* только в значениях 'царь' и 'царица'. См.: Волков С. С. Семантические неологизмы... — Вестник Ленингр. ун-та, 1960, № 2, с. 111.

Использование обращения *государь (государыня)* в повествовательной и просительной частях челобитных является одним из этикетных средств, выражающих экспрессию почтительности и униженности. По этой характерной черте челобитные объединяются, с одной стороны, с отписками воевод, приказных людей разного рода, с другой — с частными письмами (грамотками), разговорниками, произведениями фольклора — теми литературными памятниками эпохи, в которых достаточно полно отражается разговорно-бытовая речь.

Этикетные приложения

Одной из особенностей стиля челобитных является широкое употребление в них приложений. Являясь деловым документом официального или частного характера, челобитные (особенно исковые) требуют точности при изложении тех или иных фактов. Поэтому при упоминании какого-нибудь лица, как мы уже видели при анализе данных об адресанте в формуле начального протокола, сообщается о его должности, занятии, социальном положении, национальности, месте жительства, отношении к другим упоминаемым лицам и т. д., то же самое касается и других сообщаемых фактов. Очень часто эти уточняющие сведения о лице, предмете, явлении передаются с помощью нераспространенных или распространенных приложений. Приведем несколько примеров: А на нынешней 121 год только мнѣ твоего царского жалованья *Ефим Григорьевич Телепнев* дал 5 рублев, а товарищем же, государь, моимъ, *подьячим,* которые сидят у Ефима ж Григорьевича, *у Печати,* твое царское денежное жалованье... дано в полы (СПП, 1, 26, 1613); Въ прошломъ, г., во 149 г. приходилъ въ твое, г., жалованье, *въ мое Шацкое помѣстейцо, въ жеребий села Глядкова,* красть *кр(естьянина) моего Ивашка Носова б(оярина) к(нязя) Михайла Михаиловича Темкина — Ростовскаго вотчины того ж села Глядкова кр(естьянин) его Климко Ивановъ сынъ.* Прокунинъ, *прозвище Болашъ* (СиД, № 134, 221, 1648); Отпущены мы были, *сироты твое,* из Осташкова от *воеводы,* от Федора Рохманинова, за рубеж в литовские городы, *в Смоленск* и *в Магилев,* с товаром, с *вялыю (!) рыбою,* на 11-ти возех (РБС, № 212, 233, 1650); Отцъ, гсдрь, ево, Ивановъ, отходя сего свѣта приказал ево, *Ивана,* мнѣ, *Васке,* и я ево, *Ивана,* женилъ. И он, *Иван,* ннѣ в таких молодых лѣтех пиет и воруетъ з женками... А ннѣ, гсдрь, в великои постъ, я, *Васка,* взялъ было ево, *Ивана,* к себѣ, чтоб он повытерезвился (МДБП, 2, № 52, 68—69, 1655) и мн. др.

Употребление приложений в памятниках письменности XI—XVII вв., их синтаксическая функция, способы выражения, особенности расположения в предложении по отношению к определяемому слову и основные семантические разряды слов, используемых в качестве приложений, довольно подробно рассмотрены

в научной литературе.[7] Приложения в челобитных XVII в. по своей лексико-синтаксической природе, особенностям использования и расположению (препозиция и постпозиция к определяемому) ничем не отличаются от приложений в других памятниках XVI—XVII вв. Можно лишь отметить, что случаи отрыва приложения от определяемого слова встречаются довольно редко и преимущественно в частно-деловых челобитных. Например: А отчету онъ, приказный, староста и целовалникъ намъ, мирскимъ людемъ, в тех поборох не доють.., пожалуи, гсдрня, нам приказнова инова, а *Ивана Саморокова,* гсдрня, к намъ не присылаи, *шурина ево* [старого приказного].., а что онъ, приказной, зделать хочит на(д) теми людми, *мы* и сами, *мирския люди,* не ведоемъ (ИНРЯ, С, № 65, 207—208, XVII — нач. XVIII в.), ср. в официально-деловых челобитьях: И мой, государь, *братишко* хадил под знамем, *Мишка Костянтинов,* и въ тѣ поры, государь, ис церкви паны ранили тово *знаменьщика, моево братишка родново,* ис санапала (СПП, 1, 4, 1613) и др. Распространены также в челобитных случаи повторения предлога при приложении, это встречается постоянно, например в исковых челобитных в формуле, которая начинает казусную часть: Жалоба, гсдрь, мнѣ, Ордынские сотни *на тяглецов на Ефтифея да на Трофима Тимофѣевых* (МДБП, 2, № 110, 102, 1679); Жалоба мнѣ, холопу вашаму, *на прикащицу на стараю, на жену Демида Бертюкова* (ИНРЯ, С, № 52, 202, XVII — нач. XVIII в.) и др.

Вместе с тем в челобитных широкое распространение получает группа постпозитивных приложений — почетных титулов или социально-сословных наименований. Это, как правило, приложения — *государь (государыня), великий государь (великие государи), государь царь (государыня царица), великий святитель, великий господин; холоп (сирота, богомолец, раба) твой (твоя), сиротка, вдова (вдовица, вдовка), мирские (посадские) люди,*[8] — которые, будучи нераспространенными или распространенными, относятся к личным местоимениям *ты* (во мн. числе *вы*) или *я (мы)* в именительном или косвенных падежах при всяком упоминании в тексте челобитной лица, к которому челобитчик (челобитчики) обращается, и самого челобитчика.

Эти приложения могли распространяться этикетными же

---

[7] Борковский В. И. 1) О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV в. — Учен. зап. Ярославск. пед. ин-та. Вып. 4. Русское языкознание. Ярославль, 1944, с. 21—22; 2) Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, с. 312—328; Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса. Киев, 1960, с. 125—128; Савельева Л. В. Приложения в древнерусском языке XIV—XVI вв. (на материале летописей, хождений и некоторых деловых документов). — Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 2. Чебоксары, 1962, с. 394—408; Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972, с. 58—60 и др. — В этих работах, особенно у В. И. Борковского, учтены наблюдения предшественников (А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Е. С. Истриной и др.).

[8] О семантике и применении этих словосочетаний говорилось в главе о формуляре.

определениями (*холоп твой государев* и др.),[9] мог использоваться в качестве приложения полный титул лица, к которому обращается челобитчик.

Рассматриваемая особенность челобитных в сравнении с другими деловыми памятниками сразу же бросается в глаза, и нет необходимости подтверждать ее большим числом примеров: Послал, государь, нас, *холопей твоих,* к тебѣ, *государю,* с Резани воевода... с тѣмъ, что тебѣ, *государю,* добили челом Пронескъ и крестъ тебѣ, *государю,* в Пронску... целовали. И... приѣхали мы, *холопи твои,* против Спасского монастыря... к сараем. И... воры разбойники нас, *холопей твоих,* розбили, а грабежю... взяли, у меня, *холопа твоего у Матюшки,*.. А у меня, *у холопа твоего у Ивашка,* взяли... (СПП, 1, 5, 1613); Бил челом я, *холоп твои,* тебѣ, *великому гсдрю,* старостью своею и увѣчем, что мнѣ, *холопу твоему,* твое великого гсдря службы служит(ь) невмоч,.. и по твоему... указу сошла мнѣ, *холопу твоему,* подписная челобитная, что ты, *великий гсдрь,* указал меня, *холопа своево,* от... службы отставит(ь) (МДБП, 2, №88, 89, 1675); А я, грешьнаи по бзе, краме тобя, *великаг(о) святителя,* помощи.., опричь тобя, *великаго святителя,* ни ют каво не надеюс(ь), токмо ты, *великаи гсдрь святитель,* сотвори нада мною... милость и призри на правая пред тобою, *великим святителем,* покояние мое... (ПНРЯ, П, №13, 135, XVII в.) и др. Ср. также случаи двойного приложения: Твой государевъ стольник и воевода князь Василей Иванович Туренин, приехав в Торопец на воеводство, и отнял у нас, *сирот твоих посадцких людишек,* земской суд и велѣл нас, *сирот твоих,* судити судьямъ. А у нас, государь, *сирот твоих, у посацких людишек,* царьская жаловальная уставная грамота... (СПП, 2, №228, 95, 1613).

То же самое обнаруживаем и в частно-деловых челобитных: Да будетъ, государь, милость твоя до насъ, *сиротъ своихъ,* и изволишъ, государь, отпустить домой, и мы, *сироты твои,* тебѣ, *государю,* противъ своей братьи оброкъ твой платить ради по могутѣ... А у меня, *сироты твоего Микешки,* избенко развалилось.., и мнѣ, *сироте твоему,* Максимко Осиповъ... ставитъ избенко (КЧ, №5, 44, XVII в.); И мы, бедные, об том прибрели к Москве просить и плакатца милости у тебя, *государя боярина,*.. пожалуй нас, *сирот государевых,* вели, г., нам... свой... указ учинить (АХБМ, 2, №524-1, 178, 1660); Умилосердися... Яковъ Никитичъ, пожалуй меня, *сироту, бѣдную въдовку* [выше, в начальном протоколе: «сирота твоя, бѣдная въдовка»], вели... с меня земли зъбавить десятину (ЧО, №45, 87, 1672).

Распространенное приложение, начинающееся со слов *блаженные памяти* и включающее полный титул, используется в челобитных при упоминании покойных родителей феодала (царя, вотчинника или помещика): ...Вели, государь, мне дать свою царскую грамоту.., чтоб... приказщику моему Михалку и людишкам моим... проезд дать повольной против прежнево, как

[9] См. далее раздел об этикетных определениях.

было при отце твоем государеве *блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии* (РБС, № 196, 215, 1649), см. также МАМЮ, № 82-1, 1677—79, ДАИ, 10, № 37, 1682 и др.; Млсти, гсдрь, просимь со слѣзами у вас, гсдреи своих, Андрѣи Никитичъ и гсдрна Ксѣня Семеновна, о том положити, гсдри, вывод за дети наши по моготе, какъ бывало у гсдреи наших, *бжложенной (!) памяти Михала Никитича,* така ж, гсдрь, положи (ИНРЯ, С, № 50, 201, XVII — нач. XVIII в.) и др.

Как показывают приведенные примеры, этикетные приложения являются в челобитных одним из эмоционально-экспрессивных средств и своеобразной формой вежливости, подчеркивающими высокое достоинство, превосходство того лица, которому адресуется документ (*государь, великий государь* и др.), или его родителей и униженность, зависимость, смиренность челобитчика (*сирота* или *холоп твой, сиротка, вдовица* и др.). Не употребляются этикетные приложения в частно-деловых челобитных, которые написаны от имени того или иного лица вотчинникам или помещикам, от которых челобитчик непосредственно не зависит. В таких челобитьях сохраняется обращение *государь,* но отсутствует приложение *холоп (сирота) твой,* изредка заменяемое посадскими людьми или государственными крестьянами сочетанием *холоп (сирота) государев* (см., например, АХБМ, 1, № 95, 1651; № 119, 1651; № 167, 1652; № 174, 1652 и др.). Заменяется обычно этикетное приложение *раба твоя* в челобитных жен или вдов служилых людей приложением *бедная (горькая) вдова (вдовица):* Бил челом (ло)жно сытник Митрофан Коробов боярам а старинай мужа моево (ку)пленой вотчинке...; и тот сытник, Митрофан Коробов, меня, *беднаю вдову,* амерьтвил, сказ(ал), што я умерла... И ныне я, *бедная вдова,* з д(о)черишком била челом тебе, государю... [полный титул], о той... вотчинке, (и ты) меня, *бедную вдову,* пожаловал... (СПП, 2, № 29, 42, 1613), также МДБП, 2, № 54, 1656 *(горькая вдова),* но ср. челобитные вдовы подьячего В. Татарина, где используется *раба твоя* (МДБП, 2, № 121, 122, 123, 124, 1683—1684).

Традиционность употребления приложения *сирота твой (твоя)* приводила к тому, что в крестьянских челобитных довольно часто вместо этой формулы вассальной зависимости используется *сирота (сиротка):* Отпущены мы были, *сироты твое,* из Осташкова — за рубеж... И как мы, *сироты,* будем за Смоленским.., по нас литовские воры ис пищалей стреляли. И меня, Мишку,.. пострелили в правую руку и пульку у меня, *сироты* из руки вырезали (РБС, № 212, 233, 1650), ср. КА, № 12-2, 1675 и др. Еще чаще такая замена наблюдается в частно-деловых челобитных: Смилуйся, государь, пожалуй меня, *сироту своево,* бѣднымъ польготь, государь, намъ, *сиротамъ* во своемъ... оброке, потому что мы, *сироты,* скудны и бѣдны и голодны, оброку... намъ, *сиротамъ,* взять негдѣ (ЧО, № 14, 72, 1675—1682), ср. ИНРЯ, С, № 62, XVII — нач. XVIII в. и др.

В использовании этикетных приложений к личным местоимениям 1-го и 2-го лица челобитные обнаруживают сходство лишь с воеводскими отписками и донесениями старост и приказчиков своим феодалам. Приведем примеры: Въ нынѣшнемъ, г., во 155 г. июня въ 27 д. прислана ко мнѣ, *х(олопу) т(воему)*, въ Ефремовъ твоя... [грамота], а въ... грамотѣ написано, велѣно мнѣ, *х(олопу) т(воему)*, ефремовцу... Лактюшке Некрасову... сказать, что онъ, страдникъ, про тебя, *г(осударя)*, говорилъ непригожия слова и ...велѣно мнѣ, *х(олопу) т(воему)*, того Лактюшку привести къ казни.., и, снявъ съ плахи, ему сказать, что ты, *г(осударь)*, его пожаловалъ, велѣлъ ему въ смерти мѣсто животъ дать (Отписка воеводы — СиД, № 116, 190, 1647) и др., ср. отписку калужского воеводы (ВУР, 1, № 94, 1635), отписку валуйского воеводы (ДД, 2, № 7-8 и -9, 1641) и др.; Писал ты, *г(осударь)*, ко мне, *х(олопу) с(воему)*, чтоб отвести.., вино подрядное в Казань... при брате твоем государеве, *государе* нашем Хлебе (!) Ивановиче, и... деньги б, г(осударь), за вино взять... Писано от тебя, *г(осударя)*, ко мне, *х(олопу) т(воему)*, с кручиною... бутто я, *х(олоп) т(вой)*, ево, Лазаря, браню и позорю всячески (Отписка приказчика Морозову — АХБМ, 1, № 100, 162, 1651) и др., но ср. в отписках приказчиков и старост отсутствие приложения *холоп (сирота) твой* (ИНРЯ, К, № 6, 1696; ИНРЯ, Ч, № 38, XVII — нач. XVIII в.), что, по-видимому, обусловлено недостаточным навыком оформления такого рода актов.

Этикетные определения обычны и в письмах XVII в., но кроме приложения *государь (государыня)* здесь используются и другие: *государь батюшка, государыня матушка, свет мой, благодетель* и др.: А изволиш(ь), гсдрь мои, спросит(ь) про здоровие матери своеи, *гсдрни моеи кнгни Татияны Ивановны*, и про меня, и мать твоя, *гсдрни моя кнгня Татияна Ивановна*, со кнгнею Овдотьею Ивановною... дал бгъ здорово... да млсти у тебя, *гсдря*, кнзь Василеи Василевичь, прошу, пожалуи, приед(ь) к намъ не помешкавъ, сколко тебѣ, *гсдрю*, бгъ помощи подастъ (МДБП, 1, № 11-е, 29—30, 1677); Да прошю у тебя, *гсдря своего батюшки*, слезно... подаи свое заошнае благсвение, да пожалуи, батюшка, отпиши ка мнѣ.., и ты, *гсдрь мои батюшка*, вели отдат(ь) [письмо] нашим козаком (ИНРЯ, К, № 81, 58, XVII — нач. XVIII в.) и др.

Традиция использования этикетных приложений сложилась в челобитных, по-видимому, под воздействием, с одной стороны, начальных формул разного рода грамот (данных, жалованных, духовных и др.) и основного текста духовных грамот: Се яз, *княз(ь) Борис Василевич*, пожаловал есми... (Жалованная гр. 1479 г.— АЮБ, 1, № 30-2, 78); Се яз, *княз(ь) велики Василии Дмитриевич*, пожаловал есмь... (Льготная гр. 1391 г.— АЮБ, 1, № 31-1, 90); ...Се язъ, *грѣшныи худыи (рабъ божии) Иванъ Ива(новичь)*, пишу гр(амоту душе)вную... (Духовная в. к. Ивана Ивановича ок. 1358 г.—ДДГ, № 4, 15); Бью челомъ своему

г(осподи)ну, *великому княз(ю) Василью Васильевич(ю)*, и своеи г(оспо)жѣ, *великои княгинѣ Софьи,* и приказываю свои снохи.., чтобы г(осподи)нъ мои, *княз(ь) велики,* пожаловал, печаловался моими снохами... А внук(а) своего бла(го)словляю, *княз(я) Василья Ярославича,* селы... (Духовная Евпраксии 1433 г. — ДДГ, №28, 71); с другой стороны, договорных и докончальных, перемирных грамот, например: Имѣти ти, г(осподи)не, *княз(ь) велики,* себѣ братом молодшим и с(ы)номъ. А брату твоему, г(осподи)не, молодшому, *кн(я)зю Костянтину Дмитреевич(ю),* имѣти ему меня собѣ братаничем... А держати ми, г(осподи)не, под тобою, *великим кн(я)зем,* кн(я)жен(ь)е великое чесно и грозно... (Докончание 1433 г.— ДДГ, №27, 69); На сем яз, *княз(ь) Дмитреи Юрьевич,* да яз, *княз(ь) Иван Андрѣевич,* целовали есмя кр(е)стъ къ своеи брат(ь)и молодшеи, *кн(я)зю Михаилу Андрѣевич(ю)* и *кн(я)зю Васил(ь)ю Ярославич(ю),* что мнѣ, *кн(я)зю Дмитрию Юрьевич(ю), и кн(я)зю Ивану Андрѣевич(ю)* бити челом своему г(о)с(поди)ну, *брату старишему, великому кн(я)зю Васил(ь)ю Васильевич(ю).* Перемирная 1447 г.—ДДГ, №46, 140) и др. Однако во всех указанных деловых документах, которые могли послужить источником для этикетных приложений в челобитных, приложения *князь великий, князь Юрий Дмитриевич* и др. не только носят этикетный характер, но и являются уточняющими элементами, строго определяющими лицо, от имени которого написана грамота (жалованная, льготная, духовная и др.), указывающими того, кому завещается что-либо (в духовных), или определяющими обязывающиеся стороны в договорных, перемирных, докончальных грамотах.

Насколько широко использовались этикетные приложения в челобитных, можно судить по тому, что, например, в основных (внеформулярных) текстах 30 произвольно взятых челобитных за разные годы (СПП, 1, с. 1—9: 10 челобитных 1613 г.; МДБП, 2, № 5—14: 10 челобитных 1625—1634 гг. и № 110—119: 10 челобитных 1679—1683 гг.) на 3679 словоупотреблений полнозначных слов, включая местоимения и собственные имена, приложения *холоп (сирота, раба) твой (твоя)* и *государь (великий государь)* употребляются 160 раз (соответственно 131 и 29), что составляет 4,3% всех словоупотреблений. А если добавить к этому 172 случая использования этикетного обращения *государь (государи),* то в сумме эти этикетные элементы составят 6,3% всех словоупотреблений. Но количество этикетных элементов в челобитных увеличивается еще и за счет согласованных и несогласованных определений этикетного характера.

Этикетные традиционные и ситуативные определения

В ряду эмоционально-экспрессивных средств, использующихся в челобитных XVII в., значительная роль принадлежит определениям. В отличие от других разновидностей деловых памятников XV—XVII вв., в которых категория имен прилага-

тельных как по своему количеству, так и по составу (представленным лексико-тематическим группам) довольно ограниченна,[10] в челобитных XVII в. прилагательные составляют более одной пятой части (около 22%) всего словарного состава. Если прибавить к прилагательным местоимения-прилагательные, причастия, порядковые числительные, то (не учитывая даже прилагательных, входящих в состав двучленных терминов) удельный вес слов, которые используются преимущественно в качестве определений, окажется в словарном составе челобитных еще больше.

Разумеется, основная масса определений выступает в челобитных в своей основной функции, обозначая разнообразные признаки предмета. Вместе с тем в челобитных выделяется довольно большое количество определений, которые, повторяясь из акта в акт, являются одним из этикетных или эмоционально-экспрессивных средств. Одни из них характерны преимущественно для челобитных, другие же объединяют эту разновидность актовой письменности с ее иными видами.

Рассматривая эти этикетные и традиционные определения, мы выделяем в них четыре группы, отличающиеся как особенностями употребления, так и происхождением, источником, из которого они были почерпнуты.

Первую группу составляют особенно частые в челобитных устойчивые сочетания из двух определений: согласованного определения — притяжательного местоимения *твой (твоя, твое), ваш (ваша, ваше)* или *свой (своя, свое)* — с согласованным определением — прилагательным: *государев, -а, -о* или *государский, -ая, -ое, царский, -ая, -ое* или же несогласованным препозитивным определением — родительным падежом словосочетания *великий государь,* т. е. *твой (ваш, свой) великого государя,* например: Подал я, холоп твой, *твоимъ государевымъ* бояромъ память о *твоемъ государеве* дѣле. И как был в приставех у пана Струса Иван Турской, и.., поймав онъ *твою государеву* многую казну.., посвез с Москвы... И по *твоему государеву* указу... послано по то во Тв(ерь), и *твою государеву* казну велено у нево взять, а до тѣх мѣстъ, какъ изо Твери съѣздитъ посланникъ *твой государев..,* сьезжать мнѣ... с Москвы не велено по *твоему государеву* ук(азу) (СПП, 1, 13—14, 1613) и др. То же самое находим и в частно-деловых челобитных: По *твоему государеву* указу выбранъ я [крестьянин Н. Яковлев]... *вашихъ государевыхъ* пчелъ ухаживать и устраивать.., а *твоего государева* жалованья на работу нѣтъ.., вели, государь, меня переменить, а ф то мѣсто иному крестьянину *свои государьские* пчелы ухаживать (ЧО, № 33, 80, 1673) и др.

Приведенные примеры показывают, что по этикету того времени всякое упоминание в челобитной того, что принадлежит феодалу, находится под его властью, зависит от него, подчи-

[10] См., например, наблюдения В. И. Борковского в книге «Синтаксис древнерусских грамот» (см. 217—291).

нено ему или связано с ним, должно было сопровождаться этими определениями. Устойчивые сочетания определений *твой (ваш, свой) государев (государский, царский, великого государя, боярский)* как бы сливаются в одну смысловую единицу. Первый элемент в ней (притяжательное местоимение) определяет принадлежность (в широком смысле) того, что названо определяемым, лицу, которому адресована челобитная. Второй элемент, уточняя принадлежность (зависимость, подчиненность), является своеобразной формой вежливости, выражения почтительности, т. е. этикетным средством.[11] На второй элемент в рассматриваемом сочетании падает логическое ударение, особенно акцентирующееся при инверсии, ср. в приведенных примерах: по *твоему государеву* указу и посланник *твой государев.*

Определения-сочетания *твой (ваш, свой) государев (государский, царский, великого государя)* использовались применительно к царю; *твой (ваш, свой) государев (великого государя, великого господина, святительский)* — в отношении патриарха, *твой святительский* — в челобитных архиепископам, митрополитам. В частно-деловых челобитьях вотчинникам и помещикам выступают определения-сочетания *твой (ваш, свой) государев* или *боярский* (редко также *государский*). Интересно отметить, что прилагательное *боярский* употребляется здесь не в старом значении 'прилагательное к *боярин* — лицо, принадлежащее к высшему сословию (т. е. представитель верхушки княжеской дружины; член княжеского совета; вольный слуга князя)' (см. Срезневский, I, 150—151, 160—162) и не в более новом, появившемся во второй половине XVI в., значении 'прилагательное к *боярин* — лицо, пожалованное высшим придворным титулом, член боярской думы' (ср. по *боярскому* приговору), а в значении 'имеющий отношение, принадлежащий крепостнику — землевладельцу, вотчиннику или помещику', т. е. в том же значении, в каком использовалось начиная с XVIII в. и до 1917 г. прилагательное *барский,* возникшее из *боярский.*

Круг слов, с которыми сочетаются в обследованных челобитных рассматриваемые определения, довольно широк. Определяемым словом могли быть названия лиц по званию, должности, социальному положению, занятию; термины родства; административно-территориальные термины; наименования учреждений, названия сборов и налогов; терминология служилого землевладения, названия разного вида жалованья служилым людям; служебные термины; юридические термины; названия документов; слова, относящиеся к хозяйству феодала, и многие другие, например: *боярин (бояре), стольник, воевода, кречетник, приказный человек, староста, бобыль, крестьянин, казак, человек*

[11] Ср. также присоединение прилагательных *государев, царский (великого государя)* к формуле вассальной зависимости *холоп (сирота) твой государев, твой государев (царский, великого государя) богомолец (богомолица)* в начальном протоколе челобитных и в этикетных приложениях.

'зависимое лицо', *отец, брат, волость, город, село, Печать* 'Печатный приказ', *приказная палата, оброк, пошлина, откупные (стрелецкие, таможенные) деньги, вотчина, лес, ухожье, жалованье, корм* 'вид жалованья', *дело, работа, служба, суд (суд и управа), наказанье, пеня* 'штраф', *оборонь* 'защита', *грамота, отписка, указ* 'устное и письменное распоряжение; частный законодательный акт', *застава, полк, гумно, двор, житница, сарай, животина* 'скот', *конь, пчелы, сено, хлеб, молитва, счастье, веселье* 'свадьба', *воля* и многие другие.

В частно-деловых челобитных определения *твой (ваш, свой) государев* и *твой (ваш, свой) боярский* (редко *государский*) употребляются безразлично, выбор одного из них полностью зависит от воли того или иного автора (писца): А *твоя государева* вотчина, село Старое Покровское, от села Мурашкина недалече (АХБМ, 2, № 512, 171, 1660), но: Живем, г., мы [крестьяне] подле *твоей боярской* вотчины, подле села Богороцкого (АХБМ, 2, № 524-1, 177, 1660) и др., ср. также в приведенном выше примере *ваши государевы* и *свои государские пчелы* в одном акте.

В официально-деловых челобитных на имя царя выбор того или иного варианта из *твой (ваш, свой) государев (государский, царский, великого государя)* был в известной степени обусловлен, с одной стороны, традицией, с другой стороны — временем написания акта. Этикетные определения-сочетания *твой (ваш, свой) великого государя (великих государей)* начинают употребляться регулярно лишь с конца 70-х годов XVII в., когда в титуле царя вместо прежнего *государь* появляется *великий государь:* Не вели, государь, насъ ...съ той *твоей, великого государя,* земли згонять... и вели, государь, противъ прежняго *своего, вел(икого) гос(ударя)* указу и грамотъ... о чертежѣ лебединской землѣ... и о грабежѣ *свой, великого государя,* указъ учинить, чтобъ намъ... и впредь *твой (!), великого государя,* службы не отбыть (Баг., № 28, 96, 1680—1681). Но вместе с тем до конца XVII в. продолжает употребляться *твой (ваш, свой) государев:* А са откупшиками вели, гсдрь, дат(ь) торхъ, а откупныя дньги буду платить в *твою гсдрву* казну въ годъ на адин срокъ (МДБП, 2, № 108, 102, 1678) и др.

Наибольшей сочетаемостью и употребительностью обладает определение *твой (ваш, свой) государев.* В наших материалах оно не отмечено со словами *величество* 'величие' и *здравие:* для *своего царьского величества* и многолѣтного *здравия* (СПП, 1, 1, 1613) и др.; *выход:* пожалуй насъ... *своимъ царьскимъ выходомъ* (ДД, 1, № 38-3, 468, 1635) и др.; *долг* 'задолженность': не вели, гсдрь, преж *своего гсдрского долгу* у меня дворишка отлучить (МДБП, 2, № 105, 100, 1676), здесь же: *твоего, великого гсдря, долгу; счастие, молитва: твоим государским счастием...* ратные люди тех многособранных воров побили (РД, II-1, № 215, 263, 1670); И я [воевода]... на того вора

Илюшку... за *твоею государскою* праведною к богу *молитвами* (!) промыслы чинил (РД, III, № 140, 154, 1671); *суд* или *суд и управа:* велите, государи, на него, Семена, въ той хлѣбной потравѣ дать *свой царьской судъ* (КА, № 30, 61, 1685) и др., дат(ь) *свои црьскои суд и управу* (МДБП, 2, № 7, 47, 1626) и др., только один раз отмечено *свои гсдрскои суд и управу* (МДБП, 2, № 110, 103, 1679); а также *венец* 'венчание': для *своего царьсков(о) (вѣ)н(ц)а* (СПП, 2, № 136, 73, 1613) и др.

Многозначность прилагательного *государев* 'царский', 'патриарший', 'принадлежащий вотчиннику или помещику' приводила иногда к тому, что к определению *твой (ваш, свой) государев* присоединялось еще одно уточняющее определение: Въ прошломъ, государь, ...году... приѣхалъ въ *твою государеву царьскую* отчину во Псковъ... мой малецъ Пантелейко Ивановъ (МАМЮ, № 5-6, 31, 1631); И по *твоему гсдрву свтльскому* указу та моя крѣпостная бѣглая жонка отдана мнѣ (МДБП, 2, № 12, 50, 1633); Вели, г(осударь), мне дать *свою государеву боярскую* грамоту (АХБМ, 2, № 395, 99, 1659) и др.

Этикетное определение — сочетание *твой (ваш, свой) царский* употребляется главным образом в заключительной (просительной) части челобитной: Милосердый государь... пожалуй меня... *своимъ царскимъ жалованьемъ*... (ДД, 1, № 14-1, 289, 1629); ...Вели, гсдрь, в Новую чети (!) послат(ь) памет(ь)..., чтобы на меня суда не давал.., чтобы мнѣ... *твоего црьского* кадошевскаго дела... не отбыт(ь) (МДБП, 2, № 51, 68, 1649), но ср.: А что, гсдрь, написал я... *твое црьское* жалованe, своего помѣстеица, вмѣсто приданово.., и то было помѣстеицо справит(ь) ему, Василю, за собою не женяс(ь) (МДБП, 2, № 61, 74, 1666) и др.

Для определений *твой (ваш, свой) государев (государский, царский, великого государя, боярский)* характерна препозиция по отношению к определяемому слову, в постпозиции они употребляются только в сочетании с терминами родства: брату *вшему гсдреву* — МДБП, 2, № 125, 113, 1685; брату вашему, *великихъ гсдреи* — МДБП, 2, № 118, 1682; отца *твоего государева* — ДД, 1, № 38-1, 1633 и др. Такие определения обычно примыкают к определяемому слову. Отступления от этих норм очень редки в официально-деловых челобитных, чаще встречаются они в частно-деловых актах.

Рассмотрим случаи постпозитивного расположения определений, отмеченные лишь в частно-деловых челобитных: Жалоба, государь, мнѣ на твоево государева на бобыля вотчины *твоей государевы* села Покровскаго на Казарина Михаилова сына (ЧШ, № 2, 47, 1639); И всегда, гсдрь, з гумна *твоево боярскова* все волачоть [старая приказчица] (ИНРЯ, С, № 52, 202, XVII — нач. XVIII в.); Сараи *ваши боярские* стали переправлеват(ь) (ИНРЯ, С, № 53, 202, XVII — нач. XVIII в.), см. здесь же № 44, 72, 78; АХБМ, 2, № 443 и 465, 1660 и др., ср. постпози-

цию и отрыв определений от определяемого (разделены обращением); по *указу*, гсдрня, *вашему боярскому*... (ИНРЯ, С, № 66, 208). Во всех этих случаях может играть роль и стремление автора (писца) инверсией определения подчеркнуть его, выделить.

Возможно, тем же стремлением акцентировать определение *царский* объясняется вставка обращения между определениями: *Твое*, государь, *царское* жалованье, наши помѣстьишка и монастырские и церковные вотчины во псковскихъ пригородѣхъ... (МАМЮ, № 18, 85, 1638) Иногда встречаются случаи постановки между определением и определяемым других членов предложения, например, сказуемого: И по нашему [воевод], государи, писму прислана ваша государева грамота къ... архиепископу Иосафу, и по ево... архиепискуплеву сыску велѣно *вашо государево* дать *наказание* (МАМЮ, № 6, 36, 1631); Я рад тенут свою долницы и *тебе* [вм. твой] *оброк* плотит(ь) *боярьской* радь противь своего брата по теглу (ИНРЯ, С, № 61, 206, XVII — нач. XVIII в.), другого согласованного или несогласованного определения: А ныне я, холопъ твой, помня *твое государево* прежняе *крестное целованья*... приѣхалъ... съ Еика съ *твоимъ государевымъ* тайнымъ *дѣламъ* въ Посольской приказъ (ДД, 1, № 46-2, 557, 1637), см. здесь же: *твоимъ государевымъ* украинныхъ городовъ людемь — № 31-10, 427, 1634 и некоторые другие, а также разделение определений усилительной частицей *же*: у *твоево* ж *гсдрва* иконописца — МДБП, 2, № 26, 57, 1637, в *твоей* же *государеве* вотчине — АХБМ, 2, № 512, 171, 1660 и др.

Вместе с тем обычным было использование рассматриваемых определений перед традиционными определениями *милостивый, праведный* и другими в просительной части акта: Вели, государь, по сей челобитной *свой царьской праведной подлинной* указъ учинити (МАМЮ, № 5-6, 34, 1631); см. также: *твое царьское милостивое и жалованное* слово — СПП, 1, 20, 1613; *свои, великих гсдреи, млстивои* указ учинит(ь) — МДБП, 2, № 119, 1683; *свой боярской милостивой* указ учинить — АХБМ, 2, № 523, 1660 и мн. др.

Единичны в челобитных случаи повторения предлога у каждого из определений: Вели, г., пустить крестьянишек моих *в свой в боярской* лес для дровишок (АХБМ, 2, № 442, 129, 1660); И приезжал [Алешка Марков] ночною порою *на твой на боярской на житной* двор с подводы (АХБМ, 2, № 451, 134, 1660) и др. В официально-деловых челобитных таких случаев не отмечено, но ср.: ...ѣхали мы, холопи твои, къ тебѣ, государю, къ Москвѣ з Дону отъ Войска съ отписками *о твоемъ государеве о великомъ* дѣле (ДД, 1, № 40-2, 483, 1636).

По употреблению этикетных определений челобитные совпадают с воеводскими отписками (служебными донесениями), например: Писали мы [воеводы М. Шеин и П. Горчаков], холопи твои, изъ Смоленска въ Великой Новгородъ къ *твоему госу-*

дареву боярину ко князю Михайлу Васильевичю Шуйскому, чтобъ *твоимъ государевымъ* воеводамъ... сойтитца съ бояриномъ со княземъ Михайломъ Васильевичемъ... А *твои государевы* воеводы, князь Яковъ Борятинской, Семенъ Одадуровъ... писали къ намъ.., что онѣ... божиею милостию и *твоимъ государевымъ* счастиемъ воровъ и литовскихъ людей... побили... И мы... къ воеводамъ писали противъ *твоей государевы* грамоты, какова къ намъ... прислана... (АИ, 2, № 232, 273—274, 1609) и мн. др. То же самое находим и в отписках приказчиков вотчинникам и помещикам: По *твоему государеву* [указу] велено мне, х. т., сено косить... А будет, г., изволишь косить, и ты, г., укажи.., чтобы *твоему государеву* сенокосному делу замечтанья [вм. замотчанья] не было... И по се число ездили многие чесные люди через мост, а *твоех государевых* крестьян ничем не оскарбливали (АХБМ, 2, № 312, 42—43, 1652) и мн. др.

Практика употребления этикетных определений сложилась в официально-деловой письменности — в челобитных, воеводских отписках и других приказных документах (докладах, приказных памятях и т. п. актах), по-видимому, в XVI в. под воздействием царских грамот, особенно указов, где широко использовались притяжательные местоимения *мой, наш*: От великог(о) кнзя Василя Василевич(а) кнзем *моим*, и бояром, и дѣтем боярскым, и всѣмъ *моим* дворяном. Чтобы есте в Нерехтѣ... не ставилися... по сеи по *моеи* грамотѣ. А кто ся ослушает сее *моеѣ* грамоты, быти от мене в казни (АЮБ, 1, № 55, 251, 1425), ср. в конце XVI в.: Отъ царя... на Верхотурье воеводѣ *нашему* князю Ивану Михайловичю Вяземскому да головѣ... Били намъ челомъ... верхотурские жилцы.., а сказали: по *нашему* указу велѣно имъ быти на Верхотурьѣ.., и какъ къ вамъ ся *наша* грамота придетъ, и вы бъ верхотурскимъ жилцомъ... дали срокъ (АИ, 2, № 29, 27, 1599) и др.

Рассматривая употребление в челобитных этикетных определений как одну из стилистических черт этой разновидности актов, нельзя не отметить, что в некоторых челобитных (особенно в частно-деловых) этикетный элемент *государев (государский, великого государя, боярский)* отсутствует, например: ...Вели, государь, мнѣ додати свое царское жалованье у Печати, пошлинных денег, печатнику *своему* Е. Г. Телѣпневу (СПП, 1, 10, 1613); Умилостивися, государь Борис Иванович, для *своего* многолетного здравия и поминаючи *свое* родители, воззри, г(осударь), *своим* милостивым оком, вели, г., дать... на пропитанье братье хлеба (АХБМ, 2, № 358, 73, 1658), см. ИНРЯ, С, № 1, 1686; ЧШ, № 2, 1639; ЧО, № 15, втор. пол. XVII в. и мн. др.

Вторую группу регулярно используемых в челобитных определений составляет ряд постоянных эпитетов к словам — названиям светских или духовных феодалов, членов семьи светских феодалов, к наименованиям некоторых понятий, свя-

занных со светскими или духовными феодалами. К ним относятся прилагательные *благоверный, благодатный, благородный, благочестивый, блаженный, милосердный, милосердый, милостивый, многолѣтный, праведный.*[12]

Прилагательные эти известны в древнерусской письменности с XI—XII вв., они обычны в конфессиональной книжности, поучительной и житийной литературе. Уже в это время некоторые из них стали использоваться в житиях, летописях и других памятниках и в отношении светских лиц — князя, царя: Чюдо видѣвше самъ *благовѣрныи* кнзь *Ярославъ* (Иак. Бор. Гл., 124— Срезневский, I, 92); Просвѣтилъ еси всѣхъ насъ *благочстивыи* црю Русскыи (Стихир. Влад. — Срезневский, I, 109); Князь Василии... внукъ Игоревъ *блаженыя* княгыни Олгы (Церк. уст. Влад. д. 1011 г. — Срезневский, I, 110) и др. Летописи, а затем русские повести XV—XVII вв. широко используют эту традицию, приведем лишь несколько примеров: Сей убо русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержствуяй *благоверный* князь... именем Павел (Пов. о Петре и Февронии — РП XV—XVI вв., 108); Бе же сие в лето 7085-го, во царство *благовернаго и христолюбиваго* государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича... и при *благоверных* его царевичех... (Пов. об осаде Пскова — там же, 124); В лета 7118 преставися *благоверный и благородный и благочестивый,* прирожденаго *благочестиваго* государя царя... Василия Ивановича... боярин воин и воевода... князь Михайло Васильевичь Шуйской (Пов. о смерти М. В. Скопина-Шуйского — РП XVII в., 29) и др.

Как этикетный элемент и средство эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата, эти постоянные эпитеты регулярно начинают употребляться в челобитных лишь во второй половине XVI в. В жалобницах первой половины XVI в. они встречаются очень редко. Так, например, в жалобнице И. Яганова 1533—1536 гг. (АИ, I, № 114-2, 170 и сл.) находим: Напередъ сего служилъ есмь, государь, отцу твоему великому князю Василью.., — здесь отсутствует обязательный для челобитных XVII в. этикетный элемент *блаженные памяти* (великому князю...). В просительной части обращение не начинается с *милосердый, милостивый:* Государь князь великий, умилосердись, обыщи..; ср. также в жалобнице 1567 г. (АЮБ, 1, № 52-8), но уже в жалобнице 1561 г.: *Православный* государь царь, покажи милость, сыщи своимъ царьскимъ обыскомъ... (АЮБ, 1, 52-7, 225), ср. АЮБ, 3, № 367-1, 1569; АЮБ, 3, № 367-5, 1583; РБС, № 14, 1588 и др., где обращение содержит эпитеты *милосердый, милостивый, православный.* И в жалобнице И. Яга-

[12] Не следует включать в эту группу определения-эпитеты *великий, преосвященный, пресвятой, святейший,* поскольку они являются одним из элементов титула царя и членов его семьи, патриарха, архиепископа и других духовных чинов и употребление их было обязательным при именовании того или иного лица.

нова имеем уже: Язъ, государь, тобя, государя, и твою мать, *благовѣрную* великою княгиню Елену отъ нѣколкихъ смертоносныхъ пакостей избавлялъ.

В официально-деловых челобитных XVII в. употребление этикетных постоянных эпитетов носит регулярный характер: Гсдрне *благоверной* црице... (Евдо)кее Лукяновне бьет челом... Овдотьица. *Млсрдая* и *праведная* гсдрня.., пожалуи меня... на родины кормъцу... (МДБП, 2, № 16, 53, 1634), ср. в челобитных на имя царевны Софьи (КА, № 53, 1687 и мн. др.); Государь, *благочестивый* царь.., смилуйся, пожалуй (СПП, 1, 5, 1613); *Милостивый* царь.., пожалуй меня... (СПП, 1, 2, 1613) и др.; *Милосердай* и *праведънай* царь.., пожалуй меня... (СПП, 1, 4, 1613); *Милосердый* и *праведный* и *благочестивый* г(осударь), пожалуй меня.., вели, г(осударь),.. для своихъ г(осударевых) чадъ *благородныхъ* свѣтъ видѣть дать (СиД, № 260, 479, 1637); Служили мы... отцу вашему, [великих] государей, *блаженныя памяти* великому государю... Алексѣю Михайловичю... (ДАИ, 10, № 37, 117, 1682); *Млсрдые* великие гсдри.., пожалуите меня... для своего, великих гсдреи, *многолетного* здравия и для здравия великие гсдрни *блговѣрные* црцы... Наталии Кириловны (МДБП, 2, № 132, 118, 1692); Вели, гсдрь,.. свои, великого гсдря, *млстивои* указ учинить (МДБП, 2, № 61, 74, 1666); И я [поп Федосий]... прибрелъ къ Москвѣ и принесъ къ тебѣ, г(осударю) *праведному*, свою винную голову (СиД, № 249, 450, 1637); Пожалуй меня... на подем, чемъ тобѣ, *праведному* гсдрю, обо мнѣ бгъ известит (МДБП, 2, № 48, 66, 1646).

Этикетные постоянные эпитеты, как показывают приведенные примеры, включались в состав формулярных элементов челобитных: в формулу начального протокола (государыне *благоверной* царице или царевне), в обращение, которым начиналась формула, вводящая изложение просьбы: *милосердый, (праведный, милостивый, милосердный)* государь.., здесь использование этого эпитета было обязательным, и только в одной из 874 челобитных он отсутствует (МДБП, 2, № 52, 1655). Выбор того или иного варианта постоянного эпитета в обращении, начинающем просительную часть, всецело зависел от воли автора (писца). Наиболее употребительным был постоянный эпитет *милосердый,* известный в древнерусской письменности с XII в. (Срезневский, II, 139). Эпитет *праведный* 'настоящий, подлинный' (ср. Срезневский, II, 1360—1361, с. XI в.) здесь и в этикетных приложениях использовался преимущественно в эпоху «смутного времени» и некоторый период после него, когда живы были еще воспоминания о самозванцах, см., например: А я, богомолецъ твой, къ тебѣ, *праведному* г(осударю) ц(арю), о томъ пишу не ложно (СиД, № 29, 33, 1626). В дальнейшем он выступает лишь в сочетании со словом *указ:* Вели, государь, по сей челобитной свой царьской *праведной* подлинной *указ* учинити (МАМЮ, № 5-6, 34, 1631), см. также МДБП, 2, № 76,

1671 и др., где имеет уже значение 'справедливый, находящийся в соответствии с истиной'.

Рассматриваемые постоянные эпитеты использовались в этикетных приложениях (тебе, государю *праведному;* ты, *праведный* государь), включались в состав разного рода формул-штампов (вели свой... *праведный* (*милостивый*) указ учинить; чем тебя, *праведного* (*милосердого*) государя бог известит ('что соизволишь'); для своего... *многолетного* здравия), хотя часто эти приложения и формулы-штампы выступали и без постоянных эпитетов. Поскольку в этикетных приложениях и указанных формулах-штампах постоянные эпитеты не были обязательными, включение их служит доказательством того, что авторы (писцы) рассматривали их как одно из средств воздействия на чувства адресата челобитных. Не случайно примеры их употребления характерны для челобитных-прошений, повинных челобитных и реже исковых заявлений.

Обязательными были этикетные постоянные эпитеты при упоминании членов семьи царя (*благоверный* царевич, *благоверная* царица, царевна), умерших царей или родственников царя (отца твоего, *блаженные* памяти...).

Этикетное определение *милостивый* (*милосердый* и другие) не использовалось обычно в челобитных светским или духовным властям: Государь велеможный панъ Янъ Петръ Павловичь Сапѣга... (АИ, 2, № 128, 154, 1608—1609) и др.; Государи бояре, покажит(е) (милость), велити... (ПРП, 5, 140, 1611); Государи великие бояре Яковъ Пунтосовичь да князь Иванъ Никитичь, пожалуйте, государи, меня... (АЮБ, 1, № 90, 584, 1613) и др.; Государь преосвященный Варлаамъ, архиепископъ.., пожалуй насъ... (АЮБ, 3, № 371, 495, 1639) и др., но ср. здесь же: *Милостивый* государь преосвященный Симонъ.., пожалуй меня,.. (АЮБ, 3, № 370-4, 492, 1684).

Реже встречаются этикетные постоянные эпитеты в частно-деловых челобитных: *Милостивой* государь и *милосердой* Борис Иванович, пожалуй меня,.. (АХБМ, 2, № 534-2, 185, 1659—1660);[13] И я, общей богомолец государев и твой, у тебя, государя *милостиваго,* милости прошу (АХБМ, 1, № 104, 166, 1651); Вели, г., над нами, бедными сиротами своими, свою государеву боярскую *милостивую* пощаду учинить (АХБМ, 1, № 105, 167, 1651), см. также *милостивое* росмотрение — АХБМ, 2, № 392, 97, 1659, *милостивое* око — АХБМ, 2, № 358, 73, 1658, *милостивой* указ учинить — АХБМ, 2, № 363, 76, 1659; Вели, государь, на того своево бобыля дать свои *праведнои* ['справедливый'] судъ и управу (ЧШ, № 2, 47, 1639); *Блаженныя памяти* государь нашъ, Иванъ Васильевичь, а вашъ, государи, батюшка изволилъ у меня, сироты, взять... два бычка (КЧ, № 2, 42, втор. пол. XVII в.) и др.

---

[13] Это объясняется использованием особой формулы, вводящей просьбу в частно-деловых челобитных (*умилосердись, государь...*).

Третью группу традиционных определений образуют прилагательные *всесильный, всещедрый* (бог), *божий, живоначальная* (троица), *крестьянский* (и *христианский*), *православный, преподобный, пречистая, святой, христов* и другие, которые постоянно используются как в официально-, так и в частно-деловых челобитных при упоминании связанных с религией предметов и понятий. Употребление этих традиционных определений обусловлено мировоззрением человека того времени. Особенно часто встречаются традиционные эпитеты христианской религии в челобитных представителей черного и белого духовенства, в актах, направленных на имя духовных лиц. Ограничимся несколькими примерами: И мы, холопи твои, в те поры... х Китаю-городу на приступ ходили и за *православную крестьянскую* вѣру кровь проливали (СПП, 2, № 8, 34, 1613); Вели, гсдрь, ево, Ивана, в мнстрь под начала сослат(ь).., чтоб, гсдрь, дша ево *християнская* даром не погибла (МДБП, 2, № 52, 69, 1655);[14] Вели, государь, тѣмъ троецькимъ и манастырскимъ служкамъ служить во Псковѣ городовую службу, чтобъ до конца *святыя божия* церькви не опустѣли (МАМЮ, № 32, 152, 1666 — челобитная псковского духовенства); Ездил я, богомолец твой, в Свинской монастырь помолитись *пречистые* богородицы (РД, II-2, № 119, 158, 1670); И мы, сироты твои, попаметуючи себе страх *божий* и твое, великого государя, кресное целование... велели... в сполошные колокола бить (РД, II-1, № 127, 152, 1670) и др.

Традиционные определения *божий, святой, крестьянский* (*христианский*) и другие обычно находятся в препозиции к определяемому слову,[15] сочетания из двух таких определений (*святыя божия* церкви, *православную крестьянскую* веру и др.) также имеют традиционный характер, поэтому не случайно наличие в них морфологических и лексических архаизмов (ср. *крестьянский* и другие однокоренные слова в памятниках до XIV в. — Срезневский, I, 1343—1345).

Четвертая группа определений — прилагательные и причастия, которые характеризуют челобитчика, указывая на его имущественное положение, ситуацию, в которой он находится, испытанные им беды, несчастья и т. п. К ним относятся, с одной стороны, традиционные определения: *бедный, виноватый* (и *винный*), *горький, грешный, многогрешный, нищий, нужный, последний* 'самый бедный, неимущий', *сиротский, скудный, страдничий, убогий, холопий*, с другой стороны — определения ситуативные: *беззаступный, беспомочный* (и *беспомощный*), *бесприютный, грабленый, должный, заключенный, маломочный, ограбленный, переграбленный, пограбленный, погорелый* 'пострадавший от пожара', *пожарный* 'пострадавший

[14] Не включаем сюда прилагательных — определений, входящих в состав названий церковных праздников: *велик* день, *страстная* неделя и др.

[15] Ср.: Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот, с. 228—229.

от пожара', *разоренный* (в конец, до конца). Все они использовались в определенных разновидностях челобитных (челобитных-прошениях, повинных и иногда исковых).

Одни из этих определений употребляются постоянно (прилагательные первой подгруппы), их использование строго обусловлено: *горький* 'безутешный' — только о вдове, *нищий* 'неимущий, бедный' — только о монахах, *скудный* 'бедный, неимущий' — только в крестьянских челобитных. Традиционность этих определений заключается и в том, что они являются обобщенным средством, с помощью которого челобитчик старается вызвать к себе сочувствие и тем добиться удовлетворения своей просьбы: *бедным* может быть и сидящий в тюрьме ростовский кирпищик (СиД, № 240, 1627), и крестьянин «*последний* [т. е. 'самый бедный, нищий'] сирота твой» боярина Морозова, помещика Г. Янова и др. (АХБМ, 2, № 450-1, 1660; КЧ, № 1, 1684), и сотник московских стрельцов Ганка Бибиков, который «обеднял, платишком ободрался» на государевой службе (МДБП, 2, № 34, 1645), и подключник царского Хлебенного дворца, добивающийся пожалования чего-нибудь «дочеришке на свадьбенку» (МДБП, 2, № 38, 1642) и т. д. Определение *страдничий* 'холопий, мужичий' в словосочетании *страдничья вина* (Милосердый г(осударь), смилуйся.., пожалуй меня, бѣднаго своего... богомольца, въ винѣ моей *страдничьей* — СиД, № 249, 450, 1637) может относиться и к попу, как в приведенном примере, и к казаку (СиД, № 271, 1643), и к крестьянину (АХБМ, 1, 79, 1650), и к ярославским воеводам, архимандриту, игуменам, князьям и дворянам, детям боярским, посадским и уездным людям (АИ, 2, № 101, 1608). В этом эмоционально-экспрессивном своем назначении указанные определения объединяются с употреблением в челобитных уменьшительно-уничижительных и пренебрежительных форм имен существительных, которые будут рассмотрены далее.

От определений первой подгруппы (*бедный, горький, нищий* и др.) отличаются определения второй подгруппы (*беззаступный, беспомочный* и др.), которые, как правило, не употребляются самостоятельно, а выступают в сочетании с определениями первой подгруппы (*бедный и беспомощный, бедный и розореный*, и др.). Эти определения можно назвать ситуативными, поскольку они появляются в челобитных при описании определенных ситуаций в жизни челобитчика.

Значительная часть рассматриваемых определений в равной мере употребительна как в официально-, так и в частно-деловых челобитных, лишь некоторые из них представлены в наших материалах только в частно-деловых крестьянских челобитьях: *бесприютный, нужный, скудный, погорелый, последний, сиротский* 'крестьянский'.

В челобитных все эти определения могли использоваться в самых различных позициях. Прежде всего отметим их в составе начального протокола: Царю... бьют челом *бедные* сироты

туленки девки Ондрѣевы дочеришка Иевлѣвы Овдотьица да Порасковьица (СПП, 2, № 207, 91, 1613), ср. МДБП, 2, № 25, 1637 и др.; ...Бьет челом *бѣдная и беспомощная и до конца разореная* Приказу Малые Росии подячего Ивановская женишка Торопова вдова Пелагеица (МДБП, 2, № 126, 113, 1686); ...*Бѣдный и беспомощный* х(олоп) т(вой) Переславля Рязанскаго палачъ Родка Федоровъ (СиД, № 66, 122, 1638), ср. МДБП, 2, № 38, 1642 и др.; ...Бьетъ челомъ *бѣдный и заключенный* сирота твой, г., ростовский кирпищикъ Любимка Богдановъ сынъ Рѣпкинъ (СиД, № 240, 438, 1627), ср. здесь же № 199, 1648 и др.; ...Бьютъ челомъ *бѣдные и маломочные* сироты твои псковичи... (ДАИ, 5, № 1-16, 25, 1666); ...Бьетъ челомъ х(олоп) твои *бѣдный и беспомощный и беззоступный* ельчанинъ сынчишко боярский Ивашко Семеновъ сынъ Протасовъ (СиД, № 107, 177, 1646) и др.; ...Бьетъ челом *бѣдной и разореной и грабленой* холоп твой государевъ иноземецъ Фетка Лаз(о)р(е)в сынъ Короман (СПП, 1, 1, 1613); ...Бьет челом *горькая* вдовица стрелецкое женишко... Марфица (СПП, 1, 22, 1613), также СПП, 2, № 23, 1613 и др.; Ц(арю) ...бьетъ челомъ и плачется *бѣдный и многогрѣшный и виноватый* твоего г. богомольца... сынишка попъ Прохорище (СиД, № 260, 478, 1637) и др.; ...Бьетъ челомъ *нищая* твоя государева богомолица *слепая горькая* вдова... Наталица Мелентьева дочь (ДД, 1, № 51-1, 631, 1637), см. АИ, 2, № 119, 1608; СПП, 2, № 84, 1613 и др.; ...Бьетъ челомъ и являет роба твоя *разореная* вдова... Иринка Иванова дочь (РД, III, № 23, 30, 1671), см. СПП, 1, 7, 1613 и др.

В частно-деловых челобитных (приводим только примеры отличающиеся): Гсдрю... бьют челом сироти твои села Елицъ сироты твои *самыя бѣдные* Гаврила Давыдовъ, Максимъ Потапов... (ИНРЯ, С, № 70, 210, XVII — нач. XVIII в.); ...Бьет челом и плачетца *бѣнои и бѣспомочнои* сирота твои дрвни Пол Еска Клементьев (ИНРЯ, Ч, № 21, 233, 1671) и др.; ...Бьют челом сироты твои... дер. Холязина *бедные скудные* крестьянишка... (АХБМ, 2, № 355-18, 68, 1657); ...*Самые бѣдные скудные* крестьянишка... (ЧО, № 24, 78, втор. пол. XVII в.) и др.; ...Села Елецъ *погорелыя* кресянишки... (ИНРЯ, С, № 45, 199, XVII — нач. XVIII в.); ...*Послѣдней* сирота твой дѣтинка Спирька Ежевъ (КЧ, № 3, 43, XVII в.) и др.

Приведенный материал показывает, что рассматриваемые определения относятся или к обязательному в начальном протоколе челобитной приложению — формуле вассальной зависимости *холоп (сирота, богомолец* и т. д.) *твой,* или к приложению — наименованию лица по социальному положению, родственному отношению к кому-н. и т. п. (*крестьянишка, детинка, вдова, сынишко*). Иногда каждое из этих приложений сопровождалось своим соответствующим традиционным определением (см. выше: *нищая* твоя... богомолица слепая *горькая* вдова).

Все выделенные нами постоянные и ситуативные определения могли также использоваться в основном тексте челобитной (ее казусной или просительной части), сопровождая личные местоимения *я* или *мы* 'челобитчик(и)', которые выступали в качестве подлежащего или в косвенных падежах — в функции дополнения, а также в составе этикетных приложений, например: И пожаловали, государь, мнѣ, *бѣдному*, твои... бояря... 2 рубли денег (СПП, 1, 1, 1613); Сидѣлъ я, *бѣдный*, напрасно въ тюрьмѣ (СиД, № 75, 134, 1645); ...Велите, гсдри, то дѣло... перенесть в ынои приказ.., потому что... в том приказѣ ему, Лариону, чинитца понаровка, а на меня, рабу вашу, *бѣдную и беззаступную*, посяшка (МДБП, 2, № 123, 112, 1684); Млсрдыи гсдрь.., пожалуи мнѣ, *бѣдному и должному* холопу своему, на платишко и что пить и есть (МДБП, 2, № 34, 61, 1645); И мнѣ, *бѣдному и разореному и погорелому*, тѣх ево, Ивановых, достолных днгъ ста штидесятъ рублев заплатить всѣх вдругъ нечимъ (МДБП, 2, № 105, 100, 1676); ...Пожалуи меня, холопа своего, *бѣдново и безпомощново, пожарново*, на подем (МДБП, 2, № 48, 66, 1646); Милосердый г(осударь).., пожалуй меня, х(олопа) с(воего), *виноватаго*, вели... мнѣ, х. с., *виноватому*, свой г. указъ учинить (СиД, № 148, 248, 1650); Вели, государь, нам, холопем и сиротам своим, *винным*, нашу страдничью вину отдать (РД, II-1, № 250, 302, 1670) и др. Ср. в частно-деловых челобитьях: Умлстивися, гсдрь Андреи Никитичь, да *беднова* сират(ы), учини... млстивое... призрение... (ИНРЯ, С, № 47, 200, XVII — нач. XVIII в.); Возри, г., мою [крестьянина Т. Осипова] *сироцкую* бедность, г., смилуйся, пожалуй (АХБМ, 2, № 450-2, 134, 1660) и др.; Велите, гсдри, пожаловат(ь), дат(ь) мнѣ, *убогому*, саломки овинецъ на кровлю (Гр., № 478, 294, 1667) и др.

В числе постоянных и ситуативных определений этой четвертой группы представлены прилагательные и адъективированные причастия, издавна употреблявшиеся в древнерусской письменности: *бедный, беспомощный* (и его народно-разговорный вариант *беспомочный*, графически также *беспомошный*, где *шн*<*чн*), *виноватый, горький, грешный, должный, многогрешный, нищий, нужный, последний, скудный, убогий, холопий*. Сюда же следует отнести и *маломочный* 'бедный, неимущий', ср. в «Материалах» И. И. Срезневского книжную форму — субстантивированное прилагательное *маломощный* 'нищий' (II, 104). По-видимому, издавна употреблялись в обиходно-бытовой речи и прилагательные-причастия *грабленый* 'такой, у которого силой отняли, отобрали имущество', *ограбленный* 'то же', *переграбленный* 'то же, с усилением', *погорелый* 'пострадавший от пожара'. Глаголы *грабити, ограбити, переграбити, пограбити, погорети* по данным исторических словарей употреблялись в памятниках, отражавших разговорную речь, они в равной мере были свойственны и летописям, хождениям, деловой письменности, и памятникам книжного характера (*грабити*), ср.

также употребление причастий от указанных глаголов: Да аще ничьто же руцѣ твои имати *грабленаго* ['силой отобранного, отнятого'] то добрѣ въпиеши (Изб. 1073 г. 30 — Срезневский, I, 574); Се бо вьсѣмъ странамъ, *пограбленомъ* ['подвергшимся нападению и в результате этого лишившимся имущества'] от ратьныихъ... (Нест. Жит. Феод. 29 — Срезневский II, 1018).

Причастие *разоренный* (в челобитных чаще *розоренный*) 'лишенный средств, ввергнутый в бедность, нищету' образовано от глагола *разорить* (вариант *розорить* в исторических словарях отсутствует), который в памятниках старшего периода употреблялся лишь в значениях 'разрушить', 'нарушить', 'отвергнуть', 'уничтожить', 'поразить' (Срезневский, III, 50, ср. также *разарять*). В бытовой речи и деловой письменности второй половины XVI—XVII в. *ра(о)зорить* приобретает значение 'лишить средств к существованию, торговой и иной деятельности'; широко представлен глагол *ра(о)зорить* в этом значении в челобитных: Да он жа [приказчик] навелъ на меня салъдат, и салдаты меня *разарили да канца:* кавтаны побрали и кур поели... (ИНРЯ, С, № 53, 203, XVII — нач. XVIII в.); Да они ж., Любимка да Девук да Дарка с товарыщи, ...хвалитца на меня... и на детишак моих *разорить без остатку* (РД, III, № 114, 125, 1671) и мн. др. В соответствующих значениях употребляются в челобитных и других актовых памятниках XVII в. глаголы *ра(о)зорять, ра(о)зориться, ра(о)зоряться* и существительное *ра(о)зорение*.

Не представлены по данным исторических словарей в письменности старшего периода прилагательные *беззаступный* 'не имеющий опоры, поддержки', *бесприютный* 'бездомный', *пожарный* 'пострадавший от пожара', *сиротский* и *страдничий*. Первые два образованы от предложно-именных сочетаний по модели «*без-*+основа существительного+ *-ьн(ый)*», продуктивной и в древнерусском языке старшего периода (*беззаконный, безблагодатный, безбожный, безбоязньный, безвинный, безвластный* и мн. др., и в XVI—XVII вв. в деловой письменности и обиходном языке (ср. в наших материалах: *безместный*<без места, *беспоместный*<без поместья, *беззапасный*<без запаса, *бесконный, безлюдный*<без людей, т. е. слуг, холопов и др.). Прилагательное *сиротский* 'крестьянский' образовано было не ранее XII—XIII вв., когда существительное *сирота* стало широко употребляться в значении 'крестьянин' (Срезневский, III, 359, ср. здесь же *сиротин* 'бедный' в Послании киевского митрополита Никифора Владимиру Мономаху и *сиротина* 'холоп'). Прилагательное *страдничий* (первоначально 'свойственный, принадлежащий страднику — холопу, посаженному на землю',[16] переносно 'мужичий, холопский'), видимо, бытовало в обиходной

[16] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1952, с. 464 (предметный указатель), см. также Кн. 1. М., 1952, с. 34. — В XVII в. *страдник* употребляется уничижительно, бранно в значении 'мужик, холоп, простолюдин' (СиД, № 326, 1628 и др.).

речи уже в XIV в., когда появляется категория страдников: см. в письменности XIV—XV вв.: *страдник, страдные люди, страдная* ('обрабатываемая') *земля* (Срезневский, III, 533; Дювернуа, 202, здесь же *страдное дело* 'крестьянская, сельскохозяйственная работа' — АЮ, 67, 1612). Определение *страдничий* в указанном переносном уничижительном значении используется обычно в повинных челобитных: Битъ я [казак], х. т., кнутомъ нещадно за свою *страдничью* вину (СиД, № 271, 507, 1643); Вели, г(осударь), мнѣ [сыну боярскому], х. своему, *страдничью* вину отдать (СиД, № 89, 152, 1646) и мн. др., ср. здесь же: а въ *холопьѣ* винѣ ты, г(осударь), волен — № 326, 587, 1627.

Интересно отметить, что прилагательные *грешный, многогрешный*, выступающие обычно в повинных челобитных и челобитных-прошениях (см., например, ПНРЯ, II, № 13, втор. пол. XVII в.), не проявляют здесь своего основного значения 'преступивший религиозные законы, заповеди', а имеют значение 'виноватый', которое, по-видимому, было свойственно этому прилагательному в обиходной речи, ср. еще в памятниках старшего периода *грех* 'ошибка', *грешить* 'ошибаться', 'не попасть', 'пропустить' (Срезневский, I, 604) и *грешный* 'виноватый' (СЦСРЯ, I, 623).

Обычными для XVII в. являются прилагательные *винный* в значении 'виновный, виноватый' и *пожарный* 'пострадавший от пожара' — примеры см. выше,[17] их наличие в челобитных свидетельствует о том, что образование отыменных прилагательных с суффиксом *-ьн(ый)* было продуктивным в обиходной речи XVII в.

Наиболее широко используется в рассматриваемой группе прилагательное *бедный*, выступающее в значении 'находящийся в беде, несчастный' (ср. Срезневский I, 215—216: в памятниках с XI в.). На это значение указывает употребление *бедный* в сочетании с уточняющим и дополняющим определением: *бедный и беззаступный (и беспомочный* или *беспомощный; и бесприютный; и должный; и маломочный* 'неимущий, нищий'; *и нужный* 'бедный, неимущий'; *и ра(о)зореный; и скудный* 'неимущий, бедный'; *и разоренный и грабленый; и разореный и погорелый; и беспомощный и пожарный*). Об этом значении прилагательного *бедный* свидетельствует и употребление в челобитных целого ряда слов, имеющих значение 'неимущий, бедный': *нищий, последний* 'самый бедный', *нужный, скудный* (ср. постоянно в крестьянских челобитных: Людишка мы, сироты ваши, *бѣдные и скудные*, пашня не сеяна... — ЧО, № 18, 73, втор. пол. XVII в.; Въпрямь, государь, *скуденъ*, и бию челомъ не ложно — ЧО, № 16, 72, втор. пол. XVII в. и др.), *убогий*. Однако возможно, что в ряде случаев *бедный* выступает и в

---

[17] Ср. также: Не вели, гсдрь, меня *винного*, смертию казнити (ЧГВ, л. 2, 1666—1667); Твои, великого гсдря, мечь, а моя *винная* рабия глава (там же, л. 18) и др.

значении 'неимущий, нищий'. А нынечя, государь, мнѣ [иноземцу], *бѣдному,* милостыни нигдѣ не дадут. Не умори, государь, меня, *бѣднова,* з женишкомъ и з дѣтишкам(и) (СПП, 1, 1, 1613) и др., см. также приведенные выше примеры, где *бедный* употребляется в сочетании с усилительным местоимением-прилагательным *(самые бедные).*

Рассматриваемые определения употребляются обычно в препозиции (с местоимениями *я* или *мы* — только в постпозиции), но в крестьянских челобитных наблюдаются частые отступления от этого правила: Умилосердися, государь Борис Иванович, пожалуй нас, сирот своих *бедных* (АХБМ, 1, № 56, 126, 1550), см. здесь же № 105, 1651 и мн. др. В официально-деловых актах такие случаи редки: И из-за приставов, государь, нас [казаков], холопей твоих *переграбленых,* душею и телом, отпустил [И. Заруцкий] з грамотами к Москве (СПП, 1, 6, 1613); А нам, холопем и сиротам твоим *беспомочным,* стоять против них [разинцев] было невмочь (РД, I, № 250, 301, 1670) и другие (преимущественно провинциальные челобитные).

К группе традиционных экспрессивно-эмоциональных определений следует, по-видимому, отнести и эпитеты *нужный, студеный, томный* 'мучительный', выступающие в часто употребляющемся в различных видах челобитных устойчивом словосочетании — штампе *умереть (помереть, помирать, морить, уморить* и т. д.) *голодной смертью*: И нынѣ, г., я [пушкарь] сижу въ тюрьмѣ на Михайловѣ, *голодною, нужною, студеною смертью не умереть* [вм. умираю], а домишка, г., мой запустѣлъ. . . вели, г., . . .про мою болѣзнь обыскать и. . . изъ тюрьмы выкинуть, чтобъ я, х. т., въ тюрьмѣ сидя, съ голоду *и нужною, студеною смертью не умеръ* (СиД, № 235, 424, 1623) и др.; И мы, холопи твои, в Розряде за караулом. . . многое время живот свой мучим и помираем *томною и голодною смертью* (РД, I, № 37, 70, 1666) и др.

Рассмотрение этикетных традиционных и ситуативных определений показывает, что они являются одним из характерных стилистических средств челобитных и выполняют в них эмоционально-экспрессивную функцию. По своему источнику эти определения не одинаковы. Одни из них *(благочестивый, благоверный, милосердый, божий, христианский, грешный* и др.) сложились в конфессиональной письменности, откуда перешли в летописи, высокую книжность, а затем и в челобитные. Другие *(твой государев, твой царский* и др.) сложились в процессе оформления норм делового языка эпохи феодализма. Третьи *(нужный, скудный, студеный, разоренный, пожарный)* вошли в челобитные из обиходно-бытовой речи.

Существительные с суффиксами субъективной оценки

Одним из характерных для челобитных средств воздействия на лицо, которому адресована челобитная, является использо-

вание собственных и нарицательных имен существительных с суффиксами субъективной оценки, преимущественно с оттенками значения, передающими смирение, униженность и пренебрежение, реже с уменьшительными или уменьшительно-ласкательными оттенками значения. Приведем примеры: Царю... бьет челом... разореной и пограбленой *Васька* Шорин. В нынешнем, государь, во 157 году послал я, холоп твой, приказщика своего *Михалка* Рыбенского да *людишек* своих, *Ивашка* Тотарина да *Ивашка* Мартынова в Литовскую сторону, в Могилев, для долгового своево взятку и для мены... И *людишка*, государь, мои приехали из Вязьмы в Дорогобуж... И урядник дорогобужской и бурмистры у *людишек* моих *животишка* мой, соболи и волки и ефимки, и их *нажитченко* и оружье всякое поимали... Милосердый государь.., вели... отписать... к уряднику и к бурмистром, чтоб *животишка* мой велели отдать и приказщику моему *Михалку* и *людишкам* моим.., чтоб нам... повольность была в литовских городех для долгового взятку и торгового *промыслишку*... (РБС, № 196, 214—215, 1649); Государю Борису Ивановичю бьет челом бедной и беспомошной сирота твой... *Никитка* Калинин *сынишко*. Судом божиим *женишки* моей не стало, а после ее остались *детишка* наши, 7 *сынишков* да осьмая *дочеришко*, а все, г., малы. И ныне, г., я, бедной, с. т., и *детишка* мои наги и боси, *рубашенок* нет... И я, бедной, бил челом тебе... о твоей государской милости на *одеженку*. И ты, г., рекся меня... пожаловать мне на *зипунишко* сукно, а *ребятишком* на рубашки холстов... вели, г., мне, бедному, дать *на кавтанишко*, а *ребятишкам на рубашенки*, как тебе... бог известит (АХБМ, 1, № 193, 205—206, 1652) и мн. др.

Вводя в текст своей просьбы, жалобы или заявления существительные с суффиксами субъективной оценки, челобитчик стремится с их помощью принизить себя, подчеркнуть свое зависимое положение, свою бедность (иногда мнимую), показать убожество своего имущественного положения, хозяйства, неполноценность и незначительность окружающих членов семьи, лиц и предметов, приуменьшить значение просимого, см. выше: *одежонка, зипунишко, кафтанишко, рубашенки;* ср. также, с одной стороны: пожалуйте, государи, *дайте льготы* пока справитца (ЧО, № 2, 65, 1673) и, с другой — *дайте,* государи, въ своемъ государевѣ оброкѣ *льготки,* покамѣста *робятишки* подростут (ЧО, № 3, 65, 1673) и т. п.

Употребление уменьшительно-уничижительных образований от имен собственных лиц, относящихся к угнетаемым группировкам русского общества XVII в. *(Васька, Ивашко, Родионко),* характерно для целого ряда деловых документов официально- и частно-делового характера (судные дела, расспросные речи, царские грамоты-указы по судебным делам, доезды, записные кабальные книги, сотницы, писцовые и переписные книги, донесения приказчиков, наказы вотчинников и

помещиков и др.).[18] В челобитных, а также отписках воевод, приказчиков, старост и т. д. «полуимя» употреблялось всеми обращающимися с челобитьем или со служебным донесением (отпиской) независимо от их социального положения.

Уменьшительно-уничижительные формы нарицательных имен существительных свойственны главным образом челобитным. Их мы и рассмотрим в этом разделе.

Исследователи, затрагивавшие вопрос об употреблении уменьшительно-уничижительных образований в древнерусском языке, отмечали, что их использование отличает актовые документы позднего средневековья, особенно «челобитные и другие подобного рода документы» (Г. И. Рожкова), от деловых памятников предшествующих эпох, свойственно бытовой и сатирической повести второй половины XVII в., а также эпистолярной письменности.[19]

Распространенным недостатком некоторых исследований о словах с оценочно-эмоциональными суффиксами является рассмотрение их вне контекста. Это приводит к неточному описанию семантики, к тому, что не учитываются их эмоционально-экспрессивные возможности, к рассмотрению суффиксов субъективной оценки лишь как формообразующих. Диминутив, как правило, не только передает идею уменьшительности, но и имеет оттенок фамильярности, пренебрежительности или ласкательности. И оттенки эти в тех или иных условиях могут стать преобладающими. Существительные с суффиксами субъективной оценки служат прежде всего средством выражения экспрессии, возбуждают эмоции самого различного рода, дают оценку того или иного предмета, явления, выражают отношение к ним говорящего (пишущего).

---

[18] Практика эта была официально отменена указом 1701 г.: «Полуименами никому не писаться» (ПСРЗ, т. 3, 287), но сохраняется практически до 1861 года.

[19] Рожкова Г. И. Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1950 (см. здесь приложение—этюд о существительных с суффиксом *-ищк-*); Фелицына В. П. К истории разговорной лексики. — В кн.: Очерки истории языка (Учен. зап. Ленингр. ун-та, № 267. Л., 1960, с. 160); Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961, с. 25—26; Даневич А. В. Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVII века. Киев, 1958, с. 29—30; Неболюбов В. Н. Очерк истории словообразования в русской деловой речи (XI—XVIII вв.). — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960, с. 185—186; Черкасова А. Г. Словообразование имен существительных в языке произведений эпистолярного стиля середины — второй половины XVII в. Автореф. канд. дис. Л., 1966, с. 15—16; Червова В. А. Некоторые наблюдения над именами существительными с уменьшительным суффиксом *-ица* (по материалам памятников XV—XVII вв.). — В кн.: XI Научная сессия Новосибирского госуд. пед. ин-та. Материалы к сессии. Вып. IV. Русский язык. Новосибирск, 1967, с. 66—75; Шапошникова Н. С. Об определении уменьшительного значения некоторых древнерусских слов. — Вестник Москов. ун-та. Серия 7. Филология, журналистика, 1960, № 2, с. 20—26; Червенкова И. В. К вопросу об уменьшительных существительных в русском языке. — «Филологические науки», 1965, № 1, с. 140—151.

Приводимый исследователями материал, как и данные картотеки ДРС, показывает, что существительные с суффиксами субъективной оценки выступают в разных видах деловых памятников XVI—XVII вв. с различными оттенками значения. В челобитных эти формы употребляются преимущественно с уничижительно-пренебрежительным и умалительно-уничижительным оттенком значения, в других же деловых документах, если это не цитирование и не пересказ челобитных, — с оттенком уменьшительным или уменьшительно-ласкательным. Например: И июля, гсдрь, въ 3-м числѣ объзжие ж в полдни приѣзжали ко *дворишку* моему неведомо для чево, и подячеи на *дворишко* мое входил, и в *ызбенках* и в *банишке*, не токмо курива никакова, и дыму не сыскал (МДБП, 2, № 78, 85, 1671 — челобитная М. Кузовлева) — ср. в Памяти в Печатный приказ: Прислати им [печатнику и дьяку] в приказ Большого дворца... ис пошлинных и ис печатных доходов к государеве *мыленкѣ* и на дворовое дѣло 10 рублев денег (СПП, 1, 10, 1613), или: Зговорил, гсдрь, я... *сестришку* свою родную, дѣвку, замуж, а выдат мнѣ... нѣ в чем, *ласкутишка* ['ткани на одежду'], гсдрь, никакова нѣт (МДБП, 2, № 24, 56, 1636 — челобитная дьякона Архипа) — ср. в отписке воеводы: ...А мелочи худые, *лоскутишков* ['обрезков, обрывков меховых'] собольих, и куньих, и бобровыхъ, и бельих не имали (Гр. Сиб. Милл., 390, 1660 — КДРС); или: ...Сторговала [К. Соколова] ...*кѣлишко* в вашем гсдрьском бгомоле в Олѣксеевском монастыре (МДБП, 2, № 37, 62, 1641) — ср.: Двѣ *келишка* вѣтчаные и чюлан и сѣни (Кн. пер. Нил. Столб. пуст., л. 46. 1647 — КДРС), а также: И затворися в пещерѣ, въ единои улицы в *кельицы* малѣ, яко 4 лакоть (ВМЧ, апр., 22—30, 1113 — КДРС) и др.

Такое же соотношение наблюдается в XVII в. в произведениях демократической литературы и фольклора. Фольклорные записи (пословиц, былин и т. п.), бытовые повести используют преимущественно уменьшительно-ласкательные формы имен существительных, а сатирические произведения, особенно те, которые пародируют судопроизводство эпохи и привлекают в этих целях деловой язык, стилевую манеру и документы судопроизводства (и прежде всего челобитные), обильно включают уничижительно-пренебрежительные, умалительно-уничижительные формы имен существительных. Ср., например: Против *избушки* и клѣтку ставятъ (Посл. Сим., 132, 1912); *Узолокъ* да *памятца* то дѣло станетца (Посл. Сим., 146, 2350); Пошел, поскочил доброй молодец по круту по красну по *бережку* (Повесть о Горе-Злочастии — РП, 113); Вся собина у его ограблена, а *кирпичек* положен под буйну его голову (там же, 107) и мн. др., а с другой стороны: А тот Ерш щетина... к нам в Ростовское озеро з женою своею и з *детишками* своими приволокся в зимную пору на ивовых *саницках*... И тот воришько Ершь... озером завладели... з *женишком* своим и з *детишьками*, а нас хощет поморить голодною смертию (Повесть о Ерше-Ершови-

че — РДС, 8); И было в Ростове озере *дворишко* худое, соломой крыто, во *дворишке клитишко,* в *клитишке коробьишко,* в *коробьишке* пути и грамоты, деревенские крепости (там же, 17) и мн. др.

Существительные с суффиксами субъективной оценки свойственны обиходно-бытовой народной речи. В древнерусской письменности старшего периода, церковно-книжной и деловой они почти не представлены. Так, например, в «Материалах» И. И. Срезневского зафиксировано только 26 уменьшительных образований с суффиксом *-ь(ъ)к-а* от существительных женского рода.[20] Значительно расширяется использование существительных с суффиксами субъективной оценки в деловой письменности XV—XVI вв., в деловой и эпистолярной письменности начального этапа формирования русской нации (XVII в.), а также в демократической литературе второй половины XVII в., широко представлены формы субъективной оценки в записях произведений фольклора, сделанных в XVII в. Однако наличные исторические словари слабо отражают эти формы существительных. В «Материалах» И. И. Срезневского и «Материалах» А. Дювернуа в цитируемых источниках из деловых памятников XV—XVII вв. представлено только 16 существительных с суффиксом *-ишк(о, а)*: XIV в. — *деревнишко:* XV в. — *селишко* (и *сельшко*) 'небольшой земельный участок', *дьяконишко;* XVI в. — *вотчинишка, деревнишко, истопничишко, крестьянишко, сынишко, старчишко*; XVII в., преимущественно в челобитных, — *гостишка, животинишка, запасишко, погостишко, травишко, узлишко, хлебишко.*

Между тем в челобитных XVII в. обнаруживаем более обширный материал, причем существительные с суффиксами субъективной оценки выступают с разными эмоционально-экспрессивными значениями, не в равной степени свойственными стилю челобитных.

В 1080 рассмотренных челобитных отмечено 250 существительных[21] с суффиксами субъективной оценки (многие из которых представлены десятками и сотнями словоупотреблений). В практике оформления челобитий к XVII в. определились те лексико-семантические группы имен существительных, от которых постоянно образовывались и употреблялись формы субъективной оценки. Эти лексико-семантические разряды существительных с суффиксами субъективной оценки одинаковы в официально- и в частно-деловых челобитных.

Рассмотрение существительных с суффиксами субъективной

---

[20] Токар В. П. Історія суфікса -к(а) в українській мові. Днепропетровск, 1959, с. 6—7.

[21] За единицу при подсчетах принимались как отдельные имена существительные, так и двучленные термины в уничижительно-пренебрежительной форме, в состав которых входит существительное с суффиксом субъективной оценки (например: таможенный *головишко,* земский *старостишко,* верный *целовальничишко;* таких двучленных терминов отмечено 16).

оценки по лексико-семантическим группам показывает, что эти слова относятся преимущественно к трем семантическим сферам, широко охватывающим явления действительности: а) названия лиц (термины родства, социально-сословная и служебно-должностная лексика); б) слова, относящиеся к имущественному положению человека, его производственной и хозяйственной деятельности; в) бытовая лексика. В нашем материале представлены:

1. Термины родства по крови и браку и названия лиц по полу и возрасту: общие названия для группы лиц, объединенных семейными связями: *родишко, семьишка,* а также: *бабка; батюшка, матушка ре(о)бятишки, детушки, детишка (-и); дочеришка, дочишка, сынишко, сынок; братишка, сестришка; племянничишко* 'сын брата'; *женишка, зятцишко; вдовка, сиротка; девочка, девчонка, детина, детинка, мальчишка* и слово *жонка* 'женщина' и 'зависимое лицо женского пола'.

2. Наименования лиц по социально-сословной принадлежности: *бобылек, бобылец, бобылишко, сынишко* (и *сынчишко*) *боярский — детишки боярские, казачек, казачишко, князек, крестьянинец, крестьянишко, посадские (черные, жилецкие) людишки, мужичонка, работничишко, служка, холопец, человеченок, человеченко, человечишка* 'зависимое лицо'.

3. Названия лиц по должности, выполняемым обязанностям, занятию: *атаманишко, станичный атаманишко, головишко* и *верный (таможенный) головишко, есаулишко, деловые (промышленные, ратные, торговые) людишки, охотничишко (ямской), подьячишка, пономарек, приказчишко* (и *церковный приказчишко*), *пятидесятнишко (стрелецкий), сотничишко (стрелецкий), старостишко* и *земский (тюремный) старостишко, целовальничишко* (и *ларечный целовальничишко*), *приказный человечишка, есаулец.* Сюда же отнесем название жены по сану и занятию мужа: *попадьишко.*

4. Названия лиц по национальности: *пермяченко, панок* 'холоп, зависимое лицо польского происхождения'.

5. Наименования административно-территориальных округов и населенных пунктов: *черная волостка, Усольская землица, городишка, городок, погостишко, пригородок, деревенька, дедевнишко, пустынька, сельцо.*

6. Наименования земельных владений и сельскохозяйственных угодий: *вотчинишка, вотчинка, именьишко, землишка, лесишко, нивица, нивишка, местечко* 'участок земли', *огородец, оселочек* 'участок земли', *пашнишка, полосишка, поместейце (-о), поместьице, поместьишко, посильишко, усадьбишка, усадьбище.* Сюда же отнесем и *сошка* 'земельный участок и единица налогового обложения; соха'.

7. Названия жилых, хозяйственных и других строений и их частей: *банишка, воротишки, дворенок, дворенце, дворишко, домишко, житенка, избенка, избенцо (-е), кабачишко, кельишко, клетенка, кученок* 'угол', переносно 'место жительства, при-

станище, дом', *лавченка, окошко, острожок, печишка, повалышенка, подворьишко, хоромишка (-и).*

8. Названия домашних животных: *животинишка, скотинишка, скотишко, жеребчик, жеребчина, кляченко (-а), кляченцо, клячка, кобыленко, коровенко, лошаденка, лошадишко (-а), оленишки, телятишко, бычок, кобылка.*

9. Общие названия имущества, принадлежащего тому или иному лицу: *животишко (-и), заводец, заводишко, запасишко, запасенко, нажитченко, порядничишко, рухлядишка, статчишки.* Сюда же отнесем и название одной из разновидностей жалованья служилых людей — *кормец.*

10. Иная хозяйственно-бытовая лексика: названия предметов одежды — *зипунишко, кафтанишко, лаптишки, одежонка, оденка, платьишко, портки, рубашечка, рубашонка, шубенка, шубка, лоскутишко* 'ткань для изготовления одежды'; названия предметов хозяйственного обихода — *дровишки, бревнишки, бочюрка, бумажка, колоколец, коробченка, ларчик, ларчишко, ножик, посудишка, скляница, сковородка, сосудец, сумка, цепочка, чарка;* названия средств передвижения — *бударка, возок, лодченка, санишки, судишко, суднишко, теleженки;* названия продуктов сельскохозяйственного производства и питания—*борошнишко, винишко, винцо, ржишка, сенишко, сенцо, соломка, хлебец, хлебишко.* (и *хлебешко*).

11. Лексика, связанная по значению с производственной, торговой и иной деятельностью: *делишки, должишко, доходишки, промыслишко, работешка, работишка, рукодельишко, службишка, товаренко, товарец, товаречек, товаришко, торжишко, денежки, денженка (-и).*

12. Существительные, относящиеся к другим тематическим группам, немногочисленны: наименования некоторых отвлеченных понятий — *бесчестьишко, льготка, раденьишко, терпеньишко, челобитьишко* 'прошение, просьба'; единицы измерения: *половинка, полуосьминка, овинец* 'единица измерения хлебных злаков, соломы', *пудовка, клочинка* 'малая часть, клок (земли)', *мачинка,* 'малая часть', а также слова: *имянишко (именишко)* 'имя'; *письмишко, челобитенка; годик, годок; пирушка, свадьбенка; пулька, озерко, дубец* 'ветка, прутик'. Существительные, представленные в этой группе, отмечены в анализируемых челобитных, как правило, немногочисленными примерами.

Приведенный перечень показывает отсутствие форм субъективной оценки от названий явлений природы, административно-деловой, судебно-юридической терминологии и многих других категорий слов.

Формы субъективной оценки имен существительных в челобитных употребляются наряду с нейтральными формами тех же самых существительных, иногда сталкиваясь с последними в одном и том же контексте, например: И достолные, государь, *домишка* наши и крестьянские [стрельцы] беспрестанно грабятъ: пославъ для каково дѣла по ково, и ево возмутъ, а *домъ*

ево весь выграбятъ (МАМЮ, № 76-3; 383, 1638); Склал я [крестьянин А. Клементьев], гсдрь, *дровишек* у своие избы, и они, Василеи да Прокопеи... переметали озорничеством тѣ *дрова* против моих ворот (Гр., № 94, 58, XVII — нач. XVIII в.), см. также АЮБ, 3, № 372-1, 1659 (*доходишки* и *доходы*), МДБП, 2, № 39, 1642 (*сенишко* и *сѣно*) и мн. др.

Только с суффиксами субъективной оценки отмечены в рассматриваемых челобитных существительные *бабка, батюшка* (*батя* отсутствует, но постоянно используется *отец*), *бумажка, дѣтина, дубец, клочинка, кученок* (от *кут*), *лаптишки, лоскутишко, мальчишка* (но ср. *малец* 'парень'), *мачинка, оселочек, осьмуха, пермяченко, печишко, повалышенка, пулька, ро(е)бятишки, рукодельишко, скляница, служка, сосудец, сошка, сумка, телятишко, усадьбище, харчевничишко, чарка* (29 слов из 250). Это объясняется: а) и тем, что данное существительное характерно для обиходно-бытовой речи, в которой употребляется лишь в этой экспрессивной форме (*батюшка, за мачинку* 'чуть-чуть, едва', образованное от *мачинка* 'маковое зерно', *мальчишка, клочинка* 'небольшая часть чего-н.' от *клок* и др.), б) и тем, что диминутивная форма утратила семантическую связь с исходным производящим именем и стала обозначать другой предмет, в) и тем, что по своей значимости, по характеру обозначаемого понятия слово могло выступать в челобитной только в уничижительно-пренебрежительной форме (*лаптишки, печишко* и др.), г) и, наконец, чистой случайностью (*оселочек, пермяченко, повалышенка* и др.). Рассмотрим две первые группы (а, б).

Имен существительных с суффиксом субъективной оценки, которые выступают в обиходно-бытовой речи преимущественно в данной экспрессивно-эмоциональной форме, сравнительно немного, в челобитных они представлены небольшим числом примеров. Сюда относятся прежде всего существительные *батюшка* и *матушка* — почтительные формы называния отца и матери феодала (2 случая) или челобитчика (2 случая): Умилостивитесь, государи, пожалуйте меня, сироту своево, поминаючи государей нашихъ, а своево государя *батюшка* и *матушку*, укажите отдать тѣ мои два бычка мнѣ (КЧ, № 2, втор. пол. XVII в.), здесь же № 1, 1684; Пожаловалъ ты [царь]... насъ, холопей своихъ, *батюшка* да меня [кн. П. В. Бахтеярова-Ростовского] родовою вотчинкою нашею на 526 четв(ертей) (СПП, 2, № 253, 101, 1613); И тот, гсдрь, Фома, пришод на двор учел меня [кадашевца Ю. Дмитриева] и *матушку* мою лает всякою лаею неподобною (МДБП, 2, № 14, 52, 1634); ср. в картотеке ДРС только два примера употребления слова *матушка* (оба в челобитных: АХУ, 72, 1628 и АМГ, 1, 158, 1612).

Для существительных *батюшка, матушка* характерен почтительно-ласкательный эмоционально-экспрессивный оттенок. Он естествен в обиходно-бытовой речи, но употребление этих форм не характерно для челобитных, обычными являются здесь

нейтральные *отец* и *мать (матерь)*, представленные сотнями примеров употребления, например: А поместейца, государь, за мной [Г. И. Голенищевым] была на Луках Великих 400 четвертей, *отца* моего выслуги (СПП, 2, № 38, 45, 1613) и др.; Дворишка... у нас [И. К. и В. К. Безобразовых]... старое *отца* ншег(о) в Китае городе (МДБП, 2, № 9, 48, 1632) и мн. др.; А после тово учалъ [толмач] меня [объездного голову] холопа твоево, и *отца* моево и *матерь* мою бранит(ь) (МДБП, 2, № 76, 83, 1671) и мн. др.; А у меня [крестьянина Ф. Ананьина], г., *мать* человек древна, а брат без ноги (АХБМ, 2, № 428, 121, 1660) и мн. др. Ср. то же в отношении к верховному феодалу (царю): Вели, государь,.. людишкам моим... проезд дать повольной против прежнево, как было при *отце* твоем государеве... Михаиле Федоровиче (РБС, № 196, 215, 1649) и др.

Существительные *батюшка* и *матушка* отсутствуют в исторических словарях русского языка, в них представлены лишь *отец, мати, матка* 'мать' (в западнорусских актах), а также существительное *батя* 'отец'. Последнее слово подтверждается лишь одним примером: Романъ Ростиславичь посылаетъ изъ Смоленьска попа своего къ Изяславу, река тако: отдаваеть ти *батя* Черниговъ, а съ мною въ любви поживи (Ип. лет. 6669 г., XV в. — Срезневский, I, 45). Использование существительного *батя* в прямой речи указывает на разговорный характер этого слова, ср. употребление *батька, бачка* и *матка* 'мать' в южнорусских грамотках XVII в.[22] Слова *батюшка* и *матушка* в XVII в. отмечаются в памятниках, обнаруживающих воздействие разговорной речи: в эпистолярной письменности,[23] разговорниках и демократической литературе второй половины века, а также в фольклорных произведениях: Гсдрю ншему *батюшку* кнзю Василю Василевичю... (МДБП, 1, № 8, 24, 1677), см. здесь же № 9-а, -б, -в, -г, -д и др., 1677; Гр., № 18—20, 25, 50 и др.; ИНРЯ, К, № 30, 1713 и мн. др.; ...и гсдрня моя *матушка* кнгня Авдотя Ивановна и... сестрица... живы..., а дедушка... и бабушка... по се писание многолѣтно здравствуютъ (МДБП, 1, № 9-ж, 27, 1677), см. также Гр., № 6, 8, 50 и 64; ИНРЯ, П, № 4, 1693 и мн. др. С. И. Котков приводит примеры употребления слов *батюшка* и *матушка* только в эпистолярных памятниках,[24] см. также в письмах Петра I (Птр. I, 11 — КДРС); Да после [смерти], господа, яз, *батюшка* своего... отпустил их [Леща и Головля] на волю (Повесть о Ерше-Ершовиче — РДС, 8); Сын же купцев, услыша то, и прииде ко отцу своему и рече: «Государь мой милостивый *батюшка* и милостивая *матушка*, сотворите надо мною свое отеческое милосердие» (Повесть о купце — РП XVII в., 126), ср. здесь же: И прииде ко *отцу* своему и рече ему: «*Отче*, аз ныне бых на торжище» (там же, 126); см. также в Повести о Фроле Скобееве (об отце жены — там же, 165) и др., в Сборнике Кирши Данилова (295, 302, 324, 367 и др.).

С оттенком почтительно-ласкательным употребляется в челобитных экспрессивная форма от существительного *дети* — *детушки*: Буди, гсдрь, милосердъ, а я [дьякон Е. Михайлов], убгии, должен вечно за вас, гсдреи, и за *детушакъ* ваших бга молит (ИНРЯ, С, № 80, 213, XVII — нач. XVIII в.); она также более свойственна эпистолярным памятникам (см. ИНРЯ, С, № 37, 1716; Гр., № 91, 96, 99 и др.), фольклору, демократической

---

[22] Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 191—195.

[23] См. там же, с. 191—195.

[24] Там же, с. 191, 193, 195.

литературе второй половины XVII в., ср. у Аввакума: Да благословит тя господь, и света мою государыню-царицу, и *детушек* ваших (Авв. Ж., 194). В челобитных обычны или нейтральная форма *дети* (И тот... Микита и *дѣти* ево коровоми своими травят хлѣб — МДБП, 2, № 27, 58, 1637 и мн. др.), или разговорная (крестьянская) *ре(о)бятишка (-и)*, которая представлена преимущественно в частно-деловых челобитных (...Бьетъ челомъ... крестьянинецъ... Онтропко Григорьевъ сынъ Волковъ съ женишкою, съ Оленкою и съ тремя *робятишки*, съ Ивашкомъ, да съ Демкомъ, да съ Ваською — СиД, № 158, 267, 1652; ср. ЧО, № 3, 17, 22, 24 и др., 1672—1673, ИНРЯ, С, № 62, XVII — нач. XVIII в. и др.), а также уничижительно-пренебрежительная форма *детишка (-и)*, в равной мере используемая как в официально-, так и в частно-деловых челобитных (...Чтобъ намъ [хамовникам]... з *детишки* своими было чемъ пи(та)тися — МДБП, 2, № 25, 57, 1637; см. МАМЮ, № 84-1, 1688 и мн. др.).

Только в экспрессивной форме представлены в частно-деловых челобитных существительные *мачинка* и *клочинка*: И в то число *за мачинку* ['едва, чуть-чуть'] ни [вм. не] убил [Максим] брата [крестьянина Т. Никитина] Митрафана лесом (ИНРЯ, С, № 66, 208, XVII — нач. XVIII в.); Помилуи, гсдрь, не даи намъ по чужои сторонои (!) скитатци, чтобы у нас [крестьян села Елец] не отнимали, сиротъ своихъ, *по клачинки* ['небольшим кускам, участкам'] [нивишки] (ИНРЯ, С, № 79, 213, XVII — нач. XVIII в.). Употребление в крестьянских челобитных форм *мачинка (за мачинку)* и *клочинка*, конечно, объясняется воздействием на деловую письменность обиходно-бытовой речи.

Обиходно-бытовой является также экспрессивно-эмоциональная форма (с оттенком уменьшительно-уничижительным) *мальчишка*, отмеченная нами в крестьянских челобитных: Прибыла, гсдрь, ко мьне [крестьянину Ф. Деткову] племянни(ца), брата моего дочишка, сирота вѣдовица с *молчишкам* из Новгоротчины (ИНРЯ, С, № 44, 199, XVII — нач. XVIII в.); А детеи у насъ [крестьян И. Иванова и А. Трифонова), гсдрь, нетъ, толка у нас паднаму [по одному] *малчишку*, абеемъ по четыри годика (ИНРЯ, С, № 78, 213, XVII — нач. XVIII в.). Существительное *мальчик*, диминутив от *малец* 'мальчик-подросток', в картотеке ДРС не зафиксировано, впервые оно отмечено лишь в Вейсманнове Лексиконе 1731 г., но, по-видимому, в разговорно-бытовой речи XVII в. было уже обычным (вместе с тем в южновеликорусской письменности XVII — нач. XVIII в., по данным С. И. Коткова, его нет), ср. употребление в наших материалах образования *девочка* от *девка*: И осталась у меня [попа Александра], г., в селе Лысковe дочка моя по пятому годку да *девочка* Паня по осьмому годку (АХБМ, 2, № 388, 94, 1659) и др.

В результате десемантизации суффикса в качестве прямых названий соответствующих предметов используется в челобит-

ных, как и в русском языке XVII в. в его письменной (преимущественно деловой) и обиходно-бытовой разновидностях, ряд слов с суффиксами субъективной оценки. Например: *бумажка* 'картуз, упаковка и мера измерения табака': Билъ челомъ... Микишка Харламовъ, будто я [крестьянин И. Григорьев] продалъ ему..., Микишке, дву *бумажекъ* табаку, и я, Ивашка, ему, Микишке, дву *бумажекъ* табаку не продовывалъ (ЧО, № 68, 102, 1686); *грамотка* 'письмо': И о томъ... онъ, Воинъ, въ *грамоткѣ* своей къ дядѣ своему... о свободѣ и объ отпускѣ писалъ (Дьяк. Оч., № 12, 33, 1671; *гривенка* 'мера веса': Взяти, гсдрь, мнѣ [А. П. Яцкому] Посолског(о) приказу на переводчиках... за заемные днги... меду десять пуд дватцат семъ *гривенокъ* без четверти (МДБП, 2, № 72, 81, 1670); *кадка* 'деревянный сосуд': Три *катки* капусты секли семъ дней, какая, гсдрня, работа (ИНРЯ, С, № 53, 202, XVII — нач. XVIII в.);[25] *колоколец* 'звонок, колокольчик у ворот': И я [кадашевец Н. Леонтьев] обошол на улицу другимъ двором и осмотрю [вм. вижу] воротишка связаны болшие и малые вмѣсто (!) веревкою пенковою и у *колоколца* веревка оторвана (МДБП, 2, № 84, 87—88, 1674); *половинка* 'мера измерения ткани': И... тех моих [Ф. В. Капли] прикащиков... с товарышком переняли и... отобрали... восмъдесят дужин немецких гарус(ных) чулков..., да сем *половинок* сукон, да сто косъ (МДБП, 2, № 69, 79, 1669); *пудовка* 'четверик, мера в восемь гарнцев': Да я ж..., отвез в лес 3 воза полбы, 12 *пудовок,* да воз ечменю, 4 *пудовки* (РД III, № 114, 125, 1671); *рубашка* 'одежда из легкой ткани для верхней части тела': А грабежю, государь,.. взяли у меня.., у Матюшки [Вельяминова], однарядку вишневу... 2 полотна лненых, да *рубашку,* да порты (СПП, 1, 5, 1613); см. также МДБП, 2, № 93, 1675; КА, № 33-4, 1686 и др., ср. *рубаха женская:* КА, № 10, 1670 и МДБП, 2, № 136, 1694; *скляница* 'сосуд, бутылочка в погребце', *чарка* 'небольшой сосуд, стопка': Взяли оне [воры]... погребец [с] *скляницами, чарка* серебреная, цена 3 руб. (АХБМ, 2, № 458-1, 140, 1660); *сумка* 'мешок из ткани или кожи для укладки вещей в дорогу; переметная сумка': Будучи... у татарки у вдовы Апасихи..., выняла она, Апасиха... изъ *сумки* 3 рубли денегъ (КА, № 33-2, 68, 1686); Взяли у меня... у Матюшки.., сапоги телятинныя, да в *сумках* [переметных] 2 полотна лненых (СПП, 1, 5, 1613).

Сюда же следует отнести и слова *дѣвка* и *жонка (женка),* на которых остановимся подробнее. Существительное *дѣвка* очень широко употребляется в анализируемых челобитных в значениях 'девушка' и 'крепостная, зависимая служанка-девуш-

---

[25] Слово *кадь* в XVII в. обозначало либо 'большой деревянный сосуд производственного назначения', либо 'мера объема', но см. в челобитной печерских монахов: Воеводы... емлютъ на старостахъ кормы болшие и всякие запасы про свой росходъ: яловицы..., и хомуты, и веревки, и *кади,* и лукошка, и бочки (МАМЮ, № 18, 85, 1638), — что может свидетельствовать о различии *кади* и *кадки* как слов книжного и обиходно-бытового характера.

ка', последнее из которых обычно реализуется в словосочетании *приданная (крепостная) дѣвка* (иногда с эллипсисом определения): И аз, государь, горькая вдова (с) своею невѣстъкою... била челомъ, и со внукою своею с Федоровою дочерью, *дѣвъкою* Марьицею... об томъ мещескомъ помѣстейцы и вотчинъки (СПП, 2, №41, 1613) и др.; Сказывала, гсдрь, та жена моя [крестьянина Ананьина], бутто сошла она *в девках* отт (!) Ывана Андрѣевича Языкова с матерью и з братом (ИНРЯ, С., №46, 1684) и др.; Приставилъ ко мнѣ [Е. Татариновой]... Ларион Афонасевъ снъ иноземецъ в *приданои двке* Агашке и в неустоике по ряднои записи (МДБП, 2, №122, 111, 1683), см. № 123: *дѣвке;* Приставил я [Л. Афанасьев]... ис Приказу холопья суда... ко вдове Авдоте в неустоике... *к крепосноu приданои девки* Агашки Федоровои дочери (МДБП, 2, № 120, 110, 1683) и др. Существительное *девка* в этих обоих значениях широко представлено в деловых памятниках XVII в., в значении 'девушка' оно употребляется применительно к лицам разного общественного положения, например в Уложении 1649 г.: А которая вдова сговорит за мужь с поместьем своим и с дочерним: и жениху дать один жеребей вдовин, будет ея поимет, или девкин, будет кто *девку* поймет. А будет *девка* останется: и тем поместьем владеть *девке,* покамест поспеет за мужь (Гл. XVI, ст. 17 — ПРП, 6, 205), см. также ст. 10, 11, 20; ср. у С. И. Коткова примеры из южновеликорусских памятников (с. 149, 174, 196, 206—209 и др.). На нейтральный характер слова *девка* указывает также отмеченное в челобитных уничижительное образование *дѣвчонки* 'девушки': Да у меня ж [ствольного и замочного дела мастера А. Вяткина]... двѣ дочеришки, *дѣвчонки,* и приказываются к ним многие люди, а выдат(ь) их замуж за скудостью своею мнѣ... нѣчемъ (МДБП, 2, №125, 113, 1685). Не имеет пренебрежительно-уничижительного характера слово *девка* и в значении 'крепостная, зависимая девушка-служанка', см., например, в Уложении по делам о сыске 1641 г.: Которые дети боярские... поженились на крепосных жонъках и на *девках,* — и тех... взяти в службу (ПРП, 5, 370). Очевидно, только к концу века существительное *девка* в связи с его употреблением по отношению к зависимым лицам (*крепостная, приданная, беглая дѣвка*) начинает приобретать уничижительный характер. Встречающееся в письменности XVII в. существительное *девица* носит книжный характер, см. в наших материалах только два примера: Царю... бьют челом... крестьянин Мишка Семенов сын Фокин да Ржецкого уезда *девицы* Ульяны Петровы дочери Квашнина крестьянин... Васька Дакучаев (РБС, № 212, 233, 1650); Бил челом тебѣ, великому гсдрю, на меня [кадашевца Г. Павлова]... кодошевец же Петръ Исаев в бесчестье своемъ и жены своеи и дочери своеи, *девице,* поклепав напрасно (МДБП, 2, № 98, 1675); ср. в «Материалах» И. И. Срезневского, I, 780—781: только в книжных памятниках и в «Слове о полку Игореве».

Такой же нейтральный характер имеет и слово *жонка (женка)* 'женщина из низших общественных классов' и 'зависимое лицо женского пола', которое в наших материалах, как и в других памятниках XVII в., не имеет еще отрицательного эмоционально-экспрессивного оттенка: А против челобитя моего сысковое дѣло почалос Федкины жены, братев ея и племянников, и *женки* Улитки Исаевы дочери... и *женка* Улитка посажена за решоткою (МДБП, 2, № 134, 119, 1694); А (на)зывалас та *жонка* [вдова-крестьянка] волная (ИНРЯ, С, № 46, 200, 1684) и мн. др., ср. в «Материалах» И. И. Срезневского неточное определение значения 'уменьшительное к *жена*—женщина', не подтверждаемое приведенными здесь цитатами из памятников.

То же относится и к существительному *служка:* А Печерская обитель... пожалована, и печерскимъ *служкамъ* велѣно твоя государева служба изъ манастыря служить (МАМЮ, № 32, 152, 1666), ср. РБС, № 199, 1670 и др. Слово *служка* появляется в деловой письменности во второй половине XVI — начале XVII в. как обозначение 'лица, коммендировавшегося в монастырь', см., например, во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря под 1608 г.: И за тот вклад его [сына боярского К. Елчанинова] приняли в *служки*.[26] Старые термины *слуга, служебник, служник,* имевшие разветвленную систему значений, в том числе и относящиеся к сфере церковно-монастырской (см. Срезневский, III, 423—425, 431, 432), не могли быть использованы для обозначения этой новой категории лиц.

Ряд форм с суффиксами субъективной оценки в челобитных обозначает либо предмет меньшего размера: *бочюрка* 'маленькая бочка, бочонок', *городок,* 'небольшой укрепленный населенный пункт' *(казачьи городки), коробка* 'небольшая коробья', *ларчик* 'маленький ларец', *ножик* 'небольшой нож'; *озерко* 'маленькое озеро', *острожок* 'небольшой острог, крепость', *пулька* 'пистолетная пуля', *сковородка, сосудец* 'сосуд небольшого размера' и др., либо молодое животное: *бычок, жеребчик, кобылка.*

Приведем примеры: А далъ тому моему м(альцу) Ряпины мызѣ урядникъ въ *бочюрки* забито и запечатаны е(фимки) и велѣлъ ему вести во Псковъ (МАМЮ, № 5-6, 32, 1631); И в том, г., своем чюлане оставил я у товарища своего, у Игнатья Едигерева,.. карабин да перину и *каробку* с рухледью (АХБМ, 2, № 471-1, 148, 1660); ср... Пришел ко мнѣ... кадашевец же Григореи Иванов снъ Лебедевъ и у чадана замки збил и животишка мои, которые были в *коробченках,* и те *коробченки* розломал и животишка побрал (МДБП, 2, № 102, 97, 1676); Да ему шъ Василю отдал он, Самоила, с товарыщи *ларчикъ* жестенои малинкаи, а въ нем две *чепочьки* серебрены со кресты (Гр., № 54, 41, XVII — нач. XVIII в.), ср. в уничижительно-пренебрежительной форме: И генворя ж, гсдрь, въ 30 де(нь) у меня, бѣд-

[26] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 1, с. 477.

нои, *ларчишко* с ключами сундушными ис хоромишекъ пропало (МДБП, 1, № 126, 114, 1686); И меня, Мишку, те литовские воры пострелили в правую руку, и *пульку* у меня, сироты, из руки вырезали (РБС, №212, 233, 1650) и др.; Изволилъ [отец вотчинника] у меня, сироты, взять на себя два *бычка,* одинъ двухъ годовъ, а другой году, да двѣ овцы (КЧ, № 2, 42, втор. пол. XVII в.); И о тѣ поры, государи, взяли у меня у Мелешки, съ двора казаки *кобылку* гнѣду.., толды была она дву лѣтъ противу третьие.., и въ нынѣшнемъ, государи,.. году... поимался я, Мелешка, за ту за свою лошадь (АЮ, №36, 84, 1613) и др.

Основная масса существительных с суффиксами субъективной оценки (207 из 250) выступает в челобитных в уничижительно-пренебрежительном эмоционально-экспрессивном значении. К этой группе относятся существительные с суффиксом *-ишк-(-о, -а,* мн. *-и* и *-а),* а также *-ешк-а, -енк-а(-о), -енц-о(-е), -ух(-а): вотчинишка, поместьишка, работешка, дворенко, избенка, коробченка, лавченка, тележенка, шубенка, кляченко, кляченцо, осьмуха* и др. Большинство из них представлено в челобитных десятками и сотнями случаев употребления *(атаманишко, вотчинишка, крестьянишко, людишки, поместьишко, сынишко* и *сынчишко, старостишко* и др.). Как правило, в текстах челобитных отмечаются соответствующие существительные и без суффиксов субъективной оценки. Приведем некоторые примеры:

Били челом тебѣ, великому гсдрю, на меня... [обращается к царю А. Н. Самарин-Квашнин] смоляне Невежа Дмитреевъ с(ы)нъ да Михаила Федоров снъ.., а называютца ншими Самарими (!) Квашниными и тем меня, холопа твоево, и вес(ь) нашъ *родишка* бесчестят, а оне, гсдрь, не нших Самариных Квашниных, и преж сего отцы их и деды к нам, холопям (твоим, не с)читалис, а служили по Смоленску (в детя)х боярских, а мы... по вашеи црскои млсти *людишка родословные* болши трехсот лет... (и они) хотят меня, холопа твоего и весь ншъ *родишка* очною ставкою бѣсчестит... [И далее:] ...Вели, гсдрь, у меня, холопа своево, взят роспис *роду* ншему против родословнои книги (МДБП, 2, №59, 72—73, 1661). Употребление слов *родишко, людишки* в контексте показывает, что они не имеют значения 'захудалый, небольшой род' и 'незнатные, бедные люди', а выступают как традиционное средство самоуничижения с целью вызвать к себе сочувствие, добиться помощи от верховного владыки.

Прислал к тебе, г., из Вязьмы воевода... [пишет в челобитной казак Т. Богомол] *зятишка* моего, Ивашку Петрова... А после, г., таго *зятишка* моего изволил ты, г., взять и *дочеришку* мою з детьми.., вели, г., таго *зятишка* моего и з *дочеришкою* моею и з *детишками* освободить (АХБМ, 1, № 205, 211, 1652). Использование уничижительно-пренебрежительных форм *зятишко, дочеришка, детишки* объясняется не тем, что лица эти

не дороги казаку, который добивается возвращения из кабалы своих родственников, оно определяется традиционным уничижением всего, что относится к челобитчику, простому человеку; ничтожностью этих лиц перед всесильным боярином Б. Морозовым. Ср. в цитате из другой челобитной, где речь идет о посторонних для челобитчика лицах (не его родственниках): И подле моево дворишка живет вдова Устиня Иванова *доч* Максимовская жена Федорова, и приходит к нѣи *зят* еѣ Помѣстног(о) приказу подячеи Василеи Лукин (МДБП, 2, № 104, 99, 1676).

Царю... бьют челом холопи твои Оскольского города станичные *отоманишка* Мѣзинка Стрѣльников да Ивашка Горожанкин (СПП, 2, № 37, 44, 1613), ср. здесь же: Божьим изволением *атаман* у нас Федор Кужелев преставись (СПП, 1, 19, 1613) и др. Обращаясь к царю, атаманы сознательно употребляют уничижительно-пренебрежительную форму от наименования своей должности, чтобы подчеркнуть свое ничтожество и бедность; ср. *сынчишка боярской* (СПП, 2, № 110, 1613 и др.).

То же самое находим и в частно-деловых челобитных: Гсдрю Андрею Никитичю бьют челом... села Елецъ *крестьянишки, старостишка* Никитка Левонтъевъ и *целовалничишка* Афонка Петровъ и выборныи (ИНРЯ, С, № 43, 198, XVII — нач. XVIII в.). Но ср.: А отчету онъ, приказнои, *староста* и *целовалникъ* намъ, мирскимъ людемъ, в тех поборох не доютъ (ИНРЯ, С, № 65, 207, XVII — нач. XVIII в.) и др. Интересно отметить, что уничижительно-пренебрежительная форма от названий лиц по социальному положению или должности употребляется в заголовке челобитных только лицами, относящимися к низшим социальным группам русского общества (крестьянам, посадским людям, старостам, целовальникам и под.). Лица, находящиеся на более высоких ступенях социальной и служебно-должностной иерархии, ее не употребляют, даже термин *сын (дети) боярский (боярские)* в уничижительно-пренебрежительной форме — *сынишко (сынчишко) боярский, детишки боярские* — отмечен в челобитных, рассмотренных нами, не более 12 раз, хотя челобитных от таких лиц более 60.

Розбили у меня [стольника С. Васильчикова], холопа твоего, в Кинешемскомъ уѣздѣ во Владыченскои волости в усад(б)ище в *селце* Дарках *дворишко* мое да два *двора* крестьянских (МДБП, 2, № 97, 94—95, 1675). В цитате обращает внимание противопоставление дворишка стольника и дворов крестьянских, см. здесь же *усад(ь)бище,* а ниже — *усадьбишко.*

Данные примеры свидетельствуют о том, что введение в текст челобитных уничижительно-пренебрежительных форм имен существительных не случайно. Это не результат проникновения в текст элементов, характерных для разговорной речи, а осознанный стилистический прием для усиления эмоционального воздействия на адресата челобитной.

Такую же функцию выполняет и вторая группа имен суще-

ствительных с суффиксами субъективной оценки, выступающих с эмоционально-экспрессивным оттенком уменьшительности. Сюда относятся существительные с суффиксами *-к-а, -ок (-ек), -иц-а, -иц-е, -инк-а, -енк-а, -ец, -ушк-а, -ечк-о*. В анализируемых челобитных их обнаружено 21: *вдовка, шубка, землица, пригородок, клочинка, полуосьминка, овинец* 'мера измерения хлебных злаков и соломы', *нивица, местечко, поместейце, поместьице, пирушка, свадьбенка, челобитенка, льготка* и др. Существительные эти не указывают на малый размер предмета, а выполняют эмоционально-экспрессивную функцию. Приведем примеры: Государю... биетъ челомъ... бѣдная и безпомощная *вѣдовка*, Галицкие... вотчины села Покровского деревни Кузнецова Варварка Логинская *женишко* (ЧО, № 40, 84, 1673), см. здесь же № 45, 1672; № 49, 1673; № 54, 1672 и др.; ср.: Прибыла, гсдрь, ко мьне племянни(ца), брата моего дочишка, сирота, *вѣдовица* с молчишкам из Новгоротчины (ИНРЯ, С, № 44, 199, XVII — нач. XVIII в.), см. также СПП, 1, 23, 1613 и мн. др.; И в Астрахани я [крестьянин Ф. Тимофеев], с. т., на посацкой *вдове* на Микитинской жене Матвеева женился (АХБМ, 2, № 534-2, 185, 1659—1660) и др.

В этих примерах из челобитных выступают экспрессивное и книжное *вдовица*[27] (Срезневский, I, 332: только в церковной книжности и Слове Даниила Заточника), см. также в Посланиях Ивана Грозного только *вдовица;* нейтральное *вдова* (Срезневский, I, 332: только в церковных памятниках, но см. в XVII в.: Уложение 1649 г., гл. XVI, ст. 8, 16, 17 и др., гл. XVII, ст. 2, 3, 10, 11 и др. и постоянно в иных памятниках эпохи, ср. также у С. И. Коткова в южновеликорусской письменности XVII — начала XVIII в. — с. 30, 71, 106, 119, 187, 194—195 и др.); и эмоционально-экспрессивная форма *вдовка,* отмеченная нами только в частно-деловых актах (в официально-деловых используются лишь *вдова* и *вдовица*).

Посланы къ тебѣ, государю царю.., на помощь съ Усолские *землицы* съ полушты *сошки* двадцать человѣкъ со всякимъ ратнымъ боевымъ оружьемъ (АИ, 2, № 230, 270, 1609). Совершенно ясно, что *землица* [Усольская] и *сошка* не обозначают здесь 'малая территориально-административная единица' и 'небольшая, меньшая единица податного обложения и земельная мера', а имеют свое обычное значение 'административно-территориальный округ, земля' и 'мера земли и единица налогового обложения; соха', формы *Усольская землица* и *сошка* играют в челобитной лишь экспрессивно-эмоциональную роль.[28] В рассматриваемых

---

[27] Книжный и экспрессивный характер слова *вдовица* отмечает также В. А. Червова (Некоторые наблюдения над именами существительными с уменьшительным суффиксом *-ица,* с. 67—68).

[28] В. А. Червова указывает, что слово *землица* обычно в духовных, данных, купчих грамотах XV—XVII вв.; в якутских актах этот термин употребляется для обозначения участков завоеванной туземной территории — 'волость с нерусским (неславянским) населением' (там же, с. 72).

актах существительные *земля* и *соха* не отмечены, но они обычны в письменности XVII в.: Лѣта 7111 (1603)... диякъ Федоръ Яновъ взялъ въ государеву... казну... съ полутрети и съ полпол-полчети *сохи:* за намѣстничь кормъ, и за присудъ... денегъ одиннадцать рублевъ (АЮ, № 209-8, 220—221) и др.

...Велите, гсдри, пожаловат, дат мнѣ, убогому, саломки *овинецъ* на кровлю (Гр., № 478, XVII — нач. XVIII в.). Здесь также речь идет не о каком-то небольшом по размеру овине, а об обычной в это время мере необмолоченных хлебных злаков — *овине,* ср.: А ржи, г(осударь), у меня [крестьянина П. Авдокимова] было насеяно пол-третья загона.., а будет, г(осударь), тое ржи *авинов* з 10 (АХБМ, 2, № 362, 76, 1659), также КА, № 30, 1685 и др.

Уничижительно-оскорбительный оттенок имеет существительное *князек* в перебранке царских придворных: И называл... он, *княз(ь)* Иван отца моево и меня [И. Лыкова]... недорогими *князками* и лаел... отца моево и мат(ь) мою и меня (МДБП, 2, № 33, 61, 1639), ср. *королевичишки* в Вестях-Курантах (П., № 1, л. 11—13, перв. четв. XVII в.).

Как видно из этих примеров, а их число может быть увеличено, существительные с суффиксом субъективной оценки, выступающие с умалительным значением, также вводятся в текст челобитных совершенно сознательно. Челобитчик, используя их, хочет либо приуменьшить то, что имеет к нему отношение (*черная волостка* вм. *черная волость, деревенька* вм. *деревня, вотчинка* вм. *вотчина, поместьице* вм. *поместье, льготка* вм. *льгота, пирушка* вм. *пир, свадьбенка* вм. *свадьба, челобитенка* вм. *челобитная* и др.), либо стремится принизить себя, своих близких и т. д. (*вдовка* вм. *вдова, сынчишко боярский* вм. *сын боярский* и др.) и тем самым вызвать к себе сочувствие и добиться желаемой цели.

Очень редко в челобитных используются существительные с суффиксами субъективной оценки, имеющие ласкательный оттенок. С этим оттенком в 1080 челобитных нами отмечены слова *сынок* и *сынчек* (очевидно, из *сынец*+*-ек*) в челобитной крестьянки Дарьицы: ...А я, бѣдная сиротка, осталась с троими робятишки, сынку по шестому году.., пожалуйте меня, бѣдную сиротку, съ *сынчекомъ,* велите, государи, с меня землю снять, покамѣста *сынчекъ* подростетъ, а какъ *сынчекъ* подростетъ, и я рада за вами... опять жить во крестьянехъ (ЧО, № 41, 85, 1673), см. здесь же *сынчек* № 40, 1673. Этим единичным употреблениям форм *сынок* и *сынчек* противостоит в челобитных обычное *сын:* И без меня [крестьянина Т. Осипова] снаху мою из дворишка взял [приказчик] з д(в)емя *сыны* и отдал ему, Засецкому Михайлу Ивановичю, на деньги (АХБМ, 2, № 450-2, 133—134, 1660) и др. — или уничижительно-пренебрежительное *сынишко:* А я [крестьянка Федосьица], бѣдная, осталась с робятишки сама пятая, а сынчекъ малъ, пяти лѣтъ... Умилосердися, государь князь Яковъ Никитичъ... вели... с меня земли зъба-

вить... а какъ *сынишко* мой подростетъ, и язъ опять земли на себя прибавлю (ЧО, № 45, 87, 1672) и мн. др.

Сюда же относятся и формы *дочка, рубашечка:* А осталась у меня [попа Александра], г., в селе Лыскове *дочка* моя по пятому годку, да девочка Паня по осьмому годку (АХБМ, 2, № 388, 94, 1659), ср. обычные в челобитных *дочь* или, чаще, *дочеришка, дочишка:* А после сына моево [А. Кульневой] Федара осталося жена ево Ульяна, беременъна, да *дочь* ево пёрвыя жены Марья (СПП, 2, 41, 46, 1613) и мн. др.; Выдал я [Ф. Волоцкий], холоп твои, *дочеришко* свое за него, Василя (МДБП, 2, № 61, 74, 1666); Прибыла, гсдрь, ко мьне племянни(ца) брата моего *дочишка*, сирота (ИНРЯ, С, № 44, 199, XVII — нач. XVIII в.); Умилостивися, государь Федоръ Ивановичъ... укажи, государь, *рубашечку* и портки дать и кафтанъ сѣрой, а я [детинка Спирька Ежов]... брожу страмнымъ дѣломъ (КЧ, № 3, 43, XVII в.), ср. обычные нейтральные *рубаха, рубашка* и уничижительно-пренебрежительное *рубашенка* (АХБМ, 1, № 193, 205, 1652) и др.; *годик* и *годок:* Толка у нас паднаму [по одному] малчишку, абеемъ по четыри *годика* (ИНРЯ, С, № 78, 213, XVII — нач. XVIII в.), см. *годок* в цитате выше (АХБМ, 2, № 388-1, 1659).

Итак, немногие экспрессивно-эмоциональные формы имен существительных с оттенками почтительной ласковости *(батюшка, матушка)* или уменьшительно-ласкательным *(сынок, сынчек, годик, годок)* не характерны для стиля челобитных, их употребление — результат воздействия живой обиходно-бытовой речи, поэтому они встречаются лишь в частно-деловых актах.

Использование разных суффиксов и вариантов основ для образования уничижительно-пренебрежительной формы создает для автора (писца) возможность выбора того или иного образования. В челобитных встречаются и сосуществуют: *бобылек— бобылец — бобылишко, винцо — винишко, дворенок — дворенце — дворишко, денежки — деньженка(-и), дочеришка — дочишка, заводец — заводишко, избенка — избенце(-о), козаченка — козачишка(-и), кляченка — кляченцо — клячка, крестьянинец — крестьянишко(-а), нивица — нивишка, поместейцо(-е) — поместьице — поместьишко, работешка—работишка, сенишко— сенцо, суднишко — судцишко, сынишко — сынчишко, товаренко— товаречек — товаришко, хлебец — хлебишко, человеченок — человеченко — человечишка.* Лишь в редких случаях те или иные варианты экспрессивно-эмоциональной формы различаются по сфере употребления, так, например, *сынишко* 'уничижит. от *сын*' (примеры выше) и 'уничижит. от *сын* в составе сложного термина *сын боярский*': Ц(арю) ...бьетъ челомъ, х. т., бѣдный и безпомощный воронежецъ *сынишко боярский* Алешка Вострикова (СиД, № 80, 139, 1655) и др., — *сынчишко* 'уничижит. от *сын* только в сложном термине *сын боярский*': Царю... бьет челом холоп твой государевъ ливенец *сынчишко боярской*

Ивашко Петров сынъ Павлов (СПП, 2, № 686, 192, 1613) и др.

С словообразовательной точки зрения существительные с суффиксами субъективной оценки представляют собой образования от основ имен существительных мужского (97), женского (97) и среднего (26) рода, а также от основ существительных, выступающих только в форме множественного числа (14).

В образованиях от основ существительных мужского рода преобладают формы с суффиксом *-ишк-(-о, -а)* и производным от него *-чишк-(-о, -а): бобылишко, должишко, есаулишко, зипунишко* и др., *сынчишко* (всего 45), далее, по степени продуктивности суффиксов, следуют образования с суффиксами: *-ок* и *-енок: бобылек, острожок, сынок* и др., а также *дворенок, кученок* (из *кут/ч+-енок), человеченок* (всего 16), *-ец: бобылец, овинец, сосудец* и др. (всего 14), *-енк-(-о): дворенко, запасенко, человеченко* и др. (всего 7). Единичными формами представлены образования с суффиксами: *-ик: ларчик, мужик, годик* (4); *-ушк(-а): батюшка, пирушка* (2); *-к(-а): детинка, коробка* от *короб; -ин(а-): детина, жеребчина; -инк-(а): клочинка* от *клок, -енц(-е): дворенце.*

Среди образований от основ существительных женского рода преобладают формы с суффиксом *-к-(-а) вдовка, вотчинка, кобылка* и др. (всего их 34), далее следуют формы с суффиксами: *-ишк-(-а, -о), -ичишк-(-о)* и *-ешк(-а): банишка, полосишка, работишка, порядничишко* от *порядня* и др., *работешка* (всего их 26); *-онк-, -енк-(-а, -о): лошаденка, одеженка, шубенка* и др. (16). Единичными примерами представлены формы с суффиксами *-иц-(-а): землица, нивица* (5);*-урк-(-а): бочюрка; -ушк-(-а): матушка; -еньк-(-а): деревенька; -очк-(-а): цепочка; -ух-(-а): осьмуха; -енц-(-о): избенцо, кляченцо.*

Среди существительных с суффиксами субъективной оценки, образованных от основ существительных среднего рода, подавляющее большинство составляют формы с суффиксом *-ишк-(-о): бесчестьишко, бревнишко, поместьишко, рукодельишко* и др. (их 18), единичными формами представлены образования с суффиксами *-ц-(-о, -е): сельцо, сенцо, поместейце* (3); *-иц-(-е): поместьице; -к-(-о): озерко, окошко* и *-ечк-(-о): местечко.*

Эмоционально-экспрессивные формы от основ существительных pluralia tantum также образованы преимущественно при помощи суффикса *-ишк-(-и): воротишки, дровишки, животишки, людишки, статчишки* и др. (всего 10), формы с другими суффиксами представлены единично: *-ушк-(-и): детушки; -онк-(-и): деньженки; -к-(-и): денежки, портки.*

Таким образом, в рассмотренных челобитных преобладают экспересcивно-эмоциональные формы с суффиксом *-ишк(-о, -а)*, имеющие уничижительно-пренебрежительный оттенок, — 98 из 250, или около 40%. К ним примыкают существительные с суффиксами *-ец-, -онк-, -енк-(-о, -а, -и), -енц-(-о, -е)* и некоторые другие, также выступающие с этим оттенком значения (41 сло-

во, или более 16%). При употреблении имен существительных с суффиксом *-ишк-* в челобитных наблюдаются колебания в отнесении их к мужскому или женскому роду. По своим словообразовательным связям эта группа существительных принадлежала к среднему роду независимо от грамматического рода производящего слова и реального пола лица, которое обозначало данное слово (*сынишко, дочеришко, зятишко, человечишко* и др.). Материал, содержащийся в челобитных, подтверждает выводы Г. И. Рожковой о том, что у образований с суффиксом *-ишк(-о)* категория одушевленности развивается сравнительно поздно (на протяжении XVII в.), что «находится в связи с первоначальной принадлежностью этих слов к среднему роду, который не выражает этой категории. Развивая категорию одушевленности, уменьшительные (точнее: уничижительно-пренебрежительные. — *С. В.*) существительные с суффиксом *-ишк-* переходят в мужской и женский род в соответствии с родом производящей основы».[29]

Рассмотрение использования в челобитных имен существительных с суффиксами субъективной оценки показывает, что в эту значительную по объему группу, отличающуюся большой частотой употребления как в официально-, так и в частно-деловых челобитных, входят слова повседневной обиходно-бытовой речи эпохи. Однако большинство из них, в том числе все образования с суффиксом *-ишк-(-о, -а, -и)*, выполняют в челобитных определенную экспрессивно-эмоциональную функцию и являются одним из характерных стилевых средств.

Мы коснулись здесь лишь особенностей употребления эмоционально-экспрессивных форм существительных для раскрытия их стилевой функции в челобитных как одной из разновидностей деловых памятников эпохи. Семантика, происхождение и история этих слов в их нейтральной форме будут затронуты во второй части исследования, посвященной изучению лексики XVII в. на материале челобитных.

Объем книги не позволил остановиться на таких стилевых особенностях челобитных, как использование в них особых штампов для выражения некоторых понятий (бедности, имущественного или физического ущерба, оскорбления личности челобитчика и др.), лишь частично отмеченных в разделе о просительной части рассматриваемых актов; специфических фразеологизмов (*дать свет видеть, душой и телом, не в обычай* и др.), старославянских по происхождению и исконно русских фонетико-морфологических вариантов слов (*дщерь — дочь, разбить — розбить* и др.). Эти разделы публикуются в виде отдельных статей, дополняющих сделанное выше описание стиля челобитных.

---

[29] Рожкова Г. И. Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1950, с. 10—11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ структуры и формуляра, этикетных и стилевых средств русских челобитных XVII в. показывает, что уже в начале изучаемого периода эта разновидность деловой письменности предстает перед нами как вполне сложившаяся, обладающая устойчивыми традициями, которые охватывают и форму акта, и отбор определенных лексико-фразеологических средств.

Сопоставление устойчивых формул официально- и частно-деловых челобитных, написанных в Москве и на периферии, показало единообразие оформления этого рода документов на всей территории Московского государства, отсутствие каких-либо местных вариантов. Если и обнаруживаются отклонения от стандарта, то они не носят локального характера, а обусловлены тем, что какой-либо автор (писец) не овладел этим стандартом, не имел достаточного опыта в оформлении подобного рода документов (что особенно часто проявляется в крестьянских челобитьях) или же следовал образцам, которые для XVII в. являлись уже устарелыми (*государь царь,* вместо *царь государь* в начальном протоколе; полное титулование в конечном протоколе и т. п.).

Мы не имеем данных, чтобы судить о том, различались ли формуляры челобитных (жалобниц) официально-деловых и частно-деловых в XVI в., но в XVII в. они не совпадают, причем в вотчинном и поместном делопроизводстве функционирует тот формуляр актов, который был свойствен в начале и середине XVI в. официально-деловым жалобницам-челобитным. Как правило, это различие формуляров челобитий официальных и частных строго соблюдается, и колебания (использование то официально-деловой, то частно-деловой формы) проявляются лишь в делопроизводстве духовных властей (митрополитов, архиепископов и т. д.) и в вотчинной переписке боярина Морозова, поскольку к этому всесильному феодалу, фактическому правителю государства, родственнику и воспитателю царя, часто обращались, используя официальную форму челобитной.

Наряду с устойчивыми формулами формуляра и традиционными словосочетаниями, которыми выражались различного рода клаузулы просительной части (*учинить указ; дать суд* или *дать суд и управу; записать извет* или *записать явку, мир; что*

тебе бог известит и т. д.), челобитные располагали значительным арсеналом дополнительных средств, таких же обязательных при оформлении прошения или жалобы, заявления или доноса. Являясь средством оформления челобитной, эти этикетные обращения и приложения, этикетные и традиционные определения, существительные с суффиксами субъективной оценки выполняли и эмоционально-экспрессивную функцию, поскольку предназначались для воздействия на чувства того, кому была адресована челобитная. Без всех этих постоянно употреблявшихся элементов, как и без формулярных средств, челобитная в сознании челобитчиков и писцов, которые ее составляли, и не мыслилась. Не случайно, например, В. Кикин, написавший в ссылке челобитную патриарху, посылает ее своему другу стольнику А. Безобразову с просьбой: А будет што лишьня или што непристоиное от неразумя моего в сеи в чорнаи челобитнаи моеи написана, и то пожяловат(ь) отставит(ь), а я, убогаи, лутчи тог(о) написат(ь) не умел, и списат(ь) у меня некому (ПНРЯ, П, № 13, 135, втор. пол. XVII в.).

Поскольку челобитные представляют собой разновидность московской деловой письменности, сложившуюся лишь во второй половине XVI в., традиционность их формуляра и внутриформулярных устойчивых средств заключается не в использовании застывших в результате многовекового употребления строго определенных лексически и грамматически формул, как, например, в купчих грамотах: се язъ... купилъ есми.., а купилъ есми...; а далъ есми.., а на то послуси..; а грамоту писал... лѣта... и др. Формулярные элементы и устойчивые внутриформулярные средства челобитных представляют собой целые предложения или части простого и сложного предложений, традиционными для которых являются определенная грамматическая структура, порядок слов, фиксированная позиция по отношению к другому члену простого или сложного предложения и т. д. Лексика и фразеология этих элементов формуляра или внутриформулярных устойчивых словосочетаний относятся к активному словарю русского языка XVII в. Не только устойчивые формулы, которые применяются в тексте челобитных (*учинить указ, дать суд* и т. п.), но и устойчивые словосочетания, образующие начальный протокол, формулу просьбы и другие элементы формуляра (титул адресата, формула вассальной зависимости, челобитье, выражение *пожалуй меня* и иные) в том же виде и составе функционировали в XVII в. и в деловой письменности самого разного назначения, и в обиходно-бытовой речи тех или иных социальных групп.

От других видов деловых памятников XVII в. челобитные отличаются своей экспрессивностью. Для языкового выражения просьбы, мольбы, для описания бедственного положения просителя привлекались экспрессивные средства церковной книжности, специальные средства деловой письменности, лексика и фразеология обиходно-разговорной речи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума. Под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., 1960.

АЗР, 1 — Акты, относящиеся к истории западной России. Собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 1. Спб., 1846.

АИ, 1—3 — Акты исторические. Собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 1. Спб., 1841; т. 2. Спб., 1841; т. 3. Спб., 1841.

Акты Лодомск. церкви — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. — РИБ, т. 25. Спб., 1908.

АМГ, 1—3 — Акты Московского государства. Под ред. Н. А. Попова. Т. 1—3. Спб., 1890—1901.

АСЭИ, 1—2 — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952; т. 2. М., 1958.

АФЗХ, 1 — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. I. М., 1951.

АХБМ, 1—2 — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 1 и 2. М.—Л., 1940—1945.

АХУ, 1—3 — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1—3. — РИБ, т. 12, 14, 25. Спб., 1890—1908.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссией. Спб., 1838.

АЮБ, 1—3 — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссией под ред. Н. Калачова. Т. 1—3. Спб., 1857—1884.

Баг. — Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетиях. Собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886.

Вести-куранты, (П.) — Вести-куранты 1600—1639 гг. Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. Приложения, с. 217—240.

ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собранные митрополитом Макарием. (КДРС).

ВУР, 1—3 — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1—3. М., 1953—1954.

Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Гр. Сиб. Милл., 1—2 — Миллер Г. Ф., История Сибири. Т. 1—2. М.—Л., 1937—1941. (КДРС).

ДАИ, 5, 10 — Дополнения к Актам историческим. Собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 5. Спб., 1853; т. 10. Спб., 1867.

ДД, 1—2 — Донские дела. РИБ, т. 18. Спб., 1898; т. 24. Спб., 1906.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

ДТП, 2 — Дела Тайного приказа. Кн. 2. РИБ, т. 23. Спб., 1908.

Дьяк. Оч. — Дьяконов М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII в. Спб., 1898. Приложения, с. 334—341.

ИНРЯ, К (Л, М, П, С, Ч) — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М., 1964. Фонды Киреевских, Ларионовых, Масловых, Пазухиных, Самариных, Челищевых.

КА — Кунгурские акты XVII в. (1668—1699 гг.). Спб., 1888.

Кн. пер. Нил. Столб., I—VII — Переписные книги Ниловой Столбенской пустыни. Ркп. Смоленск. пед. ин-та. I (1636 г.), II (1647 г.), III (1663 г.), IV (1673 г.), V (1679 г.), VI (1688 г.), VII (1696 г.). (КДРС).

Копенг. разг. — Ein Russisches handschriftliches Versspächbuch, aus dem 17. Jahrhundert. Mit Kommentar von Hans Christian Sørensen. København, 1962.

КЧ — Борисов В. Акты о быте помещиков и крестьян. Раздел А. Крестьянские челобитные. — Чтения ОИДР, 1859, кн. 2. Смесь, с. 41—47.

Лудольф — Лудольф Г. В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937.

МАМЮ — Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6. Псков и его пригороды, кн. 2. М., 1914.

МДБП, I, 2, 5 — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968, отделы 1, 2, 5.

НГБ — Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М. 1954; Арциховский А. В. и Борковский В. И. 1) Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; 2) Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.). М., 1958.

ПНРЯ (П) — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А. И. Безобразова). Изд. подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965. (П — Приложения, с. 129—141).

Посл. Ив. Грозного — Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951.

Посл. Сим. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. I—II. Спб., 1899. (КДРС).

ПРП, 2—6 — Памятники русского права. Вып. 2—6. М., 1952—1957.

Пск. 1 лет. — Псковские летописи. Изд. А. Насопов. Вып. 1. М.—Л., 1941.

Псковская судная грамота. ПРП, вып. 2. М., 1953, с. 282—383.

ПСРЗ — Полное собрание законов Российской империи.

Птр. I — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. Спб., 1887. (КДРС).

РБС — Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963.

РД, I, II (ч. 1 и 2), III — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. М., 1954; т. II, ч. 1. М., 1957; т. II, ч. 2. М., 1959; т. III. М., 1962.

РДС — Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л. 1954.

Р. Джемс — Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РП XVII в. — Русская повесть XVII в. Б. м., 1954.

РП XV—XVI вв. — Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958.

СГГД, 1 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1822.

СиД — Новомбергский Н. Слово и дело государевы. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.). Т. 1. М., 1911.

Слов. моск. — Парижский словарь московитов 1586 г. Перевод, исследование и комментарии Б. А. Ларина. Рига, 1948.

СПП, 1, П, 2 — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа). Под ред. Л. М. Сухотина. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 4. Разделы 1, Приложение, 2.

Уложение 1649 г., гл. . ., с. . ., — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. — ПРП, вып. 6. М., 1957.

Судебники XV—XVI вв. — Судебники XV—XVI вв. Подг. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Под общей ред. акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952.

ТФ — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607, V II. Copenhagen, 1970.

ХКФ, 2 — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Вып. 2. М.—Л., 1936.

ЧГВ — Челобитная подьячего Ямского приказа Григория Всполохова.— Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЧО — Арсеньев Ю. П. Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650—1684 гг.). М., 1902. Раздел 5, с. 64—112. Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. И. Одоевским, 1672—1684 гг.

ЧП — Борисов В. Акты о быте помещиков и крестьян. Раздел В. Челобитные помещиков. — Чтения ОИДР, 1859, кн. 2. Смесь, с. 52—54.

Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.

ЧШ — Арсеньев Ю. П. Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650—1684 гг.). М., 1902. Раздел 3, с. 46—48. Челобитные, поданные боярину Ф. И. Шереметьеву, 1639 г.

БАС, 1—17 — Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. Институт русского языка. Т. 1—17. М.—Л., 1948—1965.

Берында — Лексикон словенороський Памви Беринди. Підготовка тексту і вступна стаття В. В. Німчука. Київ, 1961.

Брюкнер — Brückner A. Słownik etimologyczny języka Polskiego. Warszawa, 1957.

Вейсманнов Лекс. — Вейсманнов. Немецко-латинский и русский лексикон. Спб., 1731.

Востоков, 1—2 — Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка. Т. 1—2. Спб., 1858—1861.

Даль, 1—4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.

ДООС — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Спб., 1858.

Дювернуа — Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.

Картотека обиходного словаря Московской Руси XV—XVII вв. — Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина (Ленинградский университет).

КДРС — Картотека словаря древнерусского языка XIV—XVII вв. — Хранится в Институте русского языка АН СССР, Москва.

Кочин — Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. Л., 1937.

Лекс. 1762 — Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита. Ч. 1—2. Спб., 1762.

Лексикон Поликарп. — Поликарпов Ф. Лексикон треязычный, сиреч речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

МАС, 1—4 — Словарь русского языка. Т. 1—4. М.—Л., 1957—1961.

ООС — Опыт областного великорусского словаря. Спб., 1852.

Российск. Целлариус — Российской целлариус, или этимологический российской лексикон, изданный Ф. Гелтергофом. М., 1771.

РЯС — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук. Т. 1. Спб., 1891—1895.

САР, 1—6 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. Спб., 1806—1882.

Словарь П. С., 1—2 — Общий церковно-славяно-российский словарь, сост. П. С(околовым). Т. 1—2. Спб., 1834.

Срезневский, I—III и Д. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3 и Дополнения. Спб., 1893—1912.

СУ, 1—4 — Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.

СЦСРЯ, 1—4 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением имп. Академии наук. Т. 1—4. Спб., 1847.

Фасмер, 1—3 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—3. М., 1964—1971.

Vasmer — Russisches Etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer. Heidelberg, 1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Волков Святослав Семенович — доцент кафедры русского языка Ленинградского университета, работает в области исторической лексикологии русского языка, автор ряда статей, посвященных изучению словарного состава русского языка XVI—XVII вв. и лексики современного русского литературного языка.

Волков Святослав Семенович

Лексика русских челобитных

Редактор *Ю. Ф. Денисенко*

Техн. редактор *Л. И. Киселева*

Корректоры *И. П. Губерер, А. С. Качинская*

М-21300. Сдано в набор 26 II 1974 г. Подписано к печати 27 V 19

Формат бумаги 60×90[1]/16. Бумага тип. № 3. Печ. л. 10,25. Уч.-изд. л.

Бум. л. 5,12. Тираж 2120 экз. Заказ 118. Цена 85

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164. Ленинград, Университетская наб.,